

Валентин Арсентьевич Никитин

Патриарх Пимен

Текст предоставлен правообладателем http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=644295

Патриарх Пимен: Эксмо; М.: 2011

ISBN 978-5-699-47609-1, 978-5-88017-256-6

Аннотация

Эта книга написана к 100-летию со дня рождения Патриарха Московского и всея Руси Пимена и выходит в год 40-летия со дня интронизации Святейшего. Вы узнаете о жизненном пути последнего «советского патриарха», прошедшего через все горнила и страдания, выпавшие на долю России в XX веке. За нелегкие испытания Господь даровал ему крест патриаршего служения и радость увидеть воочию зарю духовного возрождения России. Книга выпущена по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и рекомендована Издательским Советом Русской Православной Церкви.

Содержание

От автора	4
Родина Патриарха и его юность	6
Инок	19
Сквозь горнило репрессий	27
Испытание войной	33
Служение Иерейское	39
Архиерей	52
Патриарх	72
На пути к православному и общехристианскому единству.	78
Миротворческая деятельность и международные связи	
Тернии Патриаршества (70–80-е годы XX века)	86
1000-летие Крещения Руси. Заря надежды	106
«Вот и полночь на башне пробило...»[266]	116
«Русь уходящая»?..	121
Источники и литература	124

Валентин Никитин

Патриарх Пимен

От автора

Со дня смерти Патриарха Московского и всея Руси Пимена прошло два десятилетия – два поворотных пункта в счете; декада, олицетворяя завершенность в библейской традиции («Десять заповедей» Моисея), обозначает определенную меру (*церковная десятина*) и веку во времени, это символ законченности. В данном случае мы имеем возможность как бы отмерить дважды. Или даже десятикратно, учитывая то обстоятельство, что в 2010 году исполнилось 100 лет со дня рождения четырнадцатого Предстоятеля Русской Православной Церкви.

Церковно-общественная жизнь в России за минувшие двадцать лет развивалась в чрезвычайных, можно сказать, экстремальных условиях, исключительно стремительно – и каждый год был столь насыщен событиями, что соизмерим с десятилетиями. Огромный исторический опыт, усвоенный за это время современниками, не только обязывает нас к обобщениям и выводам, но и позволяет эти выводы сделать.

Очевидно и бесспорно, что нынешнее духовное возрождение в России возникло не на пустом месте, что оно подготавливалось и зрело в недрах того периода, который принято именовать «застойным». На самом деле то был период внутренней подготовки, период сосредоточенного накопления духовного и культурного потенциала. Русскую Православную Церковь возглавлял в те годы Патриарх Пимен, сделавший многое, чтобы нынешнее возрождение стало реальностью. Нужна, конечно, определенная дистанция, чтобы дать объективную оценку исторических событий. Но когда истекает так называемый срок давности, память современников порой притупляется и многие факты оказываются забыты, ретроспектива покрывается туманом. Слава Богу, нам не надо ждать, у нас есть возможность сегодня же рассказать правду о тернистом пути «последнего советского Патриарха». Великого молитвенника и затворника, ссыльного и молчальника, призванного стать схимником, если бы не жребий патриаршества. Едва ли не единственного из Предстоятелей Русской Церкви, который был гимнографом и стихотворцем. В его удивительно точных автобиографических стихах и посвящениях конкретным лицам запечатлены воспоминания о детстве и юности, отражены реальные события церковной жизни за несколько десятилетий.

«Время, в которое жил Патриарх Пимен, не может быть названо страшным или плохим, потому что оно было *Божьим временем*», – справедливо подчеркивает его дееписатель и публикатор литературного наследия архимандрит Дионисий (Шишигин)¹. Не случайно в монастырях старцы «наказывали» новоначальных иноков поклонами, если те ругали погоду: «погода Божия», «у природы нет плохой погоды»!.. Воля Творца проявляется и в Его попущении, когда Бог, не отнимая нашей свободы, позволяет нам своевольничать. *Но как Небо выше земли, так и пути Божии выше путей наших* (Ис. 55, 9).

Патриарх Пимен вырос и духовно возмужал в эпоху судьбоносных потрясений, выпавших на долю России и великого русского народа-страстотерпца. На его памяти революционный катаклизм 1917 года, трагедия Гражданской войны, гонения на религию и верующих, поругание святынь, разрушение храмов и монастырей, аресты и ссылки духовенства, геро-

---

¹ См.: Дионисий (Шишигин), архим. Былое пролетает... Патриарх Пимен и его время. М.: ОАО «ГУП ЭКОНОМИКА», 2010 (ранее опубликовано как цикл статей в газете «Православная Москва», 2005—2010 гг.). Стихи Патриарха Пимена далее цитируются по этому изданию.

ическая защита Родины в годы Великой Отечественной войны. Горек удел того, кто посетил сей мир в *такие* роковые минуты! Но в горниле этих испытаний душа инока и подвижника закалилась, а дух, всецело преданный Богу, возмужал и возвысился. Именно за испытания, воистину, Господь даровал ему и крест патриаршего служения, и радость увидеть воочию зарю духовного возрождения России, добрые плоды возрождения и укрепления Русской Православной Церкви.

«Когда мы со стороны смотрим на жизнь Святейшего Патриарха Пимена, то видим только величие и славу, вспоминаем торжественные богослужения, но не видим тяжелых испытаний, которые он перенес, бессонных молитвенных ночей, слез и страданий, того тяжелого креста, который нес он на своих раменах. Сущностью всей жизни и деятельности четырнадцатого Предстоятеля Церкви Русской было глубочайшее смирение перед волей Божией, соединявшееся с первосвятительской твердостью, несокрушимой верой и монашеским отношением к скорбям, невзгодам и иным неблагоприятным обстоятельствам. Его смирение, скромность, застенчивость соединены были в нем с горением духа. Он слышал слова святого апостола Павла и исполнял их: *в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны* (Рим. 12, 11—12). Вечная и благодарная ему память!»²

Эта память у Бога на небесах увековечена, но и на земле ныне уже запечатлена. 3 мая 2010 года, в день 20-летия со дня кончины Патриарха Пимена, Патриарх Кирилл принял участие в церемонии переименования улицы Железнодорожной в поселке Софрино в улицу Патриарха Пимена. Он посетил художественно-производственное предприятие Русской Православной Церкви «Софрино»; здесь, перед главным корпусом предприятия, Патриарх Кирилл возглавил торжественную церемонию открытия памятника одному из своих великих предшественников.

В июле 2010 года в подмосковном Ногинске (Богородске), на родине Патриарха Пимена, прошли торжества, посвященные 100-летию со дня его рождения. В преддверии юбилея в городе были проведены тематические творческие конкурсы, открылся целый ряд интересных выставок, приуроченных к памятной дате. *Улица 9 января* в центре города была переименована и названа *Патриаршей*, на ней вскоре будет установлен памятник Первосвятителю. На фасаде Богоявленского собора торжественно открыли бронзовую мемориальную доску (скульптор Иннокентий Комочкин) с рельефным портретом Патриарха Пимена и текстом: «В Богоявленском соборе города Богородска в 20-е гг. XX столетия пел на клиросе Сергей Извеков, будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен».

Предлежащая книга – не просто благодарная дань памяти праведника, о которых сказано в Писании: *он вовек не поколеблется; в вечной памяти будет праведник* (Пс. 111, 6). Это и стремление напомнить читателям об истинных духовных ценностях человеческой жизни, скромная лепта в дело воспитания молодого поколения на примере высокого служения одной выдающейся личности. Это и попытка исследования и анализа целой эпохи в истории нашей страны и Русской Православной Церкви, когда жил Патриарх Пимен. Его личность и судьба – не достояние лишь кладбищенского мемориала, а живая и неотъемлемая часть этой эпохи, со всеми ее исканиями, ошибками и обретениями. Нам хочется надеяться, что книга послужит и более глубокому пониманию такого уникального явления, как миссия и призвание Церкви в современном мятущемся мире, полном борьбы и противоречий.

² Дионисий (Шишигин), архим. Крест Патриарха. Интервью Марине Гордон 9 июля 2010 г. // Православие и мир (www.pravmir.ru).

Родина Патриарха и его юность

23 июля 1910 года, в праздник Положения Честной ризы Спасителя в Москве (1625 г.), в семье Михаила Карповича и Пелагеи Афанасьевны Извековых родился сын. По милости Божией ему суждено было стать Патриархом Московским и всея Руси. Родился он в селе Кобылино в Калужской губернии – на родине своего отца³.

На восьмой день, как и положено, младенцу нарекли имя в честь преподобного Сергия, игумена и чудотворца Радонежского, великого печальника и заступника Земли Русской. Таинство святого Крещения будущий Патриарх принял 28 июля в Троицком храме села Глухова Богородского уезда⁴. В это село после родов переехала раба Божия Пелагея. Этот храм запечатлен ее сыном в стихотворении «У Троицы»:

За рекой, средь душистой березы,
Деревянный, зеленый, как лист,
Храм стоял (мои детские грезы) –
Купол бел и, как облако, чист.
В этом храме я принял Крещение,
И моя драгоценная мать
Приносила меня в воскресенье
На руках, чтобы тут причащать...

В деревне Глухово, на окраине Богородска, прошли детство и отрочество Патриарха, началась его юность. Дом Извековых стоял в местечке, называемом в просторечии «Стройка», близ села Зуево. Здесь еще до рождения Патриарха начали строить храм (попечением известного промышленника и благотворителя Арсения Ивановича Морозова, 1850—1932), который освятили во Имя Святой Живоначальной Троицы⁵.

И «первоначальные впечатления бытия», и вполне сознательные, зрелые и ответственные события в жизни Патриарха Пимена связаны с деревней Глухово и городом Богородском, само название которого так отрадно для слуха. «Святейший очень любил Богородск, свой родной город. Мы вместе несколько раз приезжали сюда в начале 80-х гг. прошлого века, – вспоминает о. Дионисий (Шишигин). – Из окна машины он смотрел на все более ветшающий Богоявленский собор, на Тихвинский храм, пытался разыскать старенькие покосившиеся от времени домики с давно покинувшими их прежними жильцами. Однажды он вдруг остановил машину, вышел из нее и уверенно пошел по бывшему кладбищу сразу за Тихвинским храмом. Легко нашел какое-то дерево, из корней которого росло несколько стволов. Указав на место рядом с этим деревом, Святейший сказал: «Здесь похоронена моя мама». Взял из моих рук шкатулку, и мы собрали в нее немного земли. «Эту шкатулку положи мне в гроб». Не нашел я потом эту шкатулку и завет его не смог выполнить...»⁶

Вот трогательные поэтические строки, в которых отразились воспоминания детства Патриарха:

³ В студенческом билете С.М. Извекова, учащегося Андиганского вечернего педагогического института, подписанном будущим Патриархом, местом его рождения значится село Кобылино Бабицкой волости Малоярославского уезда Калужской губернии. Согласно официальному послужному списку (архив Московской Патриархии), Патриарх Пимен родился в уездном городе Богородске (ныне Ногинск), как и указывалось в советских изданиях.

⁴ Выписка о крещении из личного дела С.М. Извекова. Ростовское епархиальное управление. 4 июня 1949 г. // Церковно-исторический музей Данилова монастыря.

⁵ См.: Троицкая церковь в селе Глухово // Богородский край (альманах). 1996. № 3.

⁶ Дионисий (Шишигин), архим. Крест Патриарха... // Православие и мир (www.pravmir.ru).

Распускалась сирень величаво
Над красавицей Клязьмой рекой,
Золотая луна выплывала,
Освещала весенний покой.
Это Глухово, нежно-прекрасное,
Там, где детство моё протекло,
Где родилось желание властное,
Что ко храму меня привлекло...

Соседнее село Воскресенское было вотчиной князей Нарышкиных и принадлежало матери Петра Великого – Наталье Кирилловне. По указанию царя здесь в 1706 году построили церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы, уникальный памятник деревянного зодчества в Подмосковье⁷.

Об основании Богородска, расположенного в пятидесяти километрах к востоку от Москвы, сохранились достоверные сведения. В XIV веке на этом месте было село Рогожа (известно с 1389 года), впоследствии, с 1506 года – ямская слобода Старый Рогожский Ям, где ямщики меняли лошадей, а путники могли отдохнуть по дороге из Москвы во Владимир и Нижний Новгород.

Летом 1781 года царица Екатерина II ехала в карете из Москвы во Владимир, торопясь на молебен в древнем Успенском соборе. Внезапно над Владимирским трактом сгустились тучи, грянул гром, заблистали молнии... Царица мистически боялась погибнуть во время грозы, посему, не раздумывая, остановилась в ближайшем селе Рогожа. Взмолвленные крестьяне были счастливы видеть «матушку Екатерину». Они проявили чудеса обходительности и бережно укрыли ее от рассвирепевшей стихии.

Встретив столь трогательный прием, царица сочла это за перст Божий. Она дала обет утвердить на этом месте город и мысленно нарекла ему достойное сего происшествия имя: *Богородск*, что означает «рожденный Богом».

Возвратившись в Санкт-Петербург, Екатерина II не забыла о своем обещании Богу. Той же осенью, а именно 5 октября 1781 года императрица своим Высочайшим именным Указом велела главнокомандующему Москвы князю Василию Михайловичу Долгорукову-Крымскому (1722—1782) «переименовать городом ямское село Рогожу под названием Богородск». 20 декабря Екатерина начертала «быть по сему» на докладе Сената, которым на усмотрение императрицы представили описания гербов новых городов Московской губернии. Герб Богородска отражал распространенность шелкоткачества в уезде.

5 октября 1782 года состоялось торжественное «открытие» Московской губернии и одновременно Московского и Богородского уездов. 7 октября в Кремлевском дворце дворяне губернии, «разделясь поуездно в разных покаях», выбирали уездных предводителей дворянства. Богородские дворяне выбрали предводителем генерал-поручика С. А. Всеволожского.

Население Богородска в то время составляло около 500 жителей. Не забыла царица о новом уездном городе и впоследствии: 16 января 1784 года она утвердила его топографический план.

Согласно имеющимся историческим сведениям, в 1815 году в Богородске проживало 596 жителей (350 мужчин и 246 женщин). Преобладание мужчин объяснялось относительно большим числом военнослужащих, расквартированных в городе. Домов тогда было 78, и

---

⁷ В Покровском храме сохранились резные деревянные скульптуры святителя Николая Чудотворца и святой великомученицы Параскевы, а также двенадцати апостолов и Спасителя. В 1865 г. был освящен белокаменный храм, тоже Покровский, с приделами во имя преподобной Марфы и великомученицы Параскевы, с трехъярусной высокой колокольной. В годы большевистского лихолетья прихожанам удалось отстоять храм от разграбления.

все – деревянные. Город занимал площадь в 1217 квадратных саженей, то есть примерно полгектара.

В середине XIX века в уездном училище Богородска преподавал историю и географию великий русский мыслитель Николай Федорович Федоров (1829—1903). Здесь сложилась в основных чертах его «Философия общего дела», имевшая в рукописи название «В защиту знания и веры».

В 1896 году в Богородске было уже 111 каменных и 1930 деревянных зданий. В 1911 году решением городских уполномоченных многие улицы и переулки здесь получили свои названия, сохранившиеся и поныне: Рогожская, Железнодорожная, Нижегородская, Благовещенская, Толстовская улицы; Гжельский, Хамовнический, Корякинский, Жуковский, Песочный, Пчельнический переулки.

В 1910 году, когда родился будущий Предстоятель Русской Православной Церкви, население достохвального Богородска насчитывало более 15 тысяч человек, многие из которых были старообрядцами.

Город, весьма скромный по количеству жителей, славился торговлей, кустарным и текстильным производством, в нем было три больницы, десять учебных заведений, две библиотеки, несколько благотворительных учреждений и типография. С XIX века Богородск стал крупным центром текстильной промышленности, здесь находилась знаменитая Глуховская ткацкая фабрика (принадлежавшая Арсению Морозову), бывшая мануфактура, а впоследствии – хлопчатобумажный комбинат.

Механиком на этой фабрике, самом крупном предприятии Богородска в то время, работал Михаил Карпович Извеков (1867—1942) – отец будущего Патриарха Пимена. Родословие его, предположительно, восходит к старинному дворянскому роду Извековых.

«Красиво звучащая фамилия Извековы не из часто встречающихся, но статья о дворянском роде Извековых помещена в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, – отмечает академик Сигурд Оттович Шмидт, председатель Археографической комиссии РАН и Союза краеведов России. – И там же [помещена статья] о писательнице кануна Отечественной войны 1812 года М. Е. Извековой – романистке, одной из зачинательниц так называемой дамской литературы. Это фамилия патриарха советских времен Пимена. Фамилию Извеков избрал главному герою трилогии о России первых десятилетий XX века писатель К. А. Федин⁸. Дворянский род Извековых достаточно древний, но из рядовых в служебном отношении. Из разветвившейся семьи вяземских вотчинников XVI века образовались роды помещиков губерний средневропейской части России. Некоторые из них на служебной лестнице достигли высоких чинов и в военной, и в штатской службе, но немало было и невидных чиновников, мелкопоместных землевладельцев и *однодворцев*. Положили начало Извековы и фамилиям потомственных священнослужителей...»⁹

Известно, что в XVI веке Извековы служили при дворе царя Иоанна IV Грозного; в XVII—XVIII веках это, как правило, провинциальные дворяне в различных уездах России – Вяземском, Зубцовском, Ливенском и других. В «Общем гербовнике дворянских родов» Российской империи приведено черно-белое изображение герба рода Извековых и его описание:

⁸ Подразумевается трилогия К.А. Феина «Первые радости» (1945), «Необыкновенное лето» (1947—1948) и «Костер» (кн. 1-я – «Вторжение», 1961; кн. 2-я – «Час настал», 1965), главный герой которой Кирилл Извеков достойно проходит все испытания, выпавшие на долю многострадального русского народа – революцию и Гражданскую войну, репрессии, Великую Отечественную войну.

⁹ Извеков И.Н., Извеков А.И., Баранов С.Ю. 500 лет на службе России. Дворянский род Извековых от Вяземских вотчинников до наших дней / Предисл. акад. С.О. Шмидт. СПб.: «Наука», 2002. С. 3–9 (цит. с. 3–4; см. также с. 32, 339, 378, 387, 482, 542, 560).

«В щите, имеющем золотое поле, изображена выходящая из облаков рука в латах, держащая натянутый лук со стрелою, под которой крестообразно означены: копье, сабля и стрела, остриями вверх обращенные.

Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною. Намет на щите золотой, подложенный голубым»¹⁰.

Михаил Карпович Извеков, судя по всему, принадлежал к категории упомянутых выше *однодворцев*¹¹, то есть обедневших дворян, которые на протяжении XVIII—XIX столетий постепенно превращались в крестьян и служилых людей, разночинцев и интеллигентов. Он имел специальное техническое образование (как минимум окончил реальное училище). Однако следует отметить, что его генеалогия изучена явно недостаточно и, начиная с третьего колена по восходящей линии, о его предках достоверных сведений пока не имеется.

«Наши попытки восполнить этот пробел, – пишут современные исследователи, – пока не увенчались успехом. Все запросы в архивные и даже церковные инстанции, а в конечном итоге к тем, кто непосредственно знал и работал с Патриархом, остались без ответа. Нам приходилось даже встречаться с людьми, кто утверждал, что их предки находились в родстве с С.М. Извековым. Однако документально эти заявления подтверждения не получили»¹².

* * *

Основанная в 1847 году Захаром Саввичем Морозовым (сыном знаменитого промышленника и мецената), Глуховская ткацкая фабрика выпускала ткани, пользовавшиеся широким спросом. Честолюбивые хозяева задумали наладить здесь лучшее в мире ткацкое производство, так что и новое фабричное здание в начале XX века строили по образцовой технологии. Проектировал и руководил строительством архитектор А. В. Кузнецов (1874—1954), ученик знаменитого зодчего Ф. О. Шехтеля. Фабрика, на которой в детстве и отрочестве часто бывал будущий Патриарх, стала одним из первых образцов применения железобетона в строительстве большого масштаба. Это было огромное по площади одноэтажное здание с бетонным перекрытием, сплошь изрезанным «световыми фонарями», что создавало ощущение присутствия дневного света в цехах. Здесь монотонно шумели многочисленные ткацкие станки, производились из пряжи разнообразные ткани; то был сложный технологический процесс, требующий постоянного внимания механика. В обязанности Михаила Карповича входило следить за работой всех механизмов, наблюдать за их эксплуатацией, поддерживать их в исправном состоянии.

Но главной достопримечательностью Богородска был конечно же величественный Богоявленский собор, возвышавшийся в историческом центре на берегу реки Клязьмы¹³.

Собор построили в 1876 году на месте прежнего одноименного храма, более древнего, но быстро обветшавшего. Неоднократным перестройкам подвергалась и его колокольня, возведенная в классическом стиле.

Неподалеку находился пятиглавый храм¹⁴, освященный в 1857 году в честь Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы святителем Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским и Коломенским. В центре храма с могучего свода, покоившегося на четырех столпах, спускалось величественное паникадило в виде большого четырехгранного креста. Состав-

¹⁰ Извеков И.Н., Извеков А.И., Баранов С.Ю. Цит. соч. С. 22—23.

¹¹ См.: «Российская государственность в терминах. IX – начало XX века». М., 2001. С. 278.

¹² Извеков И.Н., Извеков А.И., Баранов С.Ю. Цит. соч. С. 387.

¹³ Богоявленский собор был в 1930-е годы закрыт и обезображен; восстановлен в конце 80-х гг. XX в.; ныне это действующий храм по адресу: 142400, г. Ногинск, ул. Рабочая, 16а; тел.: 4-33-71.

¹⁴ Ныне действующий собор, находится по адресу: 142400, г. Ногинск, ул. Рабочая, 2; тел.: 4-21-06.

вленный из разноцветных стекол, крест излучал мягкий матовый свет. На гранях его светились разноцветные лампы. Паникадило было изготовлено под руководством Михаила Карповича Извекова.

* * *

Год рождения будущего Патриарха был насыщен событиями, которые вполне выражали дух времени.

В России продолжался интенсивный экономический и промышленный подъем; это был, например, год триумфа для российской авиации, вдохновленной гением Н. Е. Жуковского¹⁵. Страна подтверждала свою готовность к научно-технической революции. В мае 1913 года в окрестностях Богородска была пущена «Электропередача» – первая в России районная электростанция на торфе¹⁶. В 1916 году в Затишье близ Богородска началось строительство снаряжательного и электрометаллургического заводов, в связи с чем в 1925—1928 годы возник новый поселок Электросталь, и это же наименование получила ближайшая железнодорожная станция.

Наряду с этим в стране усиливалось классовое расслоение, обострялось социальное неравенство, что вызывало широкое народное недовольство. Похороны Льва Толстого вылились в грандиозную манифестацию, явившись не только выражением скорби по великому писателю, но и символом раскола в русском обществе; они были использованы в идеологических целях врагами Церкви. Стало ясно, что на арену истории выходит не просто толпа, а распропагандированная масса, одержимая бесами смуты и революции...

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей...

Макс. Волошин. «Пути России»

В патриархальном на первый взгляд Богородске в начале XX века уже действовали подпольные революционные организации; из среды глуховских текстильщиков вышли, помимо упомянутого В. П. Ногина, известные революционеры И. В. Бабушкин и А. Г. Железняков (матрос Железняк). К счастью, большинство рабочих, исконных крестьян по происхождению, сохраняли еще связь с Церковью и были хорошими прихожанами. Но ситуация стремительно менялась – и менялась к худшему.

Человек умный, доброжелательный и чуткий к нуждам рабочих, Михаил Карпович Извеков был хорошо известен в городе и пользовался большим уважением. Помимо основной работы, несколько лет он был городским брандмейстером, то есть возглавлял добровольное пожарное общество. Большую часть времени Михаил Карпович проводил на работе, а потому труды по воспитанию сына в основном ложились на плечи матери – Пелагеи Афанасьевны (1871—1936). Ей помогала дочь, старшая сестра Сергея Извекова и приемница его от купели – Мария Михайловна (1889—1986), к тому времени вышедшая замуж и нянчившая крестника вместе со своими детьми. Пелагея Афанасьевна (урожденная Иванова) отличалась сугубо русским православным духом, кротостью и добротой. Духовным ее наставником был старец Зосимовой пустыни иеромонах Алексей¹⁷, тот самый старец, кото-

---

¹⁵ Выдающийся русский летчик Михаил Никифорович Ефимов (1881—1919) установил в 1910 году мировые рекорды на соревнованиях в Ницце и Петербурге.

¹⁶ Тогда же здесь возник поселок, ставший 25 апреля 1946 года городом районного подчинения с названием Электросталь.

¹⁷ В миру Федор Алексеевич Соловьев (1846—1928); канонизирован в 2000 г., память 19 сентября.

рый вынет жребий с именем Патриарха Тихона в храме Христа Спасителя 5 ноября 1917 года.

Глубоко скорбя о том, что дети, рождавшиеся после старшей Марии (Анна, Владимир, Михаил, Людмила), умирали во младенчестве, Пелагея Афанасьевна по благословению о. Алексия дала обет посвятить будущего ребенка служению Богу. И этот обет был ею свято соблюден. Как только родился долгожданный сын, мать поручила его водительству Царицы Небесной, перед Владимирским образом Которой в доме теплилась неугасимая лампада.

«Владимирский образ Божией Матери, – вспоминал впоследствии будущий Патриарх, – это московская святыня, святыня тех мест, где я родился. Он был нашим семейным образом, он стал моим образом на пути иноческого делания. В день празднования этого же образа, по благословению Царицы Небесной, совершалась моя интронизация»¹⁸.

Хорошо известно, какое исключительное значение имеет в истории России эта чудотворная святыня, покровительница Русской Церкви и Державы Российской. Перенесение Владимирской иконы из Константинополя в Киев, затем во Владимир и в Москву тесно связано с последовательными этапами в становлении и развитии русской государственности. Под благодатным осенением этой великой национальной святыни, являвшейся и семейной святыней дома Извековых, проходило духовное формирование личности будущего Патриарха.

Пелагея Извекова умело направляла воспитание сына. В доме было много религиозной литературы. Мать охотно читала сыну вслух, душеполезное чтение развивало его природные духовные наклонности и углубляло веру. Ознакомившись с Новым Заветом, мальчик стремился глубже постичь непреходящее значение заповедей Христовых. Вскоре у него появились любимые церковные писатели. «Я с детства увлекался творениями «Русского Златоуста» – архиепископа Херсонского Иннокентия, – вспоминал впоследствии Патриарх Пимен. – Мне всегда нравилась глубина его мыслей. Чем больше вчитывался я в его проповеди и другие произведения, тем больше восхищался его богословием. Что же касается формы изложения и красоты слога, то я был уверен в непревзойденности сего святителя, и если бы тогда кто-нибудь меня спросил, кто мне больше всех нравится из Херсонских архипастырей, я бы, не обинуясь, ответил: Иннокентий»¹⁹.

Уже с детских лет храм Божий стал для будущего святителя самым дорогим местом: его умиляло благолепие церковных служб, глубоко в душу проникало стройное церковное пение. Вместе с матерью мальчик совершал паломничества в Троице-Сергиеву Лавру²⁰.

О своих незабываемых посещениях Лавры будущий ее Священноархимандрит вспоминал с глубокой благодарностью: «Привезенный своей родительницей в святую Лавру Сергиеву, когда мне исполнилось 8 лет, я впервые исповедовался и причащался Святых Тайн в Зосимо-Савватиевской церкви Лавры»²¹.

Ногинский (богородский) краевед и журналист Е.Н. Глазков, земляк Патриарха Пимена, пишет: «Знакомясь с первыми годами жизни мальчика, трудно отделаться от впечатления, что все это уже где-то читал, где-то слышал: и простая набожная семья, и обет матери посвятить свое будущее дитя служению Богу... Ну, конечно же примерно в таких же выражениях повествуют о своих героях жития святых»²².

¹⁸ *Пимен, Патриарх Московский и всея Руси*. Слово, произнесенное в праздник Преображения Господня при вручении иконы Богоматери в благословение духовенству и верующим города в Успенском соборе Одессы 19 августа 1971 года // Слова, речи, послания, обращения. Т. 1 (1957—1977). М.: изд. Московской Патриархии, 1977. С. 107.

¹⁹ Там же. С. 106.

²⁰ Ранее, до 1796 года, Троице-Сергиева Лавра была в составе Богородского уезда, вместе с Хотьковским монастырем.

²¹ *Пимен, архимандрит, наместник Троице-Сергиевой Лавры*. Слово, сказанное при наречении во епископа Балтского, викария Одесско-Херсонской епархии, в Успенском соборе Одессы 16 ноября 1957 года // Слова... Т. 1. С. 51.

²² *Глазков Е.* У нас общая история, одно Отечество и одно будущее // «Знамя коммунизма» (газета). Ногинск, 1 июня

Да, это так, и это в высшей мере справедливо. И в такой же мере все это не вымысел, а чистая правда – так оно и было. Именно такое *народное благочестие*, основанное на тысячелетних традициях Святой Руси, явилось мощным фактором духовного сопротивления безбожникам, пришедшим к власти в 1917 году и вскоре преданным анафеме²³.

Одним из первых законодательных актов новой власти явилось постановление Совнаркома «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению» (2 декабря 1917 года), упредившее последующий вскоре декрет об отделении Церкви от государства (20 января 1918 года)²⁴.

Мальчику Сереже Извекову тогда было 7 лет.

Одновременно большевики развязали шумные пропагандистские кампании по вскрытию и ликвидации святых мощей, началось насильственное закрытие монастырей и храмов. Но отделить Церковь от семьи с ее добрыми церковными традициями никакие постановления и декреты, никакие безумные акции безбожной власти не могли.

Занятиям в школе предшествовали уроки, которые Сергею Извекову давала опытный педагог и близкий друг семьи – Анна Андреевна Борисова, супруга богородского протоиерея Владимира Борисова.

В Богородском уезде в то время хорошо сохранились и были доступны для посещения старинные усадьбы с уютными старинными парками и роскошными дворцами – Гребнево и Каменки, Савинское и Глинки. В них некогда бывали Г.Р. Державин и В.А. Жуковский, П.А. Вяземский и М.Ю. Лермонтов, другие замечательные поэты и писатели. Дух поэзии витал над этими благословенными местами... И не здесь ли зародилась в отроке Сергее любовь к родной русской земле, любовь к отеческой поэзии? Не здесь ли родились первые строки его чистых и трогательных стихов?

Вот одно из них, посвященное родному городу. Оно так и озаглавлено – «В городе Богородске»:

Близ Москвы, у шоссеиной дороги,
Где на Нижний идут ходоки,
Богородск. Там же берег отлогий
Вдоль обрывистой Клязьмы-реки.
В летний день много тени и влаги,
А зимой – белый снежный покров...
Много фабрик: «Морозов», «Елагин»
Средь больших и уютных дворов.
Да высоких два храма со звоном,
Красотой и величьем плена,
Бархатистым малиновым звоном
Призывали к молитве меня.

Молитва с детских лет осенила Сергея Извекова своим благодатным покровом, и он, можно сказать, от колыбели был «человеком Божьим». А своей малой родине обязан будущий Патриарх редким знанием хоровой музыки, безупречным музыкальным вкусом и любовью к церковным напевам.

1988 г. С. 3.

²³ В Послании св. Патриарха Тихона от 19 января 1918 г. сказано: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню гееннскому... Властью, данной нам от Бога... анафематствуем вас...»

²⁴ См.: Декреты советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.

Ведь именно в Богородске был создан знаменитый «Морозовский хор» (при поддержке известного предпринимателя-старообрядца), расцвет которого пришелся на начало XX столетия. Первым руководителем хора, исполнявшего древние церковные напевы, стал Иван Аверьянович Фортов, знаток крюкового пения; в 1907 году его сменил молодой регент Павел Васильевич Цветков (1881—1911), «вдохновитель знаменного пения». Под его руководством хор достиг известности, выступал в Московской и Санкт-Петербургской консерваториях, пел с императорской капеллой, записал несколько граммофонных пластинок. В детстве Сергей Извеков должен был слышать эти пластинки. Удивительно, что одновременно с церковными хорами на Богородско-Глуховской мануфактуре был создан *Рабочий хор*, которым несколько лет руководил Александр Васильевич Свешников (1890—1980), впоследствии всемирно известный дирижер, создавший Государственный хор русской песни СССР. Для него работа в Богородске стала первым шагом к вершинам хорового искусства, и он впоследствии всегда эти годы с благодарностью вспоминал. *Рабочий хор* под управлением А. В. Свешникова не раз выступал на Глуховской ткацкой фабрике, участвуя в благотворительных акциях.

В такой «музыкальной атмосфере» протекало детство будущего Патриарха – у стен старинных храмов и колоколен, заслонявших стены купеческих лавок и фабричных корпусов; они были не ниже, а даже выше их дымящихся труб, позволяя как бы не видеть наступления нового «стального века».

Богородск был совсем не захолустьем, в нем всю первую четверть XX века била ключом общественно-культурная жизнь. Здесь практически одновременно с Москвой появился свой кинематограф, а каждый киносеанс в то время был культурным событием, сопровождался музыкой в исполнении тапера или даже оркестра; перед началом сеанса часто выступали именитые артисты и популярные лекторы. При местном клубе приказчиков существовал небольшой оркестр под руководством скрипача Йозефа Кухарского, который по праву гордился тем, что является учеником великого польского композитора и скрипача-виртуоза Генрика Венявского. В Богородском реальном училище в 1907—1912 годах учились будущий знаменитый писатель Борис Пильняк (1894—1938) и менее знаменитый, но тоже очень талантливый Александр Перегудов (1894—1989). Любовь к Богородску, к русской провинции с ее тихим бытом и легендарным прошлым, зародившаяся в их душах тогда, нашла отражение в творчестве обоих.

В начале XX века большой популярностью в России стали пользоваться народные университеты, в которые принимались лица обоего пола, независимо от наличия диплома о среднем образовании. В Богородске было открыто отделение Московского народного университета им. А. Л. Шанявского (в Москве в таком университете учился Сергей Есенин).

Первая мировая война, отголоски которой взорвали безмятежное детство Сережи Извекова, пагубно сказалась на культурной жизни города и всего Богородского уезда. Молодые люди уходили добровольцами на фронт или были мобилизуемы в армию, часть общественных зданий, включая библиотеки, переоборудовалась под госпитали. Появились и беженцы, и мигранты, что объективно снижало уровень культуры в обществе.

Революцию 1917 года Богородск пережил относительно спокойно, хотя он весьма близко расположен к Москве, где шли классовые битвы и уличные бои, воздвигались баррикады и даже по Кремлю стреляли из пушек... Впрочем, дыхание революционных преобразований не могло не коснуться города – и даже его названия: 20 января 1930 года (спустя 13 лет) президиум ВЦИК постановил переименовать Богородск в Ногинск – в честь советского государственного и партийного деятеля В. П. Ногина²⁵. Решение было принято

²⁵ Виктор Павлович Ногин (1878—1924), более известный под партийной кличкой Макар, – бывший рабочий на Глуховской мануфактуре в Богородске; в 1921—1924 гг. являлся председателем Центральной ревизионной комиссии РКП(б).

по мотивам ходатайства Московского областного Исполнительного Комитета: «несоответствие существующего названия современному строю и культурно-политическому уровню населения»²⁶.

28 июня 1918 года по декрету советского правительства началась всеобщая национализация крупных промышленных предприятий. После национализации ткацкой фабрики промышленника Г. И. Шibaева ее руководство пригласило на должность главного механика Михаила Карповича Извекова. Рабочие Богородска относились к нему с глубоким уважением, ценили его профессиональное мастерство и душевную отзывчивость. Михаил Карпович принял это предложение, и семья переехала на другой конец города – в Истомкино, ближе к месту работы отца. С того времени Извековы стали прихожанами Богоявленского собора.

В мае 1918 года в этом соборе Божественную литургию совершил Патриарх Тихон в сослужении митрополита Владимирского Сергия (Страгородского), будущего Патриарха. Сергею Извекову было тогда около 8 лет. Есть все основания полагать, что мальчик был на том богослужении, и таким образом здесь молитвенно встретились три Патриарха. Благословляя прихожан храма, святитель Тихон, надо полагать, благословил и отрока Сергия.

Уже тогда ощущалось губительное и злое дыхание революционной стихии, шли аресты и расстрелы священнослужителей.

В сентябре 1918 года красногвардейцы зверски расправились с протоиереем Константином Голубевым, настоятелем Богоявленского собора. Он был известен своим твердым исповедничеством и пламенной миссионерской проповедью. Безбожники арестовали отца Константина, несколько дней держали в тюрьме, а затем приговорили к расстрелу без суда и следствия. Страдалец был еще жив, смертельно раненный, когда его бросили в ров и заживо закопали! Вместе с ним были убиты и сброшены в общую могилу солдат, отказавшийся стрелять, и сердобольная заступница – женщина из толпы, следовавшей за о. Константином к месту казни²⁷.

В том же 1918 году в окрестностях Богородска закрыли Берлюковский Николаевский мужской монастырь с соборным храмом во Имя Святой Троицы. В монастыре, основанном еще в начале XVII века, находилась святыня обители – чудотворный образ (обретенный в 1829 году) «Лобзание Христа Спасителя Иудой»²⁸. Монахи, следуя давней традиции, собирали пожертвования, обнося окрестные села и города этой редкой иконой, весьма почитавшейся местным населением. Непременно посещали они село Воскресенское и город Богородск. Икона «Лобзание Иуды» запомнилась Сергею Извекову еще с детских лет как *символ совершенной преданности Иисуса Христа воле Божией*.

Прими, Господь, стремление
И душу облегчи,
Мне даруй исцеленье
И вере научи.

---

²⁶ Наименование Ногинск режет сегодня слух явным анахронизмом, и большинство жителей предпочитают именовать свой город Богородском. В Москве площадь Ногина и одноименная станция метро переименованы еще в начале 1990-х гг. Давно пора администрации города вернуть ему историческое название.

²⁷ По благословению Патриарха Алексия II протоиерей Константин Голубев причислен к лику местночтимых святых в 1996 г.; в 2000 г. прославлен в сонме новомучеников Российских; мощи его ныне пребывают в Тихвинском храме г. Ногинска (Богородска); память 19 сентября/2 октября, в день тезоименитства св. благоверного князя Константина, Ярославского чудотворца.

²⁸ См.: *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. С подробным историческим описанием основания Москвы и очерком ее замечательных окрестностей. Изд. 3-е [изд. 1-е – 1893]. М., 2003. С. 559.

После закрытия Берлюковской пустыни эта икона была принята Покровским храмом села Воскресенского, и перед ней порой молился будущий Патриарх. Впоследствии эта икона не раз возникнет в его жизни как знак, подаваемый свыше²⁹. Вскоре под сводами богородских храмов оказались святыни других закрываемых монастырей – образ преподобного Сергия из Троице-Сергиевой Лавры, икона преподобного Саввы Сторожевского из Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря, Иерусалимская икона Пресвятой Богородицы из подмосковного города Бронницы³⁰.

* * *

В Богородскую среднюю школу имени В. Г. Короленко Сергея Извекова приняли в 1924 году сразу в 3-й класс, что с очевидностью свидетельствует о его незаурядных умственных способностях. То была образцовая школа, бывшая гимназия, сохранившая дореволюционные традиции и прежний состав учителей. По успеваемости он всегда был среди лучших учеников, отличаясь к тому же разносторонностью интересов, с увлечением занимаясь в самодеятельных кружках. Технические и гуманитарные предметы одинаково увлекали Сергея. После занятий его видели то в одном, то в другом школьном кружке. Сохранилось удостоверение, данное ученику III группы Извекову Сергею Михайловичу, что он «является лаборантом физкабинета школы им. Короленко и ему разрешается посещать кабинет во внеурочное время». Об этом в свое время с удовольствием вспоминали его учителя: Елизавета Алексеевна Писловская (русский язык и литература), Николай Алексеевич Ключев (физика), Евгения Романовна Буткевич (немецкий язык), Петр Порфирьевич Махов (рисование) и другие.

Земляку Патриарха Пимена журналисту Е. Н. Глазкову удалось в 1988 году встретиться и побеседовать с одноклассниками Сергея Извекова – Анной Григорьевной Поляковой и Клавдией Яковлевной Виноградовой. Вот что они вспомнили:

«Сидел он вместе с Юрой Тихомировым, они друзья были. Скромный очень. Был поведения хорошего... высокий, худой, красивый. Пел он замечательно. И мама у него очень хорошая была: добрая, сердечная, всегда нас, девчонок, приметит, ласковое слово скажет. И сестра моя Надежда его знала. Они даже вместе на лодке катались в Косино, на озере.

Я лет двадцать тому назад с ним виделась. Поехала в Загорск, зашла в Лавру и вижу: стоит кто-то в сутане. Присмотрелась: да ведь это он, Сергей! И он меня узнал, посмотрел так сердечно, дескать, подходи, поговорим. Но не смогла я этого сделать, словно ноги одеревенели, так оробела» (А. Г. Полякова).

«Мы, девчонки, узнали, что в Богоявленском соборе Сережа Извеков поет. Идем слушать его, любоваться. Голос у него был очень красивый. Мы бедовыми росли, бывало, вечером увяжемся за ним, а он, худющий, длиннющий, от нас бегом бежит, через парк домой. Не замечал он нас»³¹ (К. Я. Виноградова).

Убегая от сверстниц-воздыхательниц, в праздничные и в свободные от учебы дни отрок Сергей неизменно был в храме Божиим.

В Богоявленском соборе он читал и пел на клиросе, пел в хоре, которым руководил регент Иван Матвеевич Кузнецов. Был дружен с протодиаконем Тихвинского храма Филиппом Машно, иеродиаконем Геннадием, учился у них мастерству. Исполнял обязанности ипо-

²⁹ В настоящее время от Свято-Николаевской Берлюковской пустыни сохранились монастырские стены, надвратная церковь во имя св. Василия Великого, храм Иоанна Крестителя и величественная колокольня (чуть ниже колокольни Ивана Великого).

³⁰ См.: «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 8. С. 8.

³¹ Глазков Е. Цит. соч. С. 3.

диакона у епископа Богородского Никанора (Кудрявцева), а затем у его преемника – епископа Платона (Руднева). Оба были викариями святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси.

Достоин внимания, что Преосвященный Никанор много лет являлся настоятелем Никольского *единоверческого* монастыря на Преображенском кладбище в Москве. Монастырь же этот был основан по настоянию митрополита Московского Филарета (Дроздова), который освятил обитель 19 декабря 1854 года, надев для этого старинный греческий омофор, старинную митру и панагию первого Московского Патриарха Иова; богослужение при этом совершил по старопечатным книгам³². В сан епископа Богородского, викария Московской епархии, владыка Никанор был хиротонисан в 1921 году в Москве, сразу же после того как Никольский монастырь прекратил свое существование. Скончался он 30 октября 1923 года от чахотки, имея от роду около 50 лет; похоронен в Москве на Семеновском кладбище; могила его почитается многими верующими, постоянно здесь заказываются панихиды и литии.

Преосвященный Платон (Руднев) был выпускником Московской Духовной академии, которую окончил со степенью кандидата богословия; хиротонисан во епископа Богородского 1 октября 1923 года; впоследствии был сослан на Соловки и в Зырянский край (Усть-Сысольск)³³; преставился в январе 1936 года. Будучи Соловецким узником, он принял участие в составлении и подписал «Памятную записку Соловецких епископов» – акт мужественного исповедания веры. В записке было твердо сказано о «непримиримости религиозного учения Церкви с материализмом, официальной философией коммунистической партии и руководимого ею Правительства советских республик»³⁴.

Духовная близость Сергея Извекова с этими замечательными иерархами – подвижниками и исповедниками, один из которых был связан с традицией благочестия допетровской, старообрядческой Святой Руси, а другой был репрессирован безбожной большевистской властью, многое объясняет в его биографии. Их образы он запечатлел впоследствии, в 1949 году, в трогательных, можно сказать, умильных стихах: «строгий по виду, душою же близкий» («Никанор»); «веры глубокой носитель», «проповедник чудесный» («Платон»).

Благотворное влияние на формирование личности Сергея Извекова, уча его стойкости и преданности Церкви, оказали также благочинный храмов города Богородска протоиерей Владимир Борисов, настоятель Тихвинского храма протоиерей Петр Баженов и протодиакон Богоявленского собора Борис Уразов³⁵. Имена этих самоотверженных пастырей будущий Патриарх также вспоминал впоследствии с особой признательностью и теплотой.

К тому времени относится примечательный случай, который теперь покрыт дымкой легенды. Однажды Сергея Извекова пригласили в гости, где был один из Богородских архиереев – Никанор или Платон. Уходя и прощаясь, юноша случайно надел в прихожей его калоши, смутился, начал извиняться, а Преосвященный провидчески произнес: «Ну, быть тебе Патриархом».

³² Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: «Церковь», 1996. С. 195.

³³ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917—1945. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996. С. 446.

³⁴ Польский М., *протопресв.* Новые мученики Российские. Ч. 1. 1949. С. 170.

³⁵ В архивном фонде канцелярии Московского губернатора (ЦИА г. Москвы, фонд № 17, 49 649 единиц хранения) собрано много материалов о церковной жизни и деятельности духовенства на территории губернии, в том числе в г. Богородске.

В 1923 году Сергея Извекова, обладавшего прекрасным звучным голосом, пригласили в архиерейский хор Богоявленского собора. Об этом времени он впоследствии вспомнит в стихах:

Наконец стал я петь в правом хоре –
Моей радости нет уж границ!
И на спевках в церковном притворе
Много вписано славных страниц.

Пение в хоре соединялось с серьезными теоретическими занятиями. У мальчика открылись незаурядные музыкальные дарования. Систематические занятия под руководством профессора Александра Воронцова и его помощника Евгения Дягилева (впоследствии инок Данилова монастыря Иоанн) дали благие результаты. Овладев навыками вокального и регентского искусства, тринадцатилетний отрок успешно пробует силы в управлении хором своих сверстников.

Его успех на этом поприще объясняется не только высоким профессионализмом. Достаточно взглянуть на фотографию Сергея Извекова, чтобы стало ясно: это чистая, глубоко верующая душа, устремленная к горнему. Точно так же, как иконописец, успех которого зависит от его личной праведности и молитвенного настроения, должен быть глубоко верующим и регент, чтобы петь и молиться *всей душой*. Тогда и хор «резонирует» в унисон с регентом, поет «с душой», и это настроение передается предстоящим в храме, они молятся в едином порыве и чувствуют себя, как на небе. Иеромонах Даниил (Сарычев) перефразировал известную пословицу «Каков поп, таков и приход» следующим образом: «Какой регент – такой и хор»³⁶.

Талантливому молодому регенту пытались «переманить» из церковной ограды на сцену концертного зала или на театральные подмостки. Бог ведает, с какими другими искушениями он сталкивался. Ведь культурная жизнь в Богородске не затихала и в то трудное время, хотя ушла в совсем другое русло.

В 1920 году при Глуховском фабричном клубе был организован драматический кружок, которым стал заведовать Федор Петрович Кузнецов (умер в 1953 году), самостоятельный художник и скульптор³⁷.

2 марта 1924 года в Богородске было торжественно открыто движение трамвая, соединившего район Истомкино, где жил Сергей Извеков, с центром города, где находился Богоявленский собор. Это событие хорошо ему запомнилось, ведь трамвайное депо было почти рядом с домом. Ясно, что техника может быть делом богоугодным и призвана служить человеку. В этой связи уместно вспомнить эпизод из жития святителя Иоанна, архиепископа Новгородского (†1186, память 7/20 сентября): подвижник не растерялся, а осенил крестным знамением беса, неожиданно вылезшего из рукомойника; более того, он «оседлал» беса и совершил таким образом паломничество в Святой Град Иерусалим ко Гробу Господню.

Трамвай в Богородске и поныне примечателен тем, что линия его полностью однопутная, со специальными разъездами на некоторых остановках. Пользование им значительно облегчило «транспортную проблему», но Сергей Извеков часто предпочитал ходить по-прежнему – пешком.

---

³⁶ См.: Даниил (Сарычев), иеромон. Воспоминания о московском церковном пении // «Московская регентско-певческая семинария. 1998—1999. Сб. статей, воспоминаний, архивных документов». М., 2000.

³⁷ Интересно отметить, что после поездки группы ходоков осенью 1923 г. в Горки к В.И. Ленину возникла мысль увековечить память об этом. За скульптуру взялся Ф.П. Кузнецов и закончил ее в день смерти пролетарского вождя; на следующий день, 22 января 1924 г. состоялось открытие первого в мире памятника Ленину.

В следующем году на базе кинотеатра «Колизей» была образована передвижная театральная труппа, которая выступала в клубах уезда. В Богородск приезжали на гастроли знаменитые актеры О. Л. Книппер-Чехова, В. И. Качалов, М. И. Жаров, они помогали молодой труппе своими советами. В последующие годы богородский зритель мог увидеть почти весь тогдашний театральный репертуар, пьесы таких популярных советских авторов, как К. А. Тренев («Любовь Яровая»), В. В. Вишневский («Оптимистическая трагедия»), В. В. Иванов («Бронепоезд 14—69»), Н. Ф. Погодин («Кремлевские куранты») и т. п.

Но к любой пропаганде советского режима, и к театральной тоже, Сергей Извеков оставался равнодушен. Любящий и послушный сын, он помнил о том обете, который дала его мать Богу. Помнил и стремился его исполнить. Душа его всецело была устремлена к Богу, именно эта устремленность духовно окрыляла, делала счастливым. Юноша старался все свободное время отдавать молитве и участию в литургической жизни, пользовался каждой возможностью, чтобы побывать в Москве, где молился в особенно «музыкальных» храмах — тех, что славились своей строго уставной службой, лучшими хорами и лучшими регентами.

Иеромонах Даниил Сарычев вспоминает: «...Лучшим московским регентом в 20-е годы был Николай Данилин³⁸. Он управлял хором в белом двухэтажном храме великомученицы Параскевы Пятницы, и хор его состоял из остатков Синодального хора, которым он управлял до революции... Мне говорил Святейший Патриарх Пимен, сам в молодости бывший на Москве регентом: «Для меня было достаточно услышать только «Аминь», и я уже понимал, что такое Данилин, какая это звезда была русская!» Как в театре лучшим певцом был Шаляпин, так и лучшим русским регентом — Данилин. Очень строгий был, как зверь стоял. Но подобных не было!»³⁹

³⁸ Николай Михайлович Данилин (1878—1945) — с 1910 по 1918 г. главный дирижер Синодального хора; в 1919—1923 гг. — хормейстер Большого театра; с 1930 г. — проф. Московской консерватории; впоследствии дирижировал Ленинградской Академической Капеллой и Государственным хором СССР.

³⁹ См.: Даниил (Сарычев), иеромон. Цит. соч..

Инок

В июне 1925 года Сергей Извеков окончил среднюю школу в Богородске, после чего стал чаще бывать на богослужениях в московских храмах. В августе 1925 года он отправился из Москвы в Саров и Дивеево. Юноша стремился принять монашеский постриг в Саровской пустыни. Тогда там под сенью преподобного Серафима подвизалось около 150 монахов. Празднование дня памяти преподобного 1 августа собрало множество паломников со всей России. Один из старцев пустыни благословил будущему Патриарху вернуться в Москву: «Тебя ждут там». Об этом мы узнаем из воспоминаний художника Алексея Петровича Арцыбушева «Милосердия двери», которому рассказывали дивеевские монахини (до одиннадцатилетнего возраста художник жил в Дивееве)⁴⁰.

8 сентября (26 августа), в праздник Владимирской иконы Божией Матери, Сергей Извеков был в столице. Православные москвичи отмечали в тот день 530-летие чудесного избавления Москвы от нашествия Тамерлана (1395 г.). В память об этом на месте встречи («сретения») чудотворной Владимирской иконы в 1397 году был основан Сретенский монастырь. Ежегодно в праздник сюда переносили Владимирскую икону крестным ходом из Успенского собора. Русские цари были богомольцами, вкладчиками и строителями Сретенской обители, с которой связаны имена многих деятелей русской истории.

Небесная Путеводительница направила юношу в Сретенский монастырь, где он «канонаршил», то есть принял участие в праздничном богослужении в качестве чтеца и певца: возглашал перед пением хора глас и строчки из молитвословия, которые вслед за ним пел хор.

Его голос понравился епископу Можайскому Борису (Рукину), викарию Московской епархии, настоятелю Сретенского монастыря. А на Сергея Извекова служба произвела столь сильное впечатление, что он окончательно решил посвятить свою жизнь Богу. Этот случай имел в виду Патриарх Пимен, когда в день восьмой годовщины своей интронизации вспоминал: «...Путь моего служения Церкви начался в юности, более 50 лет тому назад, в тот день, когда Святая Церковь празднует Владимирской иконе Божией Матери»⁴¹.

После Октябрьской революции 1917 года Сретенский монастырь являлся одним из оплотов Святой Церкви в противостоянии разгулу атеизма. В обители нередко служил Святейший Патриарх Тихон. В 1922 году монастырь был временно захвачен «обновленцами», но летом 1923 года усилиями архиепископа Илариона (Троицкого) обитель удалось возвратить в лоно Патриаршей Церкви, а ее собор был переосвящен великим чином, что создавало поучительный прецедент. Владыка Иларион (впоследствии священномученик) стал на короткое время последним настоятелем обители перед ее закрытием.

Выдающийся богослов и проповедник, он смело отстаивал права Церкви в условиях неслыханного на нее гонения. Бескомпромиссная позиция святителя повлекла за собой его ссылку, а потом и шестилетнее заключение в Соловецком концлагере. В Сретенском монастыре в 20-е годы служили прославленные впоследствии мученики за веру архиепископ Гурий (Степанов) и протоиерей Николай Лавров.

Преосвященный Борис по достоинству оценил духовные дарования Сергея Извекова и приблизил его к себе. 4 декабря (21 ноября) 1925 года, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, владыка Борис совершил его *постриг в рясофор* с именем Платон, то есть Сергей стал монастырским послушником, получившим благословение носить рясу и клобук (черную камилавку), но без мантии, так как еще не принес всех иноческих обетов. Ему было

⁴⁰ Арцыбушев А.П. Милосердия двери / предисл. С. Фомина. М.: Духовная нива, 2001.

⁴¹ «Журнал Московской Патриархии». 1979. № 8. С. 15.

всего 15 лет. Именно здесь, в одном из последних духовных оплотов гонимого Православия, начал свое служение Церкви будущий Патриарх. В столь раннем постриге, разумеется, велика заслуга матери, от колыбели готовившей сына к иночеству: он был ребенком молитвы и обета, еще до рождения обещанным Богу.

Здесь же, в Сретенском монастыре, рясофорный отрок начал готовиться к следующей ступени подвижничества. Нравственное призвание свое он понимал очень ответственно, в духе самопожертвования. Об этом красноречиво говорит его стихотворение «Послушник»:

Если ты вступил в Обитель
С тою целью, чтоб спастись,
Помни, что сказал Спаситель:
Славы мира отрекись.
Вместо славы и богатства
Возлюби ты нищету;
Вместо пышного чертога —
Бедной кельи тесноту.
Пусть не любят, презирают,
Пусть клеветуют — не страшись!
Пусть отрады всей лишают —
Ты терпи, люби, молись!
Нет иной дороги к небу,
Кроме тесного пути:
Если любишь страсть и негу,
То по ней нельзя идти.
Не прельщайся ты примером
Погрязавших в сластях,
Кто живет одним лишь телом,
А душой сгорел в страстях,
Тех не радость ожидает,
Ох! Ужасен их удел;
Всё, что ад в себе вмещает,
То их будет мздой дел.

Даже неуклюжая инверсия в последней строке не лишает стих внутренней силы и поэтического «магнетизма».

* * *

Увы, в конце 1925 года Сретенский монастырь был закрыт⁴².

Юный послушник, таким образом, почти сразу же после вступления на иноческую стезю оказался вне монастырских стен — испытание неожиданно суровое, особенно в годы лихолетья.

---

⁴² В 1928—1930 гг. большая часть храмов и сооружений Сретенского монастыря были разрушены. Вскоре здесь разместилось общежитие офицеров НКВД. В 1995 г. монастырь возобновлен по указу Патриарха Алексия II, его наместником назначен игумен [ныне архимандрит] Тихон (Шевкунов); в память о жертвах богоборческой власти при входе в обитель установлен поклонный крест, освященный Патриархом Алексием II; в том же году возрождена традиция выноса Владимирской иконы Божией Матери из Успенского собора Московского Кремля к Сретенскому монастырю; 11 февраля 1998 г. Комиссия по канонизации приняла решение о причислении к лику святых священномученика Илариона (Троицкого, †1929); в 1999 г. состоялось обретение его мощей и перенесение их из Санкт-Петербурга в Сретенский монастырь.

Надо полагать, на него обрушилось тогда много искушений, и одно из самых сильных – очарование девичьей красотой. Об этом глухо свидетельствует его *лирическое стихотворение*, единственное из дошедших до нас, посвященное некоей *М. И. Р.* Инициалы эти невольно складываются в своего рода символическую анаграмму «мир», являются как бы *отзвуком мира*, последним его *эхом* перед принятием иночества. Стихотворение завершается призывом, адресованным самому себе; и это не самолюбование лирического героя, а акт самопознания и исповедание веры:

Пусть думы не тревожат
И не волнуют грудь.
Господь всегда поможет,
Лишь другом Ему будь!

Этот выстраданный юношей призыв, конечно, сначала был услышан, как *зов свыше*; и он, подобно некоему внутреннему камертону, точно настроил – на долгие годы – звучание чистой души, взыскующей Бога. Автор стихотворения всю жизнь старался быть *верным другом* Христу.

Служение церковному искусству стало первой ступенью на этом пути, а музыкальный дар помогал постоянно ощущать присутствие Божие в согласной гармонии мира. В возрасте 15—16 лет юный инок, следуя своему призванию, получил возможность возглавить хор в одном из московских храмов. По приглашению епископа Даниила (Троицкого, 1887—1934) он стал регентом в храме Преображения Господня, что в Пушкинских полях, близ Сретенского монастыря. Вскоре, после ареста и высылки владыки Даниила в Кинешму, инок Платон стал регентом храма во имя святых Флора и Лавра, что у Мясницких ворот, затем – регентом храма во имя преподобного Максима Исповедника, что на Варварке. Об этом свидетельствует уникальный рисунок в записной книжке художника Павла Дмитриевича Корины, изображающий юного монаха, дирижирующего хором. Рисунок подписан самим автором: «Молодой монах. Регент. Церковь св. блаж. Максима Московского, чудотворца, на Варварке. Всенощная. 10/23 ноября 1926 года. Павел Корин». Рукой вдовы художника Прасковьи Тихоновны приписано: «Будущий митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен», а еще позднее добавлено: «затем Патриарх Московский и всея Руси»⁴³. Документ позволяет констатировать, что начало знакомства и последующей многолетней дружбы между Павлом Кориным и иноком Платоном, будущим Патриархом Пименом, восходит к осени 1926 года⁴⁴.

Через год, 4 октября (21 сентября) 1927 года, в праздник обретения мощей святителя Димитрия, митрополита Ростовского, инок Платон принял постриг в мантию. Он дал обеты самоотречения, смирения и послушания, следуя внутреннему зову и во исполнение материнского обета, принесенного Пелагеей Афанасьевной семнадцать лет назад. Свершилось это в Параклитовой пустыни⁴⁵ близ Сергиева Посада, в уединенной обители, основанной наместником Троице-Сергиевой Лавры архимандритом Антонием (Медведевым).

Архимандрит Антоний стяжал своими трудами во славу Божию широкую известность не только в России, но и на православном Востоке. Еще до назначения в Лавру он сподо-

⁴³ См.: «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 8. С. 26.

⁴⁴ В 1967 г. митрополит Пимен совершит отпевание художника в Новодевичьем монастыре.

⁴⁵ Пустынь Св. Духа Параклита (Утешителя) расположена в 6 км юго-восточнее Троице-Сергиевой Лавры; основана в 1858 г. архимандритом Антонием (Медведевым, 1831—1877; прославлен в 1998 г., память 12 мая, 6 июля и 3 октября) и приписана к Лавре; в пустыни сохранилось несколько монашеских келий XIX—XX вв., каменный храм, построенный архитектором И. Малышевым в 1862 г. и колокольня конца XIX вв.; после Октябрьской революции 1917 г. скит Параклит сохранялся в качестве «трудовой артели» и стал пристанищем для монахов, изгнанных из закрытой Лавры; затем скитские здания передали коммуне; до середины 1960-х в храме св. Параклита размещался сельский клуб; лишь в 1992 г. пустынь была возвращена Церкви; монашеское общежитие возобновлено здесь в 1993 г.

бился встречаться с преподобным Серафимом Саровским и слышал от него пророческие слова: «Радость моя! Промысл Божий вверяет тебе обширную Лавру. Будь к братии матерью, а не отцом». В течение почти полувека архимандрит Антоний управлял Лаврой согласно завету великого старца, явив пример самоотверженной, подлинно материнской любви к вверенным его попечению инокам; и этот дар любви помог ему быть талантливым проповедником и стать выдающимся администратором и строителем. В 1861 году архимандрит Антоний завершил сооружение храма во Имя Всесвятого Духа Утешителя в пустыни Параклита, самой юной из всех других пяти иноческих обителей, расположенных вокруг матери-Лавры.

После закрытия Троице-Сергиевой Лавры эта пустынь на время стала пристанищем для изгнанных монахов. И юноша, взысканный Богом, сделал здесь самый важный и ответственный шаг в своей жизни, столь необходимый для спасения души, совершил, с Божией помощью, бесстрашный поступок, превративший его в так называемого «лишенца» – отщепенца и изгоя. Ведь он отныне был служителем культа – «классово чуждым элементом» – и автоматически, согласно «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (принятой 10 июля 1918 года), относился к категории граждан, «лишенных прав».

Вспомним: то было время «ленинского призыва» в комсомол, когда его недавние соседи по парте вступали в ряды «строителей нового общества», как они себя гордо называли. Путь инока в те суровые годы был устлан сплошными терниями, и надо было ощутить в себе способность к самопожертвованию, готовность взойти на Голгофу, чтобы дерзнуть идти этим путем. О такой внутренней готовности Патриарх Пимен доверительно говорил спустя несколько десятилетий своему келейнику иеромонаху Сергию (Соколову).

Став уже епископом, владыка Сергей оставил интереснейшие воспоминания, проливающие свет на неизвестные факты из биографии Святейшего Патриарха, со своими взволнованными и глубоко прочувствованными оценками.

В семнадцать лет, подчеркивает епископ Сергей, «он окончательно и бесповоротно вручил себя в руки Промысла Божия, веря, что все, что происходит с Россией, промыслительно дано ей Богом и что у всего этого кошмара, от которого многие убежали в дальние заморские страны, может и должен быть один конец – это победа правды Божией над силами зла, за которыми стоит враг рода человеческого – диавол»⁴⁶.

Вот как описывает зловещую атмосферу двадцатых годов в Москве Анатолий Борисович Свенцицкий (1921—2007; племянник известного проповедника о. Валентина Свенцицкого): «...В школе учили вирши Демьяна Бедного: «У Николы сшибли крест, стало так светло окрест! Здравствуй, Москва – новая, Москва – новая бескрестовая!» Яркими красками на корпусах «антирелигиозных» трамваев, оборудованных художниками РОСТА и авторами ЛЕФа, были нарисованы неприличные карикатуры на Иисуса Христа, Богородицу. Помню, почему-то апостол Петр обнимал нагую женщину, у которой на нимбе было написано: Св. Фекла... В Москве таких трамваев было несколько. Мои родители брезгливо не садились в эти вагоны, тем более что кондукторский сбор шел на антирелигиозную пропаганду общества «Воинствующий безбожник», возглавляемого Емельяном Ярославским»⁴⁷.

* * *

...Но была иная Россия, хранившая заветы Святой Руси. «В одном из самых уединенных скитов Лавры, – вспоминает Патриарх, – в пустыни Святого Духа Параклита, состоялось мое пострижение в монашество, и там проходили первые шаги моего монашеского

⁴⁶ Сергей (Соколов), еп. Новосибирский и Бердский. Правдой будет сказать... Записки о пережитом. Новосибирск, 1999. С. 78 (электронная версия на сайте «Бердск православный» – <http://berdsk.orthodoxy.ru/literat/pravdoi/index.htm>).

⁴⁷ Свенцицкий А. Они были последними? М.: «Грааль», 1997. С. 21.

искуса, «вся вмещающего во уметы, да Христа приобретающу». Здесь же я насыщался от сладостной трапезы бесед и наставлений, исполненных глубокой мудрости, огромного опыта и духовной настроенности, всегда любвеобильного и благодостного приснопамятного наместника Лавры архимандрита Кронида⁴⁸, много добрых семян посеявшего в мою душу»⁴⁹.

Совершивший постриг духовник скита игумен Агафодор нарек инок Пименом – в честь подвижника Египетской пустыни преподобного Пимена Великого (340—450).

«Мое имя Пимен (которое переводится как «пастырь»), – писал Патриарх, – дано мне Провидением... когда я размышляю о своем монашеском имени Пимен, я всегда думаю о том, что оно обязывает меня ко многому. Промысл Божий повелел мне стать пастырем. Но если мы обратимся к Святому Евангелию, то услышим слова Христа Спасителя о том, что нужно быть не просто пастырем, а пастырем добрым, который полагает душу свою за овец своих. Именно это, несомненно, налагает на меня, как носителя этого имени, большую ответственность»⁵⁰.

Конечно, будущий Патриарх получил имя Пимен промыслительно, ибо Господу было угодно, чтобы он стал пастырем многомиллионной православной паствы своего Отечества. Его Небесный покровитель в юности вступил на стезю монашества и прославился равноангельским житием. Он получил наименование «Великий», ибо был велик в добродетелях смиренномудрия, простоты, скромности, нестяжания, правдивости, самоотверженного служения Богу. Духовное совершенство – это постоянная, в продолжение всей жизни, хвала Богу, это постоянное горение духовного пламени. К такому совершенству и стремился преподобный Пимен Великий, назидая своих учеников: «Кипящему сосуду не прикоснется муха, егда же остудится сосуд, всякие гады внидут в оный». Так преподобный призывал к постоянному памятованию о Боге, постоянному возгреванию огня молитвы. Молитвенность и постоянное памятование о Боге стали основными духовными качествами будущего Патриарха.

Значение имени – глубоко онтологично, ибо имя, как подчеркивает священномученик Павел Флоренский, должно выражать внутреннюю идею личности. «По имени и житие» – стереотипная формула житий; по имени – житие, а не имя по житию. Имя оценивается Церковью, а за нею и всем православным народом, как *тип*, как духовная конкретная *норма* личностного бытия, как *идея*, а святой – как наилучший ее выразитель, свое эмпирическое существование соделавший прозрачным так, что чрез него нам светит благороднейший свет данного имени»⁵¹.

Имя Пимен, полученное будущим Патриархом при пострижении в монашество, означало особое о нем попечение Божие, помогло ему стать достойным *пастырем*.

После пострижения в монашество монах Пимен некоторое время проходил иноческий искуса в лаврском скиту Параклита. Это было тяжкое время испытаний для него и для всей Русской Церкви. Набирала силу атеистическая пропаганда, усиливались гонения на духовенство и преследования верующих, в особенности после указа ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 года «О мерах усиления антирелигиозной работы», в котором каждый церковный приход объявлялся «контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы»⁵².

⁴⁸ Архимандрит Кронид (в миру Константин Павлович Любимов) управлял Лаврой с 1915 по 1922 г.; †1937; причислен к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских в 2000 г.; память 27 ноября ст. ст.

⁴⁹ Пимен, архимандрит, наместник Троице-Сергиевой Лавры. Слово, сказанное при наречении во епископа Балтского, викария Одесско-Херсонской епархии, в Успенском соборе Одессы 16 ноября 1957 года // Слова... Т. 1. С. 51—52.

⁵⁰ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слово, сказанное в московском Пименовском храме в день тезоименитства 9 сентября 1974 года // Слова... Т. 1. С. 400.

⁵¹ Флоренский Павел, свящ. Имена. М.: «Фолио», 2001. С. 32.

⁵² Дамаскин (Орловский), игум. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 179—189; см. с. 183—184.

Монах Пимен с честью выдержал испытания и трудности. Он сознательно дистанцировался от событий политической жизни, избегая не только участия в каких-либо общественных мероприятиях, но и всяких контактов с представителями советской власти. Удалось ему избежать и другой крайности – увлечения обновленчеством. Неканоничность этого течения он ясно понимал, хотя разобраться во всех оттенках тогдашней церковной жизни было очень непросто. Главное, что он усвоил, став свидетелем удивительной жизнеспособности Церкви, так это то, что ее своеобразный организм принципиально отличается от государства. Если государство «богатеет и крепнет» в периоды мира и спокойствия, то Церковь внутренне усиливается в эпоху гонений и страданий. Как писал протопресвитер Георгий Шавельский (в 1922 году): «Когда Христос говорил своим ученикам: «Блаженны вы, когда будут вас поносить, гнать и преследовать за Меня», то Он, несомненно, имел в виду и эту особенность церковного организма. Огонь веры, религиозный дух подогреваются и возбуждаются подвигом, самоотвержением»⁵³.

Еще Тертуллиан в своем сочинении «О бегстве во время гонения» (*De fuga in persequutione*, 211—212 гг.) утверждал, что гонения попускаются Богом в нравственных целях и не являются злом, которого надо избегать; но вместе с тем не следует и навлекать их на себя. Христианам надлежит быть мужественными и единомышленными, помня о разнице между земными и вечными благами, но вместе с тем не следует забывать слов Самого Господа: *будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* (Мф. 10, 16).

Усвоить всю эту диалектику юному монаху было, конечно, непросто. В реальной действительности ему очень пригодился опыт управления церковным хором. Инок Пимен получил еще в 1926 году приглашение протоиерея Николая Бажанова, настоятеля московского храма во имя преподобного Пимена Великого (своего Небесного покровителя), что в Новых Воротниках, управлять хором этого храма. Это послушание он с честью нес до 1932 года.

Хор в Пименовском храме насчитывал тогда около 70 человек. Новый регент быстро приобрел признание прихожан и настоятеля о. Николая⁵⁴, в семье которого стал желанным гостем. Отец Пимен «прикипел душой» к этому замечательному храму с его удивительно красивым иконостасом⁵⁵.

Таким образом, монах Пимен фактически проходил свое иноческое послушание в миру, идя по пути такого же внутреннего делания, каким шли иноки в условиях прежней монастырской жизни. Ему удалось осуществить идеал монастыря в миру, чрезвычайно актуальный в 20-е годы, в условиях массового закрытия монастырей и гонений на веру, воздвигнутых атеистическим режимом.

«Монастырь в миру» – это создание молитвенной, духовной жизни, которую мы переносим из наших разрушенных монастырей в условия жизни мирской. Здесь такое же ухождение от развращенного мира, как там; здесь такое же уединенное жительство, как там; здесь такое же устремление к высшему и горнему, к служению Богу, как там; здесь может быть и такое же великое послушание, как там. И тогда, если эта задача будет выполнена нами, будет создан новый, невидимый монастырь взамен разрушенных», – провозглашал в одной из своих проповедей в 1927 году отец Валентин Свенцицкий⁵⁶.

Наряду с этим, в условиях повсеместных арестов и репрессий против духовенства, в те годы возникали и подпольные, точнее сказать, катакомбные монастыри. Это были преимущественно уединенные скиты около закрытых монастырей, иногда организованные как

⁵³ Шавельский Георгий, протопресв. Церковь и революция // «Церковно-исторический вестник». № 1. М., 1998. С. 115.

⁵⁴ Прот. Николай Дмитриевич Бажанов был настоятелем Пименовского храма в 1923—1936 и в 1953—1957 гг. († 1965 г.).

⁵⁵ Пименовский храм был расписан в 1896 г. по образцам росписей Владимирского собора в Киеве; мраморный иконостас в нем выполнен несколько лет спустя архитектором Ф.О. Шехтелем.

⁵⁶ Свенцицкий Валентин, прот. Монастырь в миру. Проповеди и поучения. М.: «Лествица», 2003. С. 307.

«трудовые артели», а также поселения монахов в весьма удаленных местах – в горах Кавказа или в лесах Сибири.

* * *

В 1928 году юный монах Пимен, которому тогда было всего 18 лет, возглавил хор в Дорогомиловском Богоявленском соборе. То был поистине удивительный хор (в праздники насчитывал около 70 человек), наследовавший лучшие дореволюционные традиции, его пение очень помогало сосредоточенной молитве богомольцев. Слушая неземное пение хора, невольно вспоминались слова, которые послы святого князя Владимира, отправленные на поиск веры, сказали ему о храме во Имя Софии, Премудрости Божией, в Константинополе: «Мы не знали, где мы были, на земле или на небе».

16 (3) июля 1930 года, в день своего тезоименитства, архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), управлявший тогда Московской епархией, рукоположил монаха Пимена во иеродиакона в этом соборе.

Перед посвящением в сан иеродиакона, монах Пимен сдал *экстерном* экзамены за курс духовной школы, – по благословению архиепископа Звенигородского Филиппа⁵⁷. Надо сказать, что к тому времени в Советской России все духовные учебные заведения были закрыты. Последние, уже полулегальные очаги духовного образования – богословские курсы в Ленинграде под руководством протоиерея Николая Чукова и при Московском епархиальном управлении в Высокопетровском монастыре под руководством епископа Сергиевского Варфоломея (Ремова) – большевики закрыли в 1928 году. «Оставалась возможность только для частного индивидуального и нелегального преподавания...»⁵⁸.

Экзамены у монаха Пимена принимала компетентная комиссия под председательством бывшего ректора Вифанской Духовной семинарии протоиерея Александра Зверева⁵⁹; в то время он был благочинным храмов Сретенского сорока и настоятелем храма во имя святителя Николая Чудотворца в Звонарях.

В Дорогомиловском же соборе, к которому отныне был приписан иеродиакон Пимен, архиепископ Филипп совершил его хиротонию во иеромонаха 25 (12) января 1931 года. Высокопреосвященный Филипп вскоре после этой хиротонии, 8 февраля 1931 года, был арестован...

В 1932 году к празднику преподобного Пимена Великого новый управляющий Московской епархией архиепископ Дмитровский Питирим (Крылов) возложил на иеромонаха Пимена наперсный крест.

Московский Богоявленский собор в Дорогомилове⁶⁰ являлся тогда кафедральным храмом Москвы (Успенский собор в Кремле был закрыт, а храм Христа Спасителя заняли обно-

⁵⁷ Филипп (Гумилевский), архиепископ Звенигородский, род. 4 авг. 1877 г. в Московской губернии, в 1901 г. окончил Казанскую Духовную академию; в 1902—1903 гг. – псаломщик посольской церкви во Флоренции и Риме; в 1904—1905 гг. – преподаватель Тульской Духовной семинарии; в 1907 г. – надзиратель, затем помощник инспектора Московской Духовной семинарии; 7 июля принял монашество; в 1908 г. – инспектор Тифлисской Духовной семинарии; в 1909—1910 гг. – инспектор, затем ректор Вифанской Духовной семинарии в сане архимандрита; с 22 июня 1912 г. – ректор Московской Духовной семинарии; с 30 марта 1913 г. – настоятель церкви при императорском посольстве в Риме; с 16 мая 1916 г. – ректор Кишиневской Духовной семинарии; 29 ноября 1920 г. хиротонисан во епископа Ейского, викария Ставропольской епархии; с 1922 г. – епископ Балахнинский, викарий Новгородской епархии; с 1923 по 1925 г. епархиями не управлял, вошел в сношение со старообрядческим епископатом; с 1927 г. – архиепископ Звенигородский, управляющий Московской епархией, с 18 мая 1927 г. – постоянный член временного Патриаршего Св. Синода; † 9 сент. 1936 г. во Владимире.

⁵⁸ Цытин Владислав, *прот.* Русская Православная Церковь. 1925—1938. М.: изд. Сретенского монастыря, 1999. С. 412.

⁵⁹ Александр Александрович Зверев (1881—1937), смчч. – окончил МДА (1908), преподавал в Вифанской духовной семинарии, иерей (1913), настоятель московского храма свт. Николая в Звонарях (1918), протоиерей (1921), заключен в исправительно-трудовой лагерь (1922), награжден митрой (1929), приговорен к ссылке в Северный край (1933); расстрелян.

⁶⁰ Дорогомилово – так называлась местность, пожалованная св. князем Даниилом Александровичем верному боярину

вленцы). По своей величине Дорогомиловский собор являлся вторым после храма Христа Спасителя. В нем было устроено 5 престолов: главный – в честь Богоявления Господня, с южной стороны находились приделы во имя святителя Николая Чудотворца и преподобного Сергия Радонежского, с северной – в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» и святителя Тихона Задонского.

Впоследствии, в 1934—1935 годах иеромонах Пимен вновь регентует в Дорогомиловском соборе, приняв хор, организованный известным регентом Павлом Константиновичем Нестеровым. Отец Пимен успешно руководил церковными хорами и в других московских храмах, продолжая лучшие традиции русских церковных дирижеров. Песнопения в исполнении возглавлявшихся им хоров звучали особенно проникновенно и отличались глубокой молитвенной настроенностью. Позднее, уже будучи Первоиерархом, он писал об особенностях православной церковной музыки и об основных задачах регентов:

Мы тщательно сберегаем старинные церковные распевы: Знаменный, Киевский, Греческий, Болгарский и другие. Мы с благодарностью храним также произведения Бортнянского, Веделя, протоиерея Петра Турчанинова, Львова, Чайковского, Рахманинова, Ипполитова-Иванова, Кастальского, Смоленского, Чеснокова и многих других русских композиторов, вложивших свой гений и в религиозную музыку»⁶¹.

«Наши церковные дирижеры должны обязательно очень хорошо понимать тексты священных песнопений с тем, чтобы уметь выделить более важные по смыслу места. Когда композитор пишет то или иное произведение, он понимает очень хорошо текст и старается увидеть в тексте того или иного песнопения, той или иной стихиры более важные, глубокие места, и он обычно старается эти места облечь в какую-то особую, красивую форму, одеть их в особо красивые аккорды... Цель регентов... увидеть это и уметь показать верующим»⁶².

Ивану Дорогомилову в конце XVI в., когда здесь был возведен первоначальный храм. В конце XIX в. рядом с прежним соорудили новый храм в византийском стиле, по проекту архитектора В.Е. Сретенского. Монументальное здание храма было видно издали и являлось гордостью жителей Дорогомиловской слободы. В сентябре 1938 г. Богоявленский храм был взорван.

⁶¹ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Ответы на вопросы редактора пражской газеты «Лидова демократие» Иржи Сува 29 октября 1971 г. // Слова... Т. 1. С. 418.

⁶² Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слово на выпускном экзамене регентского класса в МДА 30 ноября 1972 г. // Слова... Т. 1. С. 369.

Сквозь горнило репрессий

Вспоминая начало 1930-х гг., Патриарх Пимен говорил: «Мое благовестничество началось с того времени, как я принял сан иеромонаха»⁶³. На эти слова, сказанные как бы невзначай, следует обратить особое внимание. Возвещать спасительную истину Евангелия в то время означало быть мужественным исповедником Имени Христова. Иеромонах Пимен хотел быть не только проповедником Евангелия, но и «пастырем добрым», которого вдохновлял образ и пример его духовника – отца Василия Белинского. Его памяти посвящено стихотворение «Духовник»:

Был на приходе старец почтенный,
Василий Белинский, наш духовник.
Жизни познал он смысл сокровенный,
Мудрости вечной чистый родник.
Малым ли детям иль старшим годами,
Всякому он помогал, всех жалел.
Обремененных большими грехами
Он утешал и молиться велел.

Благовестничество и духовничество о. Пимена, однако, было вскоре прервано. 15 апреля 1932 года он был подвергнут обыску и арестован в преддверии Страстной седмицы, после утрени столь любимой им Похвалы Пресвятой Богородицы. Иеромонаха Пимена отвезли на Лубянку, где предъявили обвинение в антисоветской пропаганде, а затем заключили в следственный изолятор Бутырской тюрьмы. На допросах он отверг обвинение («антисоветской агитацией я никогда не занимался и не занимаюсь»), но спокойно и твердо исповедовал свою религиозную веру и готовность за нее пострадать: «Я человек глубоко верующий, с самых малых лет я воспитывался *в духовном духе* [курсив В. Н.] Имею письменную связь с сосланным, с Варнавой иеромонахом, которому иногда помогаю материально»⁶⁴.

Замечательна эта якобы тавтология – *в духовном духе*, а на самом деле поэтический плеоназм; под пером арестанта это словосочетание звучало как вызов!

Будущий Патриарх подпал под массовые аресты священнослужителей – проводилась кампания по ликвидации нелегальных монашеских общин. В том же месяце был арестован исповедник епископ Афанасий (Сахаров), другие руководители и члены нелегальных монашеских общин. В ноябре 1933 года на вопрос американского корреспондента «Чикаго Дейли Ньюс»: «Существуют ли еще монахи?» глава Комиссии по делам культов при ЦИК СССР П.Г. Смидович сказал: «По сведениям, которые имеются у Комиссии, института монахов, как такового, в РСФСР больше не существует. С ликвидацией монастырей самоупразднился и институт «монахов». Последние сохранились лишь в лице отдельных служителей культа при действующих церквях»⁶⁵.

Пасху 1932 года будущий Патриарх встретил под арестом. Но уже в субботу Светлой седмицы он был освобожден из-под стражи и покинул Бутырскую тюрьму: виновность подследственного в антисоветской агитации не подтвердилась. Однако «недрёманое око» спецслужб держало его с тех пор в поле зрения.

⁶³ «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 8. С. 9.

⁶⁴ Дионисий (Шишигин), архим. «Былое пролетает... Патриарх Пимен и его время». М.: ОАО «ГУП ЭКОНОМИКА», 2010. С. 62–63.

⁶⁵ ГАРФ. Фонд 5263. Описание 1. Дело 34. Л. 77.

В октябре 1932 года иеромонаха Пимена призвали для несения срочной службы в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. Новобранец был направлен в 55-й отдельный кавалерийский полк, дислоцированный в городе Лепель Витебской области в Белоруссии. Два года военной службы в этом старинном городе, входившем в состав Речи Посполитой, прошли в условиях строгой казарменной дисциплины.

Бог знает, сколько унижений и оскорблений пришлось выдержать молодому иеромонаху, совсем недавно ставшему служителем алтаря! Как раз в то время, 15 мая 1932 года «Союз воинствующих безбожников», деятельность которого непосредственно направлялась правительством СССР, провозгласил «пятилетку безверия» с планом широких репрессивно-карательных мер против духовенства и верующих, в результате которых к 1 мая 1937 года «имя Бога должно быть забыто» на всей территории СССР⁶⁶. То были горестные годы, когда верующим приходилось скрывать свои убеждения. За религиозные взгляды христиан не только преследовали — унижали, издевались, увольняли с работы, но, часто без суда и следствия, сажали в тюрьмы и лагеря. В 1929—1933 годах было арестовано около 40 тысяч церковно- и священнослужителей; в одной только Москве и Московской области — 4000 человек⁶⁷.

Требовались сила и твердость духа, чтобы в таких условиях сохранить веру. Ясно, что о. Пимена в армии подвергали идеологической обработке, пытались добиться отречения от веры и перевоспитать на атеистический лад. По данным современного исследователя, все красноармейцы тогда условно подразделялись на три группы: 1) «явно верующие»; 2) «верующие пассивно»; 3) «неверующие»⁶⁸. Из последней группы армейским политработникам надлежало воспитывать «сознательных безбожников»; по отношению ко второй группе предписывалось «обезвредить действие их религиозных настроений». Что касается *явно верующих*, к каковым принадлежал о. Пимен, инструкции обязывали «*изолировать* от их влияния красноармейцев, усилить индивидуальную работу с ними».

В то время в армейских частях постоянно «крутили» популярные художественные фильмы с атеистической направленностью: «Крест и маузер» (1925 г.), «Овод» (1928 г.), «За монастырской стеной» (1928 г.), «Отец Серафим» (1929 г.), «Праздник святого Йоргена» (1930 г.) и др. Иеромонаху Пимену трудно было уклониться от обязательных просмотров этих пропагандистских творений, ему было больно видеть на экране сцены кощунства. Но он оставался тверд и невозмутим в исповедании веры, как подобает настоящему «молчальнику»⁶⁹, и не давал лишнего повода для недовольства начальству. Более того, он старался исправно нести службу и даже успешно освоил специальность санитарного инструктора.

В Красной Армии тогда служило много безграмотных солдат, которым эта специальность была не под силу. Санинструктор являлся лицом *среднего* медицинского персонала, в его ведении находились санитары, занимавшиеся гигиеническим уходом за больными и ранеными, уборкой помещений в лазаретах, дезинфекцией и т. п. Таким образом, это было, пожалуй, самое богоугодное дело в армии.

Абсолютно *изолировать* иеромонаха Пимена от окружающих, чтобы в корне пресечь его потенциально опасное «религиозное влияние» на сослуживцев, было проблемой для армейского начальства трудноразрешимой; едва ли это вообще представлялось возможным. И чем дольше он служил, тем яснее это должны были понимать старшие чины в его воинской

⁶⁶ Цытин Владислав, прот. Цит. соч. С. 236.

⁶⁷ Дамаскин (Орловский), игум. Цит. соч. С. 184.

⁶⁸ См.: Зюзин А.И. Деятельность Коммунистической партии по атеистическому воспитанию воинов Красной Армии в период борьбы за победу социализма в СССР (1918—1937 гг.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1980.

⁶⁹ «Великим молчальником» назвал Патриарха Пимена митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев) в одном из выступлений незадолго до своей кончины (†4 ноября 2003 г.).

части. Так что в Красной Армии его задерживать не могли; могли даже комиссовать, однако дали дослужить до конца. Срок службы в Красной Армии был принят тогда различный, в зависимости от рода войск: для пехоты и артиллерии – 1 год, для кавалерии, конной артиллерии и технических войск – 2 года, для воздушного флота – 3 года, для морского флота – 4 года.

С честью выдержав испытание армейской «школой мужества», в 1934 году иеромонах Пимен был демобилизован. Его родной город Богородск был переименован к тому времени (в 1930 году) в Ногинск, но еще не подвергся «социалистической реконструкции», храмы Божии стояли на своем месте. Здесь он жил какое-то время с родителями, постоянно бывая в Москве, где поддерживал общение с духовно близкими людьми. Одним из них был художник Павел Корин, в марте 1934 года получивший большую мастерскую на Девичьем поле. По свидетельству его жены Прасковьи Тихоновны⁷⁰, именно тогда мастер, продолжавший работу над своим шедевром «Реквием», сделал несколько портретных набросков о. Пимена. Они послужили основой для известного большого этюда «Двое. Иеромонах Пимен и епископ Антоний», который сам художник называл «басы-профундо». Этюд датирован 1935 годом и стал фрагментом упомянутой знаменитой картины, переименованной по совету писателя Максима Горького и получившей известность под другим названием – «Русь уходящая». «Писать эту необычную, тогда весьма эмоциональную натуру было непросто; этюд потребовал многих сеансов. Сейчас трудно представить условия жизни православного духовенства в России тех дней, тем более монашествующего. Жизнь, вернее, житие будущего Патриарха не составляло исключения – оно было нелегальным. Однако плод многотрудного творчества художника оправдал все усилия – образ молодого иеромонаха Пимена стал одной из самых крупных жемчужин в галерее образов «Руси»⁷¹, – пронизательно пишет Вадим Валентинович Нарциссов, друг семьи Коринных.

В круг общения о. Пимена, по косвенным данным, входили опальные священнослужители и затворники-старцы. Молодой иеромонах сам вел полузатворнический образ жизни, опираясь на единомыслие и поддержку родителей, стараясь не привлекать к себе внимания. Он служил регентом в Богоявленском соборе, иногда регентовал и в родном Пименовском храме.

В 1935 году о. Пимен был выведен за штат. Такое решение руководство Московской Патриархии вынужденно принимало тогда под давлением властей в отношении клириков, подвергавшихся арестам и репрессиям. Увы, для молодого иеромонаха оно имело далеко идущие трагические последствия (об этом ниже).

В церковной жизни сложилась к тому времени ситуация очень трудная и сложная. Даже простое присутствие в храме за богослужением было сопряжено с опасностью ареста, так как воспринималось властями предержащими как явный вызов существующей системе государственного атеизма. За прихожанами велась негласная слежка, верующие, посещавшие еще открытые церкви, рисковали своим служебным положением. Участие в регулярной литургической жизни Церкви было психологически возможно только для настоящих исповедников.

Вот как вспоминает свидетель тех лет (А. Ч. Козаржевский) о жизни православной Москвы:

«Довоенные прихожане в большинстве своем успели получить минимум духовных знаний еще до семнадцатого года. Хорошо знали церковную службу... держались своего прихода, хорошо знали друг друга, у каждого было привычное место молитвы... Получил большое распространение институт сестричества. Совсем юные девушки, взрослые и пожи-

⁷⁰ Нарциссов В. Воспоминание о Святейшем // «Журнал Московской Патриархии». 1980. № 8. С. 25—26.

⁷¹ Там же. С. 26.

лые женщины в скромных темных платьях и белых косынках следили за порядком богослужения, ставили свечи, оправляли лампы, подводили детей и немощных к Чаше, кресту, иконам, ходили с блюдом для сбора добродетельных даяний... В храме служили, как правило, превосходные псаломщики: они читали четко, с осмысленными мелодическими паузами и ударениями, не впадали ни в равнодушное бормотание, ни в нарочитую, чисто светскую выразительность. О том, что они безупречно знали церковнославянский язык и служебный обиход, и говорить не приходится. Время богослужения было рассчитано на работающих людей, а не только на пенсионеров. Будничная литургия совершалась в половине седьмого утра, вечернее богослужение – в половине седьмого вечера»⁷².

Продолжал углубляться конфликт среди православного епископата и духовенства, возникший весной 1927 года, когда митрополит Сергей (Страгородский), незадолго до того освобожденный из заключения, обратился к верующим с историческим Посланием. В Послании признавалась законность советской власти, по отношению к которой православным надлежало быть принципиально законопослушными – *лояльными*. Послание (получившее известность как Декларация 1927 года) имело главной целью добиться от государства признания Церкви юридическим лицом, облеченным хотя бы минимальными правами; но у части духовенства и многих верующих этот весьма спорный документ вызвал споры и неприятие ряда формулировок.

Из сохранившихся свидетельств известно, что вплоть до 1945 года иеромонах Пимен воздерживался от служения в храмах, подчиненных митрополиту Сергию. По-видимому, заявление митрополита Сергия от 18 февраля 1928 года («гонения на религию в СССР никогда не было и нет») вызывало у о. Пимена внутренний протест. С другой стороны, он не раз ночевал в церковном доме митрополита Сергия в Бауманском переулке. Именно здесь, в доме под номером 6, находилась тогда редакция издаваемого владыкой Сергием официального «Журнала Московской Патриархии».

Между тем тучи над головой иеромонаха Пимена сгустились... В начале 1937 года его арестовали за «нарушение закона об отделении Церкви от государства». Можно предположить, что под этой формулировкой обвинения подразумевалось формально незаконное совершение церковных таинств и обрядов. В то время как раз начался период усиления идеологических репрессий, закончившийся массовыми гонениями на духовенство и расстрелами⁷³.

В декабре 1937 года было арестовано все духовенство Дорогомиловского Богоявленского храма, в том числе настоятель протоиерей Василий Ягодин и священник Александр Буравцев. На них поступил донос, что они стараются привлечь молодежь в храм, чтобы воспитывать ее в духе православного монархизма. 22 декабря 1937 года оба священника были расстреляны⁷⁴.

Иеромонах Пимен был осужден на три года лишения свободы. Срок он отбывал в так называемом Дмитровлаге⁷⁵ на строительстве канала Москва – Волга (ныне канал имени Москвы) в рабочем поселке Химки⁷⁶. На сооружении канала, который рыли и обустроивали в 1932—1937 годы, широко применялся труд заключенных. Их руками был создан Северный

⁷² Цыпин Владислав, прот. Цит. соч. С. 254.

⁷³ См.: Яковлев Б., Буцков А. Концентрационные лагеря СССР. Исследования и материалы, серия 1-я, вып. 23-й. Мюнхен, Институт по изучению истории и культуры СССР, 1955.

⁷⁴ Прот. Василий Ягодин и свящ. Александр Буравцев погребены в общей могиле на полигоне Бутово; в 2000 г. причислены к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских.

⁷⁵ Дмитровлаг (позднее Дмитлаг) – объединение лагерей (1932—1938 гг.) ОГПУ – НКВД для использования труда заключенных на строительстве канала Москва – Волга им. И. В. Сталина. На 1 января 1933 г. общее число заключенных Дмитлага составляло 1 миллион 200 тысяч человек.

⁷⁶ Северо-западное предместье Москвы; с 1937 г. Химки – рабочий поселок, с 1939 г. – город Московской области.

речной порт Москвы, а на левом берегу канала вырос поселок Левобережный. Заключенные, или *каналармейцы*, как их называли, жили под охраной в бараках, рыли котлован под новое русло Волги с помощью тачки и кирки. Умерших хоронили без гробов, по несколько человек в одной братской могиле...

Промыслительно, что уцелеть от гибели о. Пимену помогла специальность, полученная в армии, — он работал здесь в качестве ветеринара («лошадиного лекаря») и санитарного инструктора. Дело в том, что за отсутствием механизмов и машин на строительстве канала широко применялся гужевой транспорт и специальные повозки, которые тащили лошади.

Строительство канала Москва — Волга официально завершилось 31 января 1938 года, в связи с чем Дмитлаг был ликвидирован и 55 тысяч заключенных из 177 тысяч вышли на свободу «за ударный труд». Но в этот список о. Пимен не попал: возможно, не подписал каких-то «покаянных» бумаг и не пошел на малодушное соглашательство. К нему применили новую карательную меру воздействия — подвергли административной высылке как социально чуждый элемент.

Будущий Патриарх был выслан в далекий Андижан Узбекской ССР — среднеазиатский город с непривычно засушливым климатом. В этом древнем городе на перекрестке шелкового пути (расположен в юго-восточной части Ферганской долины) он выполнял работу помощника санитарного инспектора Андижанского городского отдела здравоохранения. Сохранилась справка этого отдела от 21 февраля 1939 года, в которой сказано, что Извеков С.М. имеет право контролировать соблюдение санитарного законодательства. В августе 1939 года его перевели на должность заведующего областным Домом санитарного просвещения в городе Андижане, каковым «доктор Извеков С.М.» и числился вплоть до июня 1941 года. В этом звании и должности он оказался (вероятно, по недосмотру начальства) командирован на несколько дней на конференцию работников санитарного просвещения в Москву, в августе 1939 года. Через год ему удалось поступить в Андижанский государственный учительский институт⁷⁷ на факультет русского языка и литературы. Здесь следует отметить, что в начале 1940 года срок его высылки истек.

25 октября 1940 года Андижанский городской Отдел народного образования назначил Сергея Михайловича Извекова завучем и преподавателем русского языка средней школы № 1. 14 декабря того же года его вызвали в городской военный комиссариат и поставили на учет.

В своем докладе в ЦК КПСС (представленном в 1968 году) заместитель председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР Василий Григорьевич Фуров обращает внимание на то, что в анкетах 1953 и 1959 гг. митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен сообщал недостоверные сведения, скрывая факты своего заключения: «Он писал, что в 1937—1941 гг. был студентом Ферганского педагогического института и одновременно преподавал русский язык в неполной средней школе, однако по данным Совета учеба его и преподавание в эти годы не подтверждаются»⁷⁸.

Детали в этом деле остаются до сих пор до конца не выясненными. Но нет ничего невероятного в том, что опальный иеромонах мог стать студентом в далекой Ферганской долине (где еще были живы отголоски Андижанского восстания 1898 года под лозунгами газавата), несмотря на свой духовный сан. Возможно, он пользовался покровительством некоторых лиц из местной администрации. А утаивать от слишком пристального ока властей факты своего заключения у него были веские основания и в 1953 году, и позднее.

⁷⁷ С введением в СССР всеобщего семилетнего образования в 1939 г. получили развитие так называемые *учительские институты* (в 1950-е гг. реорганизованы в педагогические институты).

⁷⁸ «Вестник русского христианского движения». № 132. 1980. С. 198.

Находясь в среднеазиатской ссылке, иеромонах Пимен не знал о судьбе многих близких людей, но не забывал о них в своих молитвах. Он постоянно молился об упокоении тех, кто преставился, о здравии и благоденствии тех, кто еще проходил свой земной путь; его ежедневное молитвенное правило свидетельствовало о глубокой и действенной вере в то, что *Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых* (Мк. 12, 27). Этой вере и этой силе духовного предстательства пред Господом в молитвах «за все и за вся» суждено было укрепиться и обрести новый смысл в годы Великой Отечественной войны.

Испытание войной

22 июня 1941 года, сея уничтожение и смерть, в пределы нашей Родины вторглись германские полчища. Нацисты пытались изобразить свою вероломную агрессию и вторжение в Советский Союз как начало «крестового похода» против безбожного большевизма. Но фашизм, как богопротивная доктрина глобальной агрессии и мировой войны, не имел ничего общего с христианством; сама эмблема фашизма – обратная свастика – представляет собой изломанный и попираемый крест.

История Великой Отечественной войны свидетельствует о бесчеловечном и беспощадном отношении немецких оккупантов к гражданскому населению, в том числе к православным верующим и духовенству, о варварском разрушении фашистами бесценных исторических памятников и храмов, об осквернении национальных и общечеловеческих святынь!.. Нацистская идеология по своей сути является демонической, ибо превозносит культ насилия и глумится над высокими нравственными принципами, отвергает и разрушает духовную культуру, созданную на основе евангельских заповедей. Христианские добродетели – кротость и сострадание, милосердие и любовь – нацисты предали поруганию, дерзновенно попирая как «слабости», мешающие выведению новой породы «сверхчеловеков». Нацистская пропаганда стремилась навязать немецкому народу тевтонскую мифологию с ее культом жестокости и силы, чтобы возродить темное язычество. Не случайно идеологи III Рейха пытались культивировать поклонение древнегерманскому языческому идолу – Вотану.

Германский нацизм был явным исчадием ада, настоящим мракобесием – силой, действительно зловещей даже в сравнении с тоталитарным сталинским режимом. В отличие от сталинизма с его интернационализмом, нацизм провозглашал человеконенавистническую идею расового, биологического превосходства одного, «избранного», народа над другими – якобы неполноценными, над евреями и цыганами, славянами и неграми. Эта идея была гораздо страшнее и безжалостней, чем идея классовой борьбы во имя утопического, но счастливого будущего для всех народов. В сталинизме было меньшее зло, чем в нацизме – не столько в своем проявлении в физическом плане бытия, сколько в плане духовном, в мире идей, которые правят миром. Ибо идею интернационального братства трудящихся и всех народов Земли, идею рая на земле можно считать утопической ересью, чем-то вроде средневекового хилиазма. А идея расового превосходства арийцев и господства одного «избранного народа», а именно германской нации, побуждающая к мировой войне, просто чудовищна, в ней очевидна сатанинская закваска... отсюда и концлагеря-душегубки с газовыми камерами...

Вот почему духовенство и миряне Русской Православной Церкви с первого дня войны влились в общенародное патриотическое движение, грудью встали на защиту Родины. Они внесли решающий вклад в приближение богодарованной победы над фашизмом. Русская Православная Церковь вновь – и в который раз! – проявила искреннюю и самоотверженную любовь к Родине. С точки зрения вечности, роль Русской Православной Церкви в войне 1941—1945 гг. была решающей: если бы не молитвенная помощь Церкви, священнослужители которой денно и ночно молились о спасении Родины, взывая к Богу и святым угодникам, немецкий «блицкриг» достиг бы своей цели.

Большевистская идеология могла разжигать мировую революцию, но во время войны оказалась никчемной. Этим объясняется идейная беспомощность Сталина в начале войны, когда он пребывал в шоке. Надо было воззвать к образу Родины-Матери, к именам русских полководцев – Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, к идее Промысла Божия, спасительного для защитников Отечества. Это сделала Церковь в лице митрополита Московского Сергия (Страгородского) уже в первый день

войны, 22 июня. Церковь вдохновила на создание песни «*Священная война*», которая стала патриотическим гимном, повела в бой миллионы людей. Пламенные призывы «Всё для фронта, всё для победы!», «Наше дело правое – мы победим!», принадлежат митрополитам Сергию и Алексию (Симанскому), а затем уже стали лозунгами для всей страны.

Слова из церковной лексики были умело заимствованы, взяты на вооружение Сталиным 3 июля, когда он начал свое обращение к народу по радио с проникновенных слов «братья и сестры». Но Церковь не только молилась о даровании победы православному воинству, не только идейно возглавила защиту огромной страны – ее служителями был организован широкий сбор пожертвований в помощь детям и семьям воинов; на церковные средства построили танковую колонну им. Димитрия Донского и воздушную эскадрилью им. Александра Невского.

Духовенство на оккупированных территориях оказывало сопротивление захватчикам, принимало активное участие в партизанском движении. «Воодушевление воинства опирается на воодушевление народа и от него исходит... Связь войска с народом – то же самое, что кровообращение в теле», – говорил митрополит Алексей в докладе «Долг христианина перед Церковью и Родиной» на Архиерейском Соборе в сентябре 1943 года. «Не свастика, а крест призван возглавить нашу культуру, наше христианское «жительство», – провозглашал митрополит Сергей в своем Пасхальном послании 1942 года. Постоянные обращения руководства Русской Церкви к вождям антигитлеровской коалиции содействовали открытию Второго фронта, сыграли важную роль в поступлении зарубежной помощи из Великобритании и США.

* * *

В первый же день войны, когда председатель Совнаркома СССР И. В. Сталин находился в глубоком замешательстве, Первоиерарх Русской Православной Церкви митрополит Московский Сергей обратился с волнующим призывом ко всему народу грудью встать на защиту Родины. Первосвятитель вознес свою пламенную молитву о ниспослании помощи Красной Армии. В своем историческом послании он писал:

«Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она Небесным благословением и предстоящий народный подвиг... Господь нам дарует победу!»

Следуя призыву своего Первоиерарха, священнослужители Русской Церкви возносили молитвы о спасении Отечества, изгнании захватчиков, даровании победы над агрессором: «О еже подати силу неослабну, непреобориму и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших»...

Молился об этом и отец Пимен. Он вполне разделял идею *христолюбивого воинства*⁷⁹, выраженную профессором Московского университета Иваном Александровичем Ильиным (1882—1954), философом-эмигрантом. Да, пока в человеческой душе живет зло, необходим и меч – для пресечения этого зла. *Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое* (Рим. 13, 4) – учил святой апостол Павел. Эта апология праведной и охраняющей силы, несущей справедливое возмездие злодеям, тем более была применима к врагам Родины, безжалостным насильникам и убийцам.

⁷⁹ См.: Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Берлин, 1925.

Гитлер, определенно, был адептом демонических сил, более того, одержимым маньяком; он сознательно отверг христианство, стремясь возродить древнегерманский языческий культ бога Одина (Вотана). Но в пропагандистских обращениях к русскому народу идеологи нацизма, спекулируя на трагических событиях советской истории, пытались предстать в облике защитников религии. Прикрываясь религиозной фразеологией (на пряжке ремня у каждого германского солдата имелась надпись *Gott mit uns* – «С нами Бог»), Гитлер вещал о необходимости вырвать Церковь из рук большевиков. На самом деле фашизм вдохновлялся антихристианской философией Ф. Ницше, согласно которой евангельская мораль стала анахронизмом, а христианские добродетели – любовь к ближнему, кротость и милосердие – мешают становлению белокурой бестии «сверхчеловека». Что же касается Сталина, то он проделал сложную эволюцию. В отрочестве проявлял набожность, в юности писал стихи, не чуждые религиозных мотивов, затем совершил в семинарии жуткое кощунство [об этом автору рассказывал сын грузинского академика Корнелия Кекелидзе, с отцом которого Сталин учился], за что был исключен и стал революционером и атеистом. Обратился ли он из Савла в Павла, о чем распространяют сегодня мифы и легенды? Вряд ли. Впрочем, на все воля Божия, и нельзя ставить пределов Божественному всемогуществу и милосердию. Достоверных фактов, однако, мы не имеем.

* * *

Начало Великой Отечественной войны застало иеромонаха Пимена в Узбекистане. Он перешел на 2-й курс Андijanского учительского института и находился на летних каникулах до 30 июля. Но каникулы досрочно закончились 22 июня, а 9 августа, «в связи с уходом в РККА», он был освобожден от должности преподавателя средней школы и завуча, чтобы уйти отсюда в действующую армию. Окончил Фрунзенское пехотное училище в звании младшего командира взвода (сержанта). 18 января 1942 года был назначен командиром пулеметного взвода в составе 462-й Стрелковой дивизии. Но на фронт тогда отправлен не был. Учили его образование, полученное в институте: армии нужны были грамотные штабисты, умеющие наладить работу в тылу. 20 марта 1942 года он был назначен помощником начальника штаба по тылу 519-го стрелкового полка, который находился в резерве Ставки Верховного Главнокомандующего. В мае 1942 года этот полк принял участие в военных операциях в составе Южного фронта, но оказался в окружении, ему грозило полное уничтожение или плен...

«Спасение пришло, по словам будущего Патриарха, от Самой Божией Матери: он увидел на тропе неожиданно появившуюся плачущую женщину, подошел спросить о причине слез и услышал: «Идите прямо по этой тропе и спасетесь». Войсковой командир, которому отец Пимен передал сказанное, внял совету, и воины действительно вышли из окружения».⁸⁰

Адриан Егоров, однополчанин о. Пимена, пересказывал слышанную им от него историю той поры: «Однажды ему [будущему Патриарху] поручили доставить командованию пакет с донесением. Он помолился, перекрестился и сел в седло. Лошадь звали *Судьба*. Как рассказывал потом Патриарх Пимен, опустил он поводья и тронулся в путь. Дорога лежала через лес. Благополучно прибыл в часть и вручил пакет. Его спрашивают: «Откуда прибыл?» – и он в ответ показывает рукой направление. «Нет, – говорят ему, – оттуда невозможно приехать, там все заминировано»⁸¹.

29 июля младший лейтенант С. М. Извеков был контужен в кровопролитных боях на Харьковском направлении. После лечения в военном госпитале зачислен осенью 1942 года

⁸⁰ Миллер Т.А. Святейший Патриарх Пимен // Альфа и Омега. 2003. № 3 (37). С. 250.

⁸¹ «Спаси и сохрани. Свидетельства очевидцев». М., 2006. С. 181.

в состав 702-го стрелкового полка, бывшего в резерве, в должности заместителя командира роты. 23 февраля 1943 года полк в составе 213-й стрелковой дивизии отбыл на фронт и принял участие в Харьковской оборонительной операции. 13 марта полк выгрузился на станции Валуйки и вошел в состав 7-й Гвардейской армии. 25 марта наступление немцев было остановлено. В ожесточенных сражениях марта-апреля 1943 года под Харьковом участвовал заместитель командира 6-й роты по строевой части Сергей Михайлович Извеков. 16 апреля 1943 года он был вновь контужен. Авиабомба взорвалась рядом с местом, где укрывалась рота, которой командовал старший лейтенант Извеков. «Солдатики мои были щуплые, маленькие. А у меня спина широкая, я и прикрыл их собой», – вспоминал впоследствии Патриарх Пимен. После этого случая он был назначен адъютантом командира дивизии 7-й Гвардейской армии генерал-майора Федора Ивановича Шевченко⁸². Роль этого замечательного военачальника в судьбе будущего Патриарха заслуживает внимания исследователей.

7-я Гвардейская армия вела бои за Белгородом. 3 августа войска Воронежского фронта перешли в наступление. Преследование противника продолжалось до Харькова. 23 августа был взят Харьков, соединения 7-й армии вышли к городу Мерефа. Здесь немцы создали крупный оборонительный рубеж, для взятия которого надо было форсировать реку Уду, приток Северного Донца. Патриарх вспоминал об этом важном эпизоде своей воинской биографии: «Командир у меня был добрый. Под пули меня не посылал. Но однажды пришлось переправляться через реку...» 28 августа 1943 года операция была закончена, но среди выживших старшего лейтенанта Извекова не обнаружили. В штатно-должностной книге офицерского состава полка полковой писарь записал 30 сентября 1943 года: «Старший лейтенант Извеков Сергей Михайлович пропал без вести 26.08.43, Мерефск[ий] р[айон]»

Харьк[овской] обл[асти]»⁸³. К счастью, он был жив, хотя его начальство не знало об этом. Подбирая убитых бойцов, его нашли санитары под грудой кирпичей. Тяжело контуженного отправили в госпиталь в Москву, который находился в Чернышевских казармах (в районе Добрынинской площади). К тому времени С.М. Извеков был помощником заместителя командира дивизии по материально-техническому снабжению⁸⁴.

Из госпиталя отец Пимен в действующую армию не вернулся, так как по состоянию здоровья не мог продолжать служение в армии.

«После госпиталя иеромонах Пимен проживал в небольшом деревянном двухэтажном домике в одном из переулков около Сушевского Вала у двух монахинь. 29 ноября 1944 года он был арестован и препровожден в 9-е отделение милиции города Москвы. Задержание было произведено за нарушение паспортного режима. Его обвинили в том, что он жил по фиктивным документам и «скрывался от ответственности под видом служителя религиозного культа»⁸⁵. Все это давало основание для обвинения в дезертирстве под угрозой применения смертной казни... Время тогда стояло больно суровое.

Твердо веруя, что *не в силе Бог, а в правде*, во всем положившись на Его Промысл, о. Пимен не дрогнул, хотя Смерш⁸⁶ докопался до сокровенных деталей его биографии. Выяснилось, что он служитель алтаря, – и это было чистой правдой.

⁸² Шевченко Федор Иванович (род. 5/18 сентября 1900 г., умер 10 января 1982 г.). Во время Великой Отечественной войны был начальником Калининского направления Оперативного управления Генштаба (1942—1943); с сентября 1944 г. – генерал-лейтенант; с 5 августа 1945 г. – начальник оперативного управления штаба Дальневосточного фронта; 8 сентября 1945 г. награжден орденом Кутузова 1-й степени.

⁸³ «Московский церковный вестник». 1991. № 8 (май). С. 7.

⁸⁴ Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С. 24.

⁸⁵ Цит. по: Дионисий (Шишигин), архим. Былое пролетает... Патриарх Пимен и его время. М.: ОАО «ГУП ЭКОНОМИКА», 2010. С. 73; см. также: Дионисий (Шишигин), архим. Старший лейтенант Извеков // «Московский журнал». 2010. № 5 (233).

⁸⁶ Смерш («Смерть шпионам») – особое управление контрразведки в Советской армии, действовавшее с 1942 по 1946 г.

«Суд был скорым. 15 января 1945 года военный трибунал Московского гарнизона, «не усматривая необходимости применения высшей меры наказания», «приговорил Извекова Сергея Михайловича по совокупности совершенных им преступлений на основании статьи 193–7 пункт «д» Уголовного кодекса РСФСР лишить свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на десять (10) лет без поражения в правах и без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного, лишив его воинского звания старший лейтенант»⁸⁷.

Проф. Дмитрий Поспеловский, современный церковный историк, считает: «Скандал, изгнание из армии и последующее заключение были вызваны именно тем фактом, что монах и священник смог стать советским офицером. Сам Пимен в разное время давал противоречивые сведения о своем прошлом в автобиографиях, которые вынужден был составлять, то есть пытался скрыть какие-то факты своей жизни от властей»⁸⁸.

На самом деле обстоятельства были гораздо сложнее. Важно иметь в виду, что незадолго до того, а именно 24 ноября 1944 года, на встрече с участниками Архиерейского Собора (завершившегося в Москве накануне) председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпов заверил: «Все священнослужители, состоящие на службе в церковных приходах, освобождаются от призыва по мобилизации, независимо от возраста»⁸⁹. Учитывая это, иеромонах Пимен не мог считаться дезертиром: он подлежал освобождению от службы как священнослужитель. Осуждение последовало, потому что к тому моменту он не успел получить назначения на приход. Поистине, буква закона мертва.

Итак, будущий Патриарх вновь был отправлен в лагерь – на этот раз в страшную и ледяную Воркуту, за Северный полярный круг. Нам трудно представить, что мог пережить священник-фронтовик, прошедший с боевыми товарищами пол-России... Он пережил одно из самых страшных испытаний – военный этап. Эти этапы были настолько тяжелыми, что не все их выдерживали, некоторые умирали по дороге. Те же, кто пережил их, страшились вспоминать пережитое.⁹⁰

Два года ссылки предстояло отбыть ему в концлагере, который именовался комбинатом «Воркута-уголь». Он был частью сталинской системы лагерей (ГУЛАГа, или Главного управления лагерей). В конце 20-х годов здесь были обнаружены залежи угля.

Впоследствии на этом месте был создан лагерь для ссыльных, из которого в годы войны возник город шахтеров-заключенных и лагерного персонала. Воркута находится в чрезвычайно суровой климатической зоне недалеко от Северного Ледовитого океана, со всех сторон окружена тундрой⁹¹.

И здесь милость Божия хранила о. Пимена – он работал несколько месяцев не на общих работах, где заключенные гибли сотнями, а в медицинском пункте санитарным инструктором, помогая больным, исповедуя умирающих... Однако сам он испытывал сильные боли, заболел туберкулезом позвоночника. Сильные морозы и суровые лагерные условия, отсутствие нормальной пищи и должной медицинской помощи, казалось, обрекали его на неминуемую смерть. Но он смотрел в глаза смерти без страха за свою жизнь, ибо имел другой страх, *страх Господень – источник жизни, удаляющий от сетей смерти* (Притч. 14, 27). Он помогал не только заключенным. Замечателен рассказ протоиерея Тихона Стрелецкого, который отбывал здесь свой срок и оставил воспоминания о встрече с о. Пименом:

⁸⁷ Цит. по: «Былое пролетает... Патриарх Пимен и его время». М., 2010. С. 73.

⁸⁸ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: «Республика», 1995. С. 334.

⁸⁹ «Журнал Московской Патриархии». 1944. № 12. С. 18.

⁹⁰ См.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. Ч. 2. Гл. 3 («Караваны невольников»).

⁹¹ Ильин В.И. Город-концлагерь: социальная стратификация гулаговской Воркуты // «Стратификация в России: история и современность» / Отв. редактор Ю.М. Рапопорт. Сыктывкар: изд. Сыктывкарского университета, 1999. С. 44–70.

«На 102-м квартале в Коми на одном участке иду я с кладбища. Смотрю, на конюшне из трубы дым идет, значит, думаю, кто-то есть внутри. Захожу в конюшню. На постели лежит жеребенок, покрыт одеялом, только голова выглядывает. Я подошел, погладил. Осмотрел я келью, думаю: здесь живет не простой человек. Обогрелся я у печки. Через некоторое время входит молодой человек высокого роста. Я ему говорю: «Почему у тебя жеребенок на постели лежит?» А он отвечает: «Это сиротинка. Его мама сломала ногу на вывозе леса, и ее по лагерному обычаю зарезали... Я пожалел его и взял на воспитание». – «Вижу, вы не простой человек, – говорю ему. «Да, я – иеромонах. В лагерях уже во второй раз»⁹².

---

⁹² Цит. по: *Дионисий (Шишигин), архим.* «Былое пролетает... Патриарх Пимен и его время». М.: ОАО «ГУП ЭКОНОМИКА», 2010. С. 74.

Служение Иерейское

18 сентября 1945 года иеромонах Пимен был освобожден по амнистии в связи с победой Советского Союза над фашистской Германией, на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 июня того же года. Здоровье его было подорвано годами репрессий, а также несколькими контузиями, сильные боли в области позвоночника омрачали его жизнь еще в лагере. Вернувшись в столицу из Воркуты, с сентября 1945 года по февраль 1946 года он проходил лечение от туберкулеза в Московском областном туберкулезном институте (МОТИ).

Но проживание в столице ему, как бывшему заключенному, было запрещено. Ближайшим от Москвы городом, близким к Троице-Сергиевой Лавре (в то время, правда, закрытой), где можно было бы поселиться, не нарушая закона, являлся г. Александров Владимирской области, так как он находился за чертой заповеданного 101-го километра⁹³. Но этот город был «слишком» облюбован недавними заключенными. Отец Пимен местом своего жития избрал старинный город Муром Владимирской епархии, который тоже был «за сто первым километром». В то время в Благовещенском соборе Мурома служил игумен Серафим (Крутень), которого иеромонах Пимен хорошо знал еще по Сретенскому монастырю, где в 1925 году они вместе молились. Это был исповедник веры Христовой, поселившийся в Муроме в 1945 году после освобождения из лагеря и принявший здесь схиму с именем Савватий⁹⁴.

Знаменательно, что путь о. Пимена из родного Богородска (Ногинска), находившегося в запретной от столицы близости, повел его в российскую глубинку – в направлении к другому Богородску, уже в Нижегородской области. Муром же находится где-то посередине, и его название происходит от названия финско-угорского племени «мурома», что означает «люди на суше». Так послевоенная стихия вынесла его «на сушу».

Участие в судьбе о. Пимена принял Преосвященный епископ Владимирский и Суздальский Онисим (Фестинатов)⁹⁵, в 30-е годы тоже подвергшийся репрессиям. 20 марта 1946 года по рекомендации схиигумена Савватия (Крутеня) он назначил иеромонаха Пимена штатным священником древнего Благовещенского собора бывшего Благовещенского мужского монастыря. В этом соборе во время Отечественной войны 1812 года временно пребывала перенесенная из Москвы чудотворная Иверская икона Пресвятой Богородицы. Отец Пимен регулярно совершал молебны у главной храмовой святыни – раки с мощами святых благоверных князей Константина (Ярослава) (†1129) и чад его Михаила и Феодора, Муромских чудотворцев (память 21 мая старого стиля). Служил он, преодолевая свои телесные немощи, препоясав позвоночник кожаным корсетом. По большим праздникам, когда было особенно много богомольцев, иеромонах Пимен совершал Божественную литургию на площади перед храмом⁹⁶.

В Благовещенском соборе пели на клиросе и прислуживали бывшие дивеевские инокини, свято чтившие память преподобного Серафима Саровского. В их домике у стен монастыря иеромонах Пимен часто бывал и брал у них уроки рукоделья. Здесь он научился искусству вышивки, которому иной раз предавался впоследствии на досуге. Уже став Патриархом,

⁹³ В то время в отношении многих освобождаемых из лагерей действовал запрет проживать ближе 100-километровой зоны вокруг столичных городов.

⁹⁴ В миру Дмитрий Антонович Крутень, род. в 1905 г.

⁹⁵ Хиротонисан 27 авг. 1944 г. в Богоявленском соборе Москвы Патриаршим Местоблюстителем Алексием, митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем) и епископом Ташкентским и Среднеазиатским Кириллом (Поспеловым); 25 февр. 1956 г. возведен в сан архиепископа; † 31 октября 1970 г.

⁹⁶ *Татьяна Сенчугова*. Муромский период в биографии Святейшего Патриарха Пимена (1945—1946). // Муром Православный. Альманах. Книга третья. Ноябрь. 2006 год. С. 35—37.

он имел попечение о дивеевских сестрах. Одну из них, престарелую монахиню Марию (Анну Ефимовну Баринову; 1905—1982), специально возили из Муром для общения со Святейшим. Незадолго до смерти она решила передать Патриарху чудотворную икону Пресвятой Богородицы «Умиление» вместе с некоторыми вещами преподобного Серафима. Святейший мудро решил, что святыню и реликвии надлежит отдать на хранение протоиерею Виктору Шиповальникову (1915—2007), усердному исповеднику, который тоже был в 1945 году в Воркутинской ссылке⁹⁷. Вызвав его в Чистый переулок, сказал: «Я не доживу, а ты, Бог даст, возвратишь по назначению»⁹⁸.

Недолгое свое служение в Муроме Патриарх Пимен неизменно вспоминал очень тепло, ведь это были первые мирные дни после многолетних лишений и тягот, преследований и бедствий. Впоследствии, уже будучи иерархом, он неоднократно посещал этот древний город. Здесь «сидел сиднем» до 33 лет герой былинного эпоса, воплощающий идеал воина и народного заступника – преподобный Илия Муромец, Печерский (память 19 декабря / 1 января). Патриарху Пимену было тогда немногим более – 35 лет.

В 1949 году, служа епархиальным секретарем Ростовской епархии, он написал трогательное стихотворение «Муромлянам», где есть такие строки:

Не забудьте меня вы, родные,
Когда в храме стоите, молясь!
Иногда и слезу уроните,
От пытливого взгляда таясь.

Стихотворение с такой «предостерегающей» концовкой переписывалось прихожанами Благовещенского собора и бережно передавалось из рук в руки⁹⁹. Под «пытливым взглядом» автор подразумевал соглядатаев, которым не нравилось его молитвенное рвение и проповеди за богослужением, исполненные глубокой веры, привлекавшие в храм молодежь. Все это раздражало местные власти, которым о. Пимен был неугоден: они искали формального повода, чтобы свести с ним счеты...

«Береженого Бог бережет». Эта народная мудрость подвигла будущего Патриарха просить Священноначалие о перемене места жительства. К этому его подвигло и другое немаловажное обстоятельство. Переведенный в Одессу схиигумен Савватий (Крутень) рекомендовал отца Пимена Преосвященному Сергию (Ларину), епископу Одесскому и Кировоградскому¹⁰⁰.

* * *

Итак, в августе 1946 года иеромонах Пимен продолжил священнослужение в Одесской епархии под началом Преосвященного Сергия (Ларина), к тому времени имевшего титул епископа Херсонского и Одесского.

⁹⁷ Один из эпизодов этапирования о. Виктора Шиповальникова (молодого священника, поддерживавшего старого – о. Феодора Флорю) описан А.И. Солженицыным: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. Ч. 2. Гл. 3 («Караваны невольников»).

⁹⁸ В 1991 году икона «Умиление» и вещи преп. Серафима были переданы о. Виктором Шиповальниковым Патриарху Алексию II. Часть дивеевских святынь (иконы «Прп. Серафим» с частичкой мантии, «Прп. Серафим, молящийся на камне») прот. Виктор передал в Троицкий храм в поселке Удельная под Москвой, над строительством которого он немало потрудился.

⁹⁹ См.: *Дионисий (Шиишин), архим.* Былое пролетает... Патриарх Пимен и его время. М.: ОАО «ГУП ЭКОНОМИКА», 2010. С. 78.

¹⁰⁰ В том же 1946 г. епархия была переименована в Херсонскую и Одесскую.

В недавнем прошлом Владыка Сергей принадлежал к обновленческому клиру (рукоположен митрополитом Александром Введенским). «Это был человек с крупными коммунистическими связями, но тем не менее независимый и осведомленный, — охарактеризовал его впоследствии архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин). — Более часа мы с ним провели в интереснейшей беседе с глазу на глаз. Владыка Сергей с большой откровенностью стал рассказывать о происходящем в России, как за последние годы усилились гонения на Церковь, о массовом закрытии храмов, о насилиях, арестах и т. д. «Кто же главный виновник этих гонений?» — спросил я. «Хрущев, — категорически ответил архиепископ Сергей. — Это всецело его дело». [...] Помню, как я был поражен смелостью, с которой «советский» архиерей высказывается о главе советского правительства, это был единственный случай такого рода, с которым мне пришлось вообще сталкиваться»¹⁰¹.

С этим сравнительно молодым, но энергичным и богословски эрудированным архиереем, которому будущий Патриарх многим обязан, его сблизил любовь к церковному пению.

Владыка Сергей, превосходный знаток церковной музыки, был всего на два года старше о. Пимена. Он родился 11 марта 1908 года в Санкт-Петербурге, в семье почтового служащего. Служение Церкви начал в ранней юности: с 1925 года иподиаконом и псаломщиком в Казанском кафедральном соборе Ленинграда (в то время обновленческом); в 1930 году после пяти лет обучения окончил Богословский институт. В 1933 году принял монашество с именем Сергей, в 1938-м удостоен сана архимандрита и назначен благочинным обновленческих церквей Москвы. 11 октября 1941 года рукоположен во епископа Звенигородского. 18 лет (1925—1943 гг.) находился в клире обновленцев, во время войны занимал ключевые посты в обновленческом движении, являлся даже управляющим Московской епархией. 27 декабря 1943 года принес покаяние и был принят в общение с Православной Церковью в звании простого монаха. За короткий срок прошел все степени православного поставления и 15 августа 1944 года был посвящен в епископа Кировоградского, викария Одесской епархии. Он управлял Одесской епархией с 1944 по 1947 год. 15 июня 1945 года его трудами были открыты в Одессе *Пастырские курсы*¹⁰².

Преосвященный Сергей сначала определил иеромонаха Пимена настоятелем крестового архиерейского храма во имя святого мученика Виктора и преподобного Виссариона. Затем благословил на служение в одесском храме во имя святого пророка Илии. В этом замечательном трехпрестольном храме было еще два придела: во имя св. Архангела Гавриила и в честь иконы Божией Матери «Млекопитательницы». Храм основали в 1884 году как подворье русского Афонского Ильинского скита: его клирики помогали паломничающим через Одессу на Афон и в Святую Землю. В 1922 году подворье было упразднено, но храм действовал до 1932 года и был возобновлен в 1942 году как приход¹⁰³, при нем тогда же разместилось Одесское епархиальное управление (находилось здесь до 1962 года). В 1946—

¹⁰¹ Василий (Кривошеин), архиеп. Брюссельский. Две встречи: митр. Николай (Ярушевич) и митр. Никодим (Ротов). СПб.: «Сатис», 2003. С. 150—152.

¹⁰² В 1949 г. епископ Сергей был переведен на Житомирскую кафедру, в 1950 г. — на Гродненскую. В 1951—1952 гг. находился на покое. В 1952 г. назначен епископом Тульским и Белевским, в 1954 г. — Астраханским и Сталинградским; в 1959 г. определен на Омско-Тюменскую кафедру, в 1961 г. переведен в Пермскую епархию с возведением в сан архиепископа. С октября 1962 г. — архиепископ Берлинский и Среднеевропейский, Экзарх Средней Европы; 20 мая 1964 г. переведен в Ярославскую епархию; † 12 сент. 1967 г. Автор монографии «Обновленческий раскол», за которую 30 марта 1961 г. Советом МДА удостоен звания кандидата богословия (опубликована в сокращении в: «Вестник Западно-европейского Русского Патриаршего Экзархата». Париж, 1964. № 43). См.: Иоанн (Снычев), архиеп. Русские православные иерархи периода с 1966 по 1975 г. (вкл.). Машинопись. Куйбышев, 1976.

¹⁰³ 22 июля 1994 г. в Ильинском храме обретены нетленные мощи преп. Гавриила Афонского († 1901); в 1995 г. Ильинский приход преобразован в монастырь, здесь открыты воскресные школы для детей и взрослых; с 1997 г. при храме вновь располагается Одесское епархиальное управление.

1949 годах на подворье жили иноки, здесь и трудился в качестве казначея подворья будущий Патриарх.

Надо сказать, что во время оккупации Одессы в 1941—1944 годах в городе хозяйничали румыны: королевская Румыния была союзницей фашистской Германии¹⁰⁴. С их согласия были возобновлены богослужения в православных храмах и организованы церковно-приходские школы. После освобождения Одессы Красной Армией храмы оставались открытыми. Преосвященный Сергей (Ларин) немало потрудился для того, чтобы наладить нормальную церковную жизнь в этот период. Действовал он со знанием дела, довольно решительно и последовательно. Отец Пимен стал его ближайшим сподвижником.

«Святейший, — вспоминал о. Виктор Шиповальников, в то время клирик Одесской епархии, — не имел прописки и вынужден был жить в покоях владыки Сергея. Начальник городской милиции усмотрел в этом нарушение и пришел с претензиями. Можно представить себе его удивление, когда он услышал ответ епископа Сергея: «По 5-му правилу Трулльского Собора резиденция епископа неприкосновенна!» — «По какому правилу?» — переспросил удивленный страж порядка. «По правилу Трулльского Собора. Надо знать историю!» — резко добавил епископ»¹⁰⁵.

Иеромонах Пимен был также помощником благочинного монастырей епархии, исполнял и другие послушания, в частности, состоял преподавателем в Одесской Духовной семинарии¹⁰⁶, которая была официально открыта в 1946 году на основе преобразованных *Пастырских курсов*. Отец Пимен активно помогал своему архиерею в восстановлении разрушенных храмов. За неутомимые труды он в декабре 1947 года получил сан игумена с возложением креста с украшениями.

Патриарх Пимен любил впоследствии, находясь на отдыхе в своей одесской резиденции, вспоминать о первых послевоенных годах, проведенных в Одессе. Вот как характеризует тот период и описывает один примечательный эпизод его бывший келейник:

«В те годы одесситы хорошо узнали и полюбили молодого иеромонаха с открытым лицом и прямым взглядом за его простые, но идущие из глубины сердца поучения и проповеди. В том, что духовные дети не забыли своего пастыря, сохранили привязанность к нему, я убедился однажды лично.

Как-то одна древняя старушка со свойственным одесситам темпераментом буквально заставила меня взять от нее для передачи Патриарху письмо и фотографию. Причем она довольно выразительно посмотрела на меня и сказала: «Это он для вас Патриарх, а для нас он был и остается батюшкой, и мы его по-прежнему любим». Было видно, как переданные мною Патриарху эти слова с письмом и фотографией от когда-то бывшей его духовной дочери взволновали Святейшего, и он, как обычно в таких случаях, быстро ушел во внутренние апартаменты. Позже, выйдя на веранду в явно хорошем настроении, он показал мне фотографию молодого худощавого иеромонаха и спросил: «Что можешь сказать о нем?» Я не уловил в вопросе подвоха и начал было давать характеристику неизвестному, смело смотрящему с фотографии монаху. Каков же был мой конфуз, когда Патриарх довольно скоро добродушно рассмеялся и сказал: «Да это ж я в сороковые годы. Таким помнят меня сейчас уже немногие оставшиеся в живых одесситы. Тогда мне пришлось здесь много потрудиться»¹⁰⁷.

В послании по случаю 150-летия Одесской епархии в 1987 году Патриарх Пимен писал: «В своей душе я всегда храню добрую память о моем пастырском служении в Одес-

¹⁰⁴ См.: Грабовский А.Л., Губарь О.И. и Пойзнер М.Б. *Оккупация. Одесса 1941—1944*. Одесса, 2004.

¹⁰⁵ «Журнал Московской Патриархии». 1991. № 9. С. 29.

¹⁰⁶ См.: «Журнал Московской Патриархии». 1983. № 2. С. 19.

¹⁰⁷ Сергей (Соколов), еп. Новосибирский и Бердский. Цит. соч. С. 80—81.

ской епархии... а также о неоднократном посещении Одессы, где я всегда ощущал благодатную помощь Матери Божией»¹⁰⁸.

Эту помощь он особенно ощущал через главную святыню Одесского собора – Касперовскую икону Пресвятой Богородицы. Икона была признана Святейшим Синодом чудотворной после расследования целого ряда чудес, прославивших ее в 1840 году (до этого образ хранился у помещицы Иулиании Иоанновны Касперовой, которая получила его по наследству как родовую святыню в 1809 году).

Во время войны 1853—1855 годов Касперовская икона защитила Одессу от вторжения неприятельских войск. При архиепископе Херсонском и Таврическом Иннокентии (Борисове; 1848—1857) было постановлено «в поучение потомству событие это сделать незабвенным» и праздновать 1 октября.

Иеромонаху Пимену принадлежит трогательное стихотворение, в котором воспеты Успенский кафедральный собор Одессы («детище забот народных, воскресшее из пепла и руин») и главная святыня собора – чудотворный Касперовский образ Богородицы («икона чудная, вся в ризе из камней»):

Как я любил в вечернем полумраке,
В том дивном уголке колена преклонять
Перед Пречистой ликом, в трепете и страхе
Своей души томления унять.

Стихотворение, датированное 5 января 1948 года, написано в Ростове-на-Дону.

* * *

До конца 1947 года владыка Сергей (Ларин) управлял приходами Одесской и Кировоградской епархий, затем занял Ростовскую кафедру. Тогда же вместе с ним перешел в клир Ростовской епархии иеромонах Пимен. Несколько месяцев перед тем он по благословению епископа Сергея и просьбе новопоставленного епископа Рязанского и Касимовского Иеронима (Захарова) нес временное послушание в Рязани: в должности ключаря Борисоглебского собора помогал в ремонтно-восстановительных работах, неустанно проповедовал.

Вот как вспоминает об о. Пимене прихожанка этого собора А.П. Мизгирева: «Энергичный, необыкновенно собранный и очень красивый. Обладал прекрасным, сильным голосом с приятным тембром. Каждое слово, произнесенное в алтаре или около алтаря, было четко слышно в конце большого собора. Кто хоть раз слышал его голос (чтение, пение) – сохранил это неповторимое впечатление, мне кажется, на всю жизнь. Настоящий дар слова. В те годы на религиозные темы ничего не печаталось и по радио (кроме критики) не произносилось, поэтому живое слово Церкви было единственным свежим глотком воздуха для верующего человека.

На службы с участием отца Пимена сразу же «потянулся» народ, особенно на его проповеди. Много стало ходить молодежи. Борисоглебский собор большой, но приходило столько народа и стояли так тесно, что поднять руку и свободно перекреститься было невозможно. Проповеди и по содержанию резко выделялись в то время.

Он старался привести последние научные данные физики, естествознания и т. д., раскрывающие и подтверждающие Божественное начало. Отец Пимен был немного в Рязани, а мне было всего 11 лет, мало я успела запомнить, но отдельные проповеди помню очень четко, а некоторые дословно.

---

¹⁰⁸ «Журнал Московской Патриархии». 1988. № 2. С. 11.

Так, помню его проповедь, где он коснулся очень модного в то время «научного» открытия О. Б. Лепешинской¹⁰⁹, что жизнь может произойти не только из клетки, но и из межклеточного вещества. На этом строилось целое антирелигиозное, материалистическое направление в биологии.

«Но кто же сотворил и это межклеточное вещество? Кто Творец всего – клетки и межклеточной субстанции?» – Это почти дословно его слова. Аудиторией он владел прекрасно, буквально всех завораживал; несмотря на большое скопление народа, тишина стояла, как говорят «муха пролетит – слышно». Но в народе постоянно было чувство страха за него: «Как бы его не забрали за проповеди»¹¹⁰.

Таким образом, в те годы будущий Патриарх был активным проповедником-апологетом. Ясно, что у местных атеистических властей он должен был вызывать, мягко выражаясь, раздражение. И они постарались, чтобы пребывание игумена Пимена в Рязани не затягивалось. «Ему дали понять, что для него лучше уехать», – сообщает биограф Патриарха Пимена архимандрит Дионисий (Шишигин). Он слышал от митрополита Рязанского Симона (Новикова, 1928—2006), что в октябре 1972 года, напутствуя его на Рязанскую кафедру, Святейший предостерег его от излишней смелости при благовестии: «Мне там в молодости здорово досталось за проповеди», – сказал он.

В Ростове-на-Дону игумен Пимен выполнял обязанности епархиального секретаря (назначен на эту должность указом епископа Сергия Ларина 2 декабря 1947 года) и нес дополнительное послушание – был ключарем кафедрального собора в честь Рождества Пресвятой Богородицы (назначен 9 марта 1948 года). «Сроднившись с новыми духовными детьми, он по-человечески надеялся, что именно здесь ему предстоит провести остаток дней своей жизни. Он хотел этого... но Бог судил иначе»¹¹¹.

В июле 1948 года игумен Пимен вместе с епископом Сергием (Лариным) представлял Ростовскую епархию на *Совещании глав и представителей поместных Православных Церквей* в Москве, посвященном 500-летию автокефалии Русской Православной Церкви. Совещание это помогло восстановить межправославное сотрудничество, нарушенное двумя мировыми войнами и политическими потрясениями за этот период. Оно подтвердило, что Русская Церковь, пятая в православном диптихе, фактически является наиболее могущественной – столпом мирового Православия. По существу, это был Общеpravославный Собор, который стал возможен благодаря все возрастающей державной мощи Советского Союза. Участвуя в этом форуме, будущий Патриарх Пимен приобретал драгоценный опыт международных контактов с православными братьями в различных странах мира. Это пригодилось ему в будущем. Церковная деятельность в Одесской и Ростовской епархиях обогатила его пастырский опыт знанием реальной жизни в таких важных аспектах, как административный и хозяйственный.

Обладая очевидным и бесспорным талантом вносить порядок и благочиние в церковную жизнь прихода и епархии, иеромонах Пимен обратил на себя внимание Святейшего Патриарха Алексия I. Тот по достоинству оценил эти дарования и вскоре призвал своего будущего преемника к более ответственному служению.

¹⁰⁹ Лепешинская Ольга Борисовна (1871—1963) – член РСДРП с 1898 г., ученый в области медицины и биологии, лауреат Сталинской премии (1950), академик Академии медицинских наук СССР (1950). Широкую известность получила поддержанная вначале рядом гистологов ее теория о новообразовании клеток из бесструктурного так называемого «живого вещества»; впоследствии она получила оценку как политизированное и антинаучное направление в биологии.

¹¹⁰ Цит. по: Дионисий (Шишигин), архим. Былое пролетает... Патриарх Пимен и его время. М.: ОАО «ГУП ЭКОНОМИКА», 2010. С. 84.

¹¹¹ «Журнал Московской Патриархии». 1988. № 2. С. 11.

* * *

Осенью 1949 года игумен Пимен был назначен наместником древнего, основанного в XV веке, Псково-Печерского Успенского монастыря Псковской епархии. Монастырь этот ни разу за всю свою историю не закрывался, и более пятисот лет здесь непрерывно длится молитва. В Успенском храме покоятся мощи преподобного Корнилия Печерского (†1570), одного из первых игуменов обители¹¹². В 1919—1940 годы монастырь находился на территории Эстонии, благодаря чему не был закрыт большевиками¹¹³.

Патриарший указ о новом назначении явился для игумена Пимена неожиданностью и застал его почти врасплох. Принять его надлежало с должным послушанием и смирением инока, как всегда, в подобных переменах усматривая видимый знак Промысла Божия. Но по человеческому разумению ему было трудно расставаться с привычным местом и ставшими близкими людьми, в особенности со своими духовными детьми. Более того, он даже надеялся, что именно в Ростове ему предстоит провести остаток своих дней.

Вскоре о. Пимену «передали в дар от неизвестных лиц редкую икону. Каково же было его удивление, когда он увидел перед собой образ «Лобзание Иуды» (знакомый еще с детства. — В.Н.). «Я воспринял это событие как посылаемое мне Божие благословение, — рассказывал Святейший. — Все мои сомнения и опасения исчезли»¹¹⁴.

9 октября, в праздник апостола Иоанна Богослова (26 сентября по старому стилю) игумен Пимен посетил Псково-Печерский монастырь, где присутствовал на постриге нового инока. Затем на несколько дней вернулся в Ростов-на-Дону, чтобы сдать дела и окончательно собраться в дорогу. Когда он покидал прежнее место служения, прощание прихожан с любимым пастырем было исключительно теплым и трогательным.

В декабре 1949 года епископ Изборский Владимир (Кобец), викарий Псковской епархии, тогдашний наместник Псково-Печерской обители, передал игумену Пимену управление монастырем. Сам он был назначен начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и должен был ехать в Святую Землю. В конце молебна перед иконой Богородицы в Успенском соборе игумен Пимен произнес ему напутственное слово, как и полагалось по такому случаю.

На Светлой седмице в 1950 году митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), временно управлявший Псковской епархией, возвел игумена Пимена в сан архимандрита. Владыка Григорий был маститым архиереем «старой закалки», с честью выдержавшим испытание угрозой расстрела (ему был вынесен 5 июля 1922 года смертный приговор, замененный тюрьмой)¹¹⁵. Не сломленный многолетними репрессиями, образованнейший иерарх (доктор богословия), он по-отечески мудро поддержал советами и руководством своего ставленника.

Псково-Печерский монастырь тогда остро нуждался в серьезных восстановительных и ремонтных работах. Надо было не только восстанавливать порушенные храмы, но и налаживать уставную жизнь в обители, расстроенную за последние годы. Реальные трудности

¹¹² Погиб смертью мученика от руки царя Иоанна Грозного, который подозревал его в измене.

¹¹³ В годы войны монастырем управлял игумен Павел (Горшков). После войны он был обвинен в пособничестве германским властям и арестован; умер в Ленинграде в «Крестах» (в 1997 г. был посмертно реабилитирован, о чем монастырь получил особую справку).

¹¹⁴ *Сергий (Соколов), еп. Новосибирский и Бердский*. Цит. соч. С. 86.

¹¹⁵ В миру Николай Кириллович Чуков, 1870—1955; в 1895 г. закончил СПб. Духовную академию; в 1918—1921 гг. — настоятель храма Петроградского университета; с августа 1921 по июнь 1922 г. — настоятель Казанского собора в СПб.; в 1935 г. выслан из Ленинграда; 14 окт. 1942 г. хиротонисан во епископа Саратовского; с 7 сент. 1945 г. — митрополит Ленинградский и Новгородский; с 1946 г. возглавлял Учебный комитет при Священном Синоде.

превзошли опасения нового игумена. И уж, конечно, без помощи Божией вряд ли можно было бы добиться нужных результатов.

«Проблемы были и внутренние, и внешние. Они имеют место всегда, и глубоко заблуждается тот, кто склонен идеализировать монастырскую жизнь, стремясь увидеть в иноческом житии чуть ли не рай земной. Напротив, надо всегда помнить, что монастыри – это передний край духовного противостояния, где враг нашего спасения – диавол, особенно активно воюет против правды Божией.

Устав общежительного монастыря не позволяет монаху иметь личную собственность. Обещание нестяжания, то есть отказ от духа накопительства и обустройство жизни своими силами – является одним из основных принципов монашеской жизни. Возврат к этим принципам – первое, что с великим трудом смог сделать новый игумен монастыря... надо было действовать прежде всего собственным примером и напоминанием братии одной из основных евангельских заповедей, что трудно богатому войти в Царство Небесное. С юмором вспоминал Святейший Патриарх Пимен, как тяжело расставались монахи с собственными коровушками и барашками, как нелегко ему было установить единообразие и порядок в жизни монахов...

Другой проблемой, которая постоянно стояла на повестке дня, была жгучая ненависть светских властей к монастырю, выливавшаяся как в постоянные мелкие, но досадные конфликты, так и в регулярные попытки закрыть монастырь.

Несомненно, Сам Господь хранил обитель, которая сегодня, во всем великолепии отремонтированных храмов и крепостных стен, красуется на западных рубежах России. Но эта Небесная помощь принимала иногда форму особой находчивости монахов, которые для своей независимости использовали и дубовые двери с мощными засовами, и автономную дизельную электростанцию, обеспечивающую энергией монастырь в момент отключения от городской сети.

Электричество, как правило, отключали внезапно, по большим праздникам, особенно ночью на пасхальном богослужении. Когда все просьбы игумена к властям остались без ответа, было решено тайно приобрести дизельную электростанцию. Каких трудов это стоило в те послевоенные годы, можно себе представить. Но в очередной раз, когда пасхальной ночью монастырь вдруг погрузился во тьму, по благословению игумена сразу же была включена автономная энергосистема. Воинствующие атеисты были в полном недоумении»¹¹⁶.

В течение пяти лет наместник архимандрит Пимен провел в Псково-Печерской обители большие ремонтно-реставрационные работы. *Были заново отремонтированы и окрашены крыши храмов и настоящего корпуса. В Сретенском соборе полностью реставрирована иконопись. Никольский храм обновлен внутри и снаружи, умело отреставрирована Покровская церковь, много лет находившаяся в небрежении.* В прежней красе предстали храмы обители, хранящие бесценные произведения церковного искусства, дорогие православному сердцу святыни: образ Успения Пресвятой Богородицы, чудотворную Владимирскую икону Богоматери, древний образ преподобного Корнилия Печерского, резное изображение святителя Николая Чудотворца, запрестольный беломраморный образ Воскресения Христова и многие другие святыни.

Отец Пимен сам составил акафист Псково-Печерской иконе Божией Матери «Умиление», читаемый после вечернего богослужения по средам, а также общий акафист Псково-Печерским преподобным, написал копию Нерукотворенного образа Спасителя.

По большим праздникам около половины предстоящих в обители за богослужением женщин выделялись своими нарядными национальными костюмами. То были женщины из финно-угорской народности сету, проживающей в Печорском районе Псковской области.

¹¹⁶ Сергей (Соколов), еп. Новосибирский и Бердский. Цит. соч. С. 87–89.

Видя их усердие к богослужению, архимандрит Пимен стал произносить некоторые возгласы и молитвословия на эстонском языке.

В 1953 году в праздник Успения Пресвятой Богородицы обитель посетил и возглавил в ней праздничное богослужение епископ Сталинградский и Астраханский Сергей (Ларин). Отец Пимен был этим приятно обрадован и утешен.

Своим мудрым и рассудительным управлением он благоустроил всю монастырскую жизнь, снискав у братии и многочисленных паломников глубокое уважение и любовь. Достойная оценка деятельности архимандрита Пимена нашла отражение в официальной церковной печати. Осенью 1952 года на страницах «Журнала Московской Патриархии» о нем писали: «Авторитет его среди братии очень высок. Рачительный хозяин, он неутомим, его видишь, кажется, одновременно во многих местах обширного монастырского хозяйства, где в каждую малую подробность вникает он со всей тщательностью. Служения его отличаются исключительной торжественностью, строгостью и многолюдством. В личном общении он покоряет простотой, приветливостью, доброжелательностью, сердечностью»¹¹⁷.

Будущий Патриарх полюбил Псково-Печерский монастырь, духовно сроднился с ним, обитель эта стала для него духовной крепостью и надежно защищенной тихой пристанью.

Здесь его часто посещало поэтическое вдохновение. В стихах, написанных в ограде монастыря, а еще ранее в Ростове-на-Дону, ощущается сильная ностальгическая нота, проступает и затаенная горечь по минувшему. Но мы не найдем здесь резкой трагической ноты, нет здесь ничего о гонениях, воздвигнутых на христиан, о порушенных храмах и поруганных святынях, о жертвах ленинских и сталинских репрессий. Нет посему и имени Пимена Извекова в фундаментальной антологии «Поэзия узников ГУЛАГа»¹¹⁸. Однако не забудем и о том, что совсем недавно обратным его адресом являлся ссыльный лагерь Воркутауголь. Бремя воспоминаний слишком тяжело, чтобы писать об этом. К тому же вокруг было немало соглядатаев и осведомителей-доносчиков. Не случайно в минуты откровенности о. Пимен не раз говорил, что больше всего ему хочется быть *простым сторожем* при святых вратах Печерского монастыря. Этому монастырю посвятил он трогательное, как бы итоговое для той поры стихотворение, исполненное чистого и светлого умиления:

Летом здесь всегда прохладой веет
И особенно в вечерний тихий час,
Вековых деревьев крона зеленеет,
Да лучи заката утешают глаз.
Тишина спускается в Обитель,
Лишь порой вечерней у ворот
Застучит засовом старый житель,
Провожая до дому народ.
И согбенный, с длинной бородою,
Звякая ключами по пути,
Жизнь проживши, встретившись с бедою,
Продолжает к свету он идти.
Солнце опустилось уж за горы,
Иноки по кельям разошлись,
Ходят монастырские дозоры,
И кресты на храмах устремились в высь.

¹¹⁷ Днепров Р. У святых пещер // Журнал Московской Патриархии. 1952. № 10. С. 27.

¹¹⁸ Поэзия узников ГУЛАГа. Антология / Сост. С.С. Виленский. М.: Международный фонд «Демократия»; изд. «Материк», 2005.

Монастырь в цветах весь утопает,
Запах нежный льется по двору,
Здесь душа спокойно отдыхает,
Тянется с усердием к добру.
В тишине... и горе улеглося,
Тихо и спокойно стало вдруг!
Словно все исчезло, пронеслося,
Словно это был... один испуг?!
Ночь спустилась тихо на обитель,
На душе же утро рассвело,
Если б сердце мог ты видеть, зритель!
Как в нем лучезарно и тепло!..

«В Псково-Печерской Обители»

Благодарная память о Патриархе Пимене, его добром сердце и душевной отзывчивости и поныне жива здесь.

* * *

В январе 1954 года архимандрит Пимен получил новое назначение – наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Об этом он узнал заблаговременно из доверительного письма от 18 ноября 1953 года митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова), который в то время управлял также и Псковской епархией. С душевной болью и грустью расстались с о. Пименом насельники Псково-Печерского монастыря. Некоторые из них провидели, что ему предстоит великое и достославное поприще. Для архимандрита Пимена завершился важный этап жизненного пути. Он был истинным монахом, глубоким молитвенником и добрым пастырем, опытным наставником и священнослужителем.

За многополезные церковные труды отец Пимен был удостоен вскоре Патриархом Алексием I права ношения двух крестов с украшениями (12 апреля 1954 года) и употребления при богослужениях архимандричьего посоха (5 июля 1954 года). Последняя награда была получена ко дню 600-летнего юбилея Лавры.

Эти награды новый наместник, 4 года управлявший Лаврой, оправдал ревностными трудами на благо обители и ее братии. Эти годы сам он называл впоследствии «особенно ответственным периодом», «прекрасным и содержательным отрезком» своей жизни, давшим много «духовного утешения и неведомой для мира радости, понятной только инокам»¹¹⁹.

Троице-Сергиева Лавра была еще отнюдь не столь благоустроенной, какой мы привыкли видеть ее ныне. Об этом красноречиво рассказал митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, выступая 2 декабря 1998 года на юбилейном Филаретовском вечере.

Но Лавра тогда активно возрождалась: оживали храмы, были приведены в порядок патриаршие покои и некоторые академические и лаврские строения.

Многое предстояло еще сделать. Академический храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы, например, еще не был восстановлен. Преподаватели и учащиеся духовных школ «пользовались каждым лаврским храмом как академическим, пели в этих храмах и присутствовали за богослужениями, – вспоминает Патриарх Пимен. – Каждый воскресный и праздничный день я проповедовал. И всегда я это делал с большим волнением и смотрел

---

¹¹⁹ «Журнал Московской Патриархии». 1957. № 12. С. 19.

на это, как на экзамен, потому что мне приходилось проповедовать в присутствии профессоров и преподавателей наших академии и семинарии».

Превосходно зная богослужебные тексты, архимандрит Пимен именно в них черпал темы и образы для своих проповедей, прежде всего – из тропарей и кондаков праздников. Те, кто слушал его проповеди в бытность его наместником Троице-Сергиевой Лавры, по свидетельству профессора-протоиерея Александра Ветелева, поражались их глубиной и одновременно простотой и доступностью.

Трудами и заботами архимандрита Пимена академический Покровский храм был возобновлен и вновь открыт для богослужений 21 мая 1955 года. В тот день у Троицкого собора Лавры архимандрит Пимен передал ректору Московской Духовной академии протоиерею Константину Ружицкому частицу мощей святого апостола первомученика архидиакона Стефана († ок. 34 г.) для помещения в престол освящаемого храма. После этого крестный ход во главе с архимандритом Пименом, несшим образ преподобного Сергия, направился в Духовную академию. Патриарх Алексей I принял святые мощи и совершил чин освящения Покровского храма в сослужении архимандрита Пимена и других клириков.

По благословению Патриарха Алексея I, архимандрит Пимен продолжал благоустройство Троице-Сергиевой Лавры. Ему удалось осуществить большие ремонтно-реставрационные и строительные работы в Троицком и Успенском соборах, устроить и освятить храм во имя Всех святых, в земле Российской просиявших. Несмотря на противодействие со стороны администрации г. Загорска, именно его попечением в Сергиевском трапезном храме были сооружены два новых придела – во имя святителя Белгородского Иоасафа и во имя преподобного Серафима Саровского.

В то время в крепостных стенах и некоторых башнях Лавры еще продолжало жить гражданское население, около 1000 человек (!): посторонние жильцы вселились в Лавру после ее насильственного закрытия в 1919 году и «заселяли» ее в течение многих лет. На территории Лавры можно было увидеть веревки с развешенным бельем, поленницы дров, предметы домашнего быта и обихода. Все это невольно смущало взор паломников и богомольцев, вызывало недоумение у иностранных делегаций, посещавших Лавру. Самим «насельникам» было неуютно в перенаселенных помещениях, они хотели переселиться в обычные благоустроенные квартиры. Но городские власти по разным причинам – не только идеологическим, но также из-за отсутствия необходимых средств – оставались инертны и отнюдь не стремились форсировать этот процесс. Архимандрит Пимен и лаврское начальство вынуждены были выделять выезжающим семьям большие средства для приобретения частных домов в городе. Современный исследователь диакон Сергей Матюшин подробно описывает эту ситуацию.

«Только в 1955 году десяти семьям, выехавшим из инспекторского и больничного корпусов, было выплачено за освобожденную жилплощадь 511 200 рублей. Лишь с 1956 года положение начало меняться. После многочисленных просьб Патриархии о передаче зданий Лавры Совет Министров РСФСР принял постановление № 577 от 20 августа 1956 года, которое предписывало здания и сооружения, расположенные на территории Троице-Сергиевой Лавры (за исключением помещений, занятых Историко-художественным музеем), передать в 1956—1958 годах в бесплатное и бессрочное пользование Московской Патриархии. Подрядный договор на строительство, заключенный Московским областным исполкомом с Дмитровским стройуправлением, финансируемый Московской Патриархией, предусматривал окончание первой очереди строительства домов в сентябре 1958 года. Предоставление жилплощади выселяемым должно было лечь на Загорский горсовет. Но правительство, сославшись на отсутствие свободного жилищного фонда в распоряжении Московского областного исполкома, предложило Патриархии финансировать строительство новых домов для отселяемых. Таким образом, вопреки декларируемой в постановлении Совета Мини-

стров бесплатной передаче зданий монастырю, Патриархия фактически была принуждена к их выкупу»¹²⁰.

22 мая 1957 года архимандрит Пимен телеграфировал Патриарху Алексию I в Одессу, что Загорский городской совет закончил подготовку документации и просит перечислить авансовую сумму на строительство первой очереди жилых домов – целого квартала, который строился на месте бывшего фуражного базара. В процессе этого строительства под непосредственным руководством архимандрита Пимена был составлен и согласован с Загорским горсоветом список очередного переселения жильцов. Первоочередное переселение жильцов было намечено из следующих лаврских зданий:

1. Предтеченский корпус;
2. Учительский или Успенский корпус;
3. Татарский корпус;
4. Экономский корпус;
5. Третий «А» корпус;
6. Пятницкая башня с прилегающими к ней участками стены и другие мелкие помещения.

С самого начала, однако, строительство пошло в «лучших традициях» советского долгостроя, ввод зданий в эксплуатацию умышленно затягивался, несмотря на то, что Патриархией вовремя переводились необходимые средства. В 1958 году Патриарх Алексей I на встрече с председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым просил о содействии в ускорении отселения жильцов из Троице-Сергиевой Лавры. 10 сентября того же года Святейший Патриарх встречался в Одессе с председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карповым. Тот пообещал, что отселение жильцов из Лавры начнется через полгода.

Но при вводе домов в эксплуатацию возникли новые проблемы: Загорский горсовет начал поспешно выдавать ордера на вселение в новые дома, игнорируя списки Патриархии, лишив таким образом наместника Лавры возможности контролировать реальный ход переселения. 30 января 1960 года архимандрит Пимен вынужден был обратиться к председателю Загорского горсовета с требованием координировать свои действия с Патриархией. Отцу Пимену пришлось приложить много усилий, чтобы жители Лавры могли воспользоваться своими законными правами на переселение в новые дома, преодолевая саботаж и коррупцию советских чиновников. На средства Патриархии в Загорске в общей сложности был построен целый жилой квартал – пять каменных четырехэтажных корпусов площадью свыше 8000 квадратных метров; кроме того, Патриархия оплатила львиную долю расходов по созданию соответствующей инфраструктуры (прокладка коллектора, постройка котельной, обеспечение электроснабжения). Последний пятый корпус был сдан в эксплуатацию лишь в 1962 году, уже при преемнике о. Пимена – архимандрите «Пимене младшем» (Хмелевском).

«Сейчас только старожилы Сергиева Посада помнят о той роли, которую сыграла Церковь в жилищном строительстве города, – резюмирует диакон Сергей Матюшин. – Автор статьи имел возможность лично убедиться в том, что это неизвестно даже работникам жилищного управления города. Думается, что этот небезынтересный штрих к истории Русской Православной Церкви XX века не следует забывать. Церковь только начинала оправляться от колоссального разгрома, которому она подверглась со стороны богоборческого государства в 20–30-е годы.

Те небольшие средства, которые могла собрать Церковь и которые складывались из приношений миллионов простых русских верующих людей, приходилось отдавать фактически на откуп нашей святыни – Сергиевой Лавры. 25-й квартал Сергиева Посада стоит как

¹²⁰ Матюшин Сергей, диакон. Лаврские дома // «Встреча». № 1 (14). Сергиев Посад, 2001.

памятник терпения Русской Церкви и в то же время является немым свидетелем ее угнетения и унижения, свидетелем лицемерия и коррупции советских чиновников. Истории свойственно повторяться.

В наше время, когда идет передача многочисленных храмов Русской Православной Церкви, прежние их хозяева говорят нам: «Хорошо, забирайте, но отдайте нам взамен равноценную площадь». Но ведь эти храмы построены нашими верующими предками для нас, их потомков. Почему Церковь должна дважды платить за то, что принадлежит Ей по праву?»¹²¹

Итак, трудами архимандрита Пимена Троице-Сергиева Лавра была в значительной мере благоустроена. Ее исключительное духовное и культурное значение для всей России, о чем писал священномученик Павел Флоренский, становилось все очевиднее даже для людей, далеких от Православия. «Ведь она и в самом деле воплотила в себе священнейшие вздохи наших собственных глубин, но с таким совершенством и полнотою, с какими мы сами никогда не сумели бы их воплотить»¹²².

В своей «Поэме о Троице-Сергиевой Лавре» (март 1960 г.) Патриарх Пимен, тогда епископ, выразил схожую мысль другими словами:

Чу, слышишь звон! Гудят колокола.
Как струны арфы мягким перебором,
Зовут тебя на добрые дела
И Бога славословят дружным хором...
Живи же вечно, Лавра дорогая,
Врачуй больные скорбные сердца,
Указывай всем нам дорогу рая,
Моли о нас Небесного Отца!

---

¹²¹ Там же.

¹²² Флоренский Павел, свящ. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Сочинения в 4 томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1996. С. 365.

Архиерей

Святейший Патриарх Алексей I, принимая во внимание большой административный опыт и незаурядные способности наместника Троице-Сергиевой Лавры, решил возвести архимандрита Пимена в архиерейское достоинство. Местом хиротонии Патриарх определил Одессу. Нынешний наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Тихон (Секретарев) свидетельствует о предсказании старца Симеона (Желнина) в начале 50-х годов прошлого века: «Старец Симеон предсказал архимандриту Пимену о его Архиерейской хиротонии и Патриаршем служении»¹²³.

16 ноября 1957 года в Успенском кафедральном соборе Одессы наречение архимандрита Пимена во епископа Балтского (викария Одесской епархии) совершил сам Патриарх Алексей I, в сослужении архиепископов Одесского и Херсонского Бориса, Кишиневского и Молдавского Нектария, а также епископов Кировоградского и Николаевского Иннокентия и Переяслав-Хмельницкого Нестора.

Архимандрит Пимен произнес свое слово при наречении с истинным смирением и глубокой верой:

«В этот священный час с великим трепетом предстою я пред вами, призванный волею Божиею и избранием вашим к великому епископскому служению... свое избрание на епископское служение с глубоким смирением и послушанием принимаю, как волю Божию, и твердо верю в то, что вседетельная благодать Святого Духа коснется меня чрез возложение ваших святительских рук и укрепит меня на великое служение Церкви Божией, помогая ходить достойно звания, в которое я призван. Тогда малые крупички духовного хлеба, преломленные во благословении, смогут напитать через меня тысячи алчущих душ»¹²⁴.

На следующий день, в воскресенье 17 ноября, за Божественной литургией в Успенском соборе Одессы хиротонию архимандрита Пимена во епископа Балтского совершили Патриарх Алексей I и те же Преосвященные архиереи.

При вручении архиерейского жезла новопоставленному епископу Патриарх сказал поистине знаменательные слова:

«Мы знаем, что все устроится здесь, на земле, по всеблагой о каждом из нас воле Божией. А посему и твое избрание является не рук наших и нашего произволения делом, а благом изволением Господним чрез наше недостойнство.

Священным призванием и таинственным рукоположением соепископов ты приобщился к сонму епископов Православной Церкви, и на тебе почил сугубая благодать Божия; нов для тебя и нелегок подвиг, к которому ты призываешься, но тебе даны Церковью и новые силы.

До сего времени ты нес различные послушания церковные, и последнее послушание твое в обители Преподобного Сергия напитало тебя духом молитвы, навыком к иноческому подвигам, к истовому совершению службы Божией, к точному выполнению правил и уставов церковных.

Мы верим, что и теперь, когда ты будешь вдали от святой обители, Преподобный Сергий продолжит к тебе свое благоволение и благословит твое новое служение.

¹²³ Тихон (Секретарев), архим. Врата Небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. М.: Издательство им. св. Льва, Папы Римского, 2008. С. 138.

¹²⁴ Пимен, архимандрит, наместник Троице-Сергиевой Лавры. Слово, сказанное при наречении во епископа Балтского, викария Одесско-Херсонской епархии, в Успенском соборе Одессы 16 ноября 1957 года // Слова... Т. 1. С. 51.

Сохраняй же в своем сердце все приобретенное тобою под кровом Преподобного, не оставляй подвига, ибо только постоянное совершенствование может приближать нас к Богу и делать нас достойными Его благодатных даров.

Люби народ Божий, с такой верой и любовью наполняющий наши храмы и нас, служителей Церкви Божией, чтущий превыше всякой меры нашей.

Паси стадо твое с кротостью и любовью, дабы видели в тебе твои пасомые благодатные черты истинного пастыря, носящего образ кроткого и смиренного сердцем Пастыреначальника нашего, Господа Иисуса Христа»¹²⁵.

Промыслительно, что эта хиротония совершилась под покровительством особо чтимой новопоставленным епископом Касперовской иконы Божией Матери, святыни Успенского собора. «Я счастлив, что именно от этой замечательной иконы я получил первое благословение на свой архипастырский путь...» – говорил впоследствии Патриарх Пимен¹²⁶.

Всю жизнь он был усердным молитвенником к Царице Небесной, а в юные годы посвящал Ей стихи:

Прими, Святая Дево,
И наши горьки слезы.
И там, где скорби древо,
Пусть вырастают розы.
Пусть жизнь благоухает
Твоих молитв плодами.
Никто пусть не вздыхает, –
Всегда Ты рядом с нами!

Промыслу Божию было угодно распорядиться так, что уже через месяц, в декабре 1957 года, епископ Балтский Пимен был назначен епископом Дмитриевским, викарием Московской епархии. С той поры и до самой смерти он был причастен ко всем самым важным событиям церковной жизни, происходившим в Москве. О степени его близости к Святейшему Патриарху Алексию I уже в то время свидетельствует хроника патриарших богослужений.

4 декабря, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, Патриарх Алексей, в сослужении епископа Балтского Пимена совершил в Богоявленском патриаршем соборе всенощное бдение, а в самый день праздника – Божественную литургию.

9 декабря, накануне праздника в честь иконы Божией Матери, именуемой «Знамение», Патриарх Алексей, в сослужении епископа Балтского Пимена, совершил всенощное бдение в Знаменском храме, что у Рижского вокзала.

19 декабря, в день памяти святителя и чудотворца Николая, Патриарх Алексей совершил в сослужении епископа Балтского Пимена Божественную литургию и праздничный молебен (а также бдение накануне) в Богоявленском патриаршем соборе.

22 декабря, в канун праздника в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», Патриарх Алексей, в сослужении епископа Арсения (Крылова) и епископа Балтского Пимена, совершил всенощное бдение в храме святого пророка Илии, что в Обыденском переулке¹²⁷.

В первый же день своего тезоименитства в архиерейском сане, 9 сентября 1958 года, Преосвященный Пимен совершил Божественную литургию в московском храме во имя пре-

¹²⁵ *Алексий I, Патриарх Московский и всея Руси*. Речь при вручении архипастырского жезла новопоставленному епископу Балтскому Пимену 17 ноября 1957 года // Слова, речи, послания, обращения. Т. IV (1957—1963). М.: изд. Московской Патриархии, 1963. С. 55—56.

¹²⁶ *Пимен, Патриарх Московский и всея Руси*. Слово в Успенском соборе Одессы 19 авг. 1971 г. // Слова... Т. 1. С. 106.

¹²⁷ «Журнал Московской Патриархии». 1957. № 12. С. 8.

подобного Пимена Великого – в том самом, где в юности служил регентом. Удивительным образом это служение совпало с празднованием 300-летия храма. С тех пор ежегодно в день Ангела он старался служить в этом именно храме, бесконечно дорогим его сердцу.

В июле 1960 года Святейший Патриарх Алексей I поручил ему весьма ответственное послушание – пост управляющего делами Московской Патриархии. 23 ноября того же года епископ Пимен был удостоен сана архиепископа. За три с лишним года служения в Московской епархии, постоянно сослужа Патриарху, он принял участие во всех патриарших хиротониях: благодать архиерейства с его участием в возложении рук получили девять епископов. Руководство Совета по делам Русской Православной Церкви негативно оценило тогда деятельность архиепископа Пимена на посту Управляющего делами Московской Патриархии.

Патриарх Алексей I знал об этом и тем не менее в марте 1961 года своим указом назначил архиепископа Пимена на Тульскую кафедру, сохранив за ним должность Управляющего делами.

Таким образом, владыка Пимен, духовно окормляя вверенную ему епархию, продолжал возглавлять главный административный орган Русской Православной Церкви, приводящий в исполнение распоряжения Высшей Церковной Власти – Патриарха и Священного Синода. Это было нелегкое и весьма ответственное послушание, сопряженное с постоянным напряжением и необходимостью решать те или иные трудные проблемы во взаимоотношениях Церкви и государства.

Обратим внимание, что на ключевой пост управляющего делами Московской Патриархии Патриарх Алексей I поставил будущего преемника вскоре после своей исторической речи 16 февраля 1960 года на Конференции советской общественности за разоружение. Предстоятель Русской Церкви воспользовался тогда случаем, чтобы публично выразить свой протест против поднимающейся из бездн новой волны гонений на Церковь. Открыто и смело сказал он о многовековом служении Церкви благу России, ее народам и государству, о тех «нападках и порицаниях», которые Церковь претерпевает, и о том, что богоборческая власть ей не страшна:

«Церковь Христова, полагаящая своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки и порицания, и тем не менее она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви. Кроме того, в таком положении Церкви есть и много утешительного для верных ее членов, ибо что могут значить все усилия человеческого разума против христианства, если двухтысячелетняя история его говорит сама за себя, если все враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что и врата ада не одолеют Церкви Его (Мф. 16, 18)»¹²⁸.

Настало сложное, противоречивое время, когда возвращались из сталинских лагерей недавние заключенные, и в то же время Н. С. Хрущев воздвигал на Церковь новые гонения.

В 1960 году Преосвященный Пимен посвятил в сан священника одного из недавних эзков – Дмитрия Сергеевича Дудко, проведшего 8 лет в лагерях ГУЛАГа. Отец Димитрий, снискавший вскоре широкую популярность в среде интеллигенции своими апологетическими проповедями и пастырскими беседами на актуальные общественные темы, привлек к себе пристальное внимание КГБ. Но он и в это время продолжал пользоваться добрым расположением владыки Пимена. Через несколько лет, когда в январе 1980 года о. Димитрий был вновь арестован, он послал Патриарху Пимену извинительное письмо, выражая сожаление, что своими действиями принес ему большие беспокойства.

Другой известный правозащитник о. Николай Эшлиман также был возведен в священный сан епископом Пименом – в 1961 году. Вот как вспоминает об этом протоиерей Александр Мень:

¹²⁸ «Журнал Московской Патриархии». 1960. № 3. С. 34–35.

«Эшлиман себя нашел в священстве – преобразился... Досталось ему это трудно. Когда он, просто как певчий храма, просил рукоположения, он стал ходить в канцелярию Патриархии, где заседал тогда архимандрит Никодим (Ротов), нынешний митрополит Ленинградский. Надо сказать, что владыка отличался тогда – не знаю, как теперь – чудовищною способностью к канцелярским волокитам. Он тянул Эшлимана в течение месяца. Может, он сейчас думает (если он это помнит), что он пророчески предчувствовал, во что это выльется, но так или иначе каждый день Николай ходил туда как на работу, и ему отвечали: «Приходите завтра». Но возлюбил его Пимен – Извеков, ныне Святейший Патриарх Московский. Он души не чаял в Николае Николаевиче как певце и вообще расположен был к нему всячески. А сам Николай Николаевич тоже его превозносил и рассказывал всегда про него самые трогательные анекдоты. Например, как пришел к Пимену кто-то из канцелярии и пожаловался на оскорбление от некоей персоны – а он ответил: «А если бы в зоопарке на вас плюнул верблюд, к кому бы вы пошли жаловаться?..» Или рассказ о том, как Пимен в Лавре построил иконостас, и к нему пришел уполномоченный или кто-то там и сказал: «Как вы могли построить иконостас без нашего разрешения?» – «Это мебель, – отвечает Пимен, – все сделано на колесиках, можно зачать и трактором вывезти». Я не знаю, подлинны ли эти все анекдоты, но их рассказывал Николай с большим воодушевлением, любя деятельного, активного и умного Пимена – это потом Святейший как-то переменялся, здоровье его подорвалось...

И задумал владыка Пимен, тогда только что рукоположенный молодой епископ, рукоположить Эшлимана не мытьем, так катаньем. Он его подговорил поехать в Кострому – он тогда был временно костромским епископом, – там его рукоположил и потом перевел в Москву, как говорится, «ходом коня»¹²⁹.

Впоследствии, будучи митрополитом Крутицким и Коломенским, владыка Пимен принял участие также в судьбе самого о. Александра Меня: помог ему перейти в другой приход – Сретенский храм Новой Деревни близ Пушкино. Об этом с благодарностью вспоминал о. Александр: «На меня был написан большой донос, но Патриарх Пимен – тогда он еще был только митрополитом нашим – согласился меня перевести». Более подробно пишет об этом биограф о. Александра Меня французский исследователь Ив Аман¹³⁰.

* * *

13 января 1960 года Центральный комитет КПСС принял постановление «О мерах по ликвидации нарушений советского законодательства о культах». Нарушением закона отныне считалось: покупка и строительство домов, привлечение «новых слоев» населения в лоно Церкви, благотворительная деятельность, в том числе помощь приходам и монастырям, «недемократичные» принципы управления церковными общинами, религиозное воспитание детей (вводился его полный запрет). Постановление это вскоре повлекло дальнейшее ужесточение контрольно-репрессивных функций Совета по делам религий по отношению к Русской Православной Церкви. В 1959 году было закрыто 13 монастырей, в 1960 году решено было закрыть еще 17. Некоторые обители закрывали в приказном порядке чрезвычайно спешно, иногда за 24 часа. Верующие и монахи в отдельных случаях пытались этому воспрепятствовать, возникали эксцессы вплоть до стрельбы по богомольцам работниками милиции. В оставшихся открытыми монастырях усиливались надзорные функции со стороны местных властей.

¹²⁹ *Мень Александр, прот.* Воспоминания // «Континент». № 88 (1996. № 2). С. 242—293.

¹³⁰ *Аман И.* Александр Мень. Свидетель своего времени. М., 1994. С. 111—112.

Так, например, 8 октября 1960 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, на территории Троице-Сергиевой Лавры сотрудники милиции «задерживали верующих и не выпускали их из-под ареста несколько суток, требуя расписок, что они никогда больше не придут в Лавру (!)»¹³¹.

16 марта 1961 года Совет Министров СССР принял постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», подписанное Н. С. Хрущевым. Отныне к обеспечению контроля в обязательном порядке стали привлекаться местные органы власти, то есть райисполкомы, поселковые и сельские советы. При них создавались соответствующие комиссии, обязанные следить за выполнением законодательства о культах. Разрешалось закрывать храмы и молитвенные здания по решениям не Советов Министров союзных республик, а решением областных или краевых исполкомов. Это обстоятельство объективно облегчало процедуру закрытия храмов, так как у местных властей «развязывались руки» и они могли чинить на местах свой произвол.

Промыслу Божию было угодно, чтобы в тот же день, 16 марта 1961 года, как бы давая возможность для противодействия грядущим напастям, определением Святейшего Патриарха и Священного Синода архиепископ Пимен (по должности управляющего делами Московской Патриархии) был утвержден в звании постоянного члена Синода.

* * *

Согласно печальной статистике, в 1961 году было снято с регистрации 1390 православных общин, а в 1962 году – еще 1585¹³². Усилились также меры чисто экономического давления на духовенство: отныне все священнослужители и церковнослужители (а не только приходское духовенство, как было ранее) облагались налогом по дискриминационной 19-й статье соответствующего указа Верховного Совета. Статья эта с самого начала была вопиюще несправедливой, так как духовенство в ней приравнивалось к лицам, использующим наемный труд. Все это фактически возвращало Церковь к временам полного бесправия 30-х годов.

18 апреля 1961 года, после жесткого давления на церковное руководство со стороны В. А. Куроедова, Священный Синод принял навязанное государством постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни». Суть этих «улучшающих мер» сводилась к фактическому отстранению священнослужителей от руководства приходами, так как роль главы общины, ведающего хозяйственно-финансовой деятельностью, переходила от пастырей к старостам и возглавляемым ими приходским советам; не секрет, что среди них было много людей нецерковных, мягко выражаясь, – соглядатаев.

Владыке Пимену пришлось в июле 1961 года, уже будучи архиепископом, выступать с докладом на Архиерейском Соборе, принявшем решение об отстранении духовенства от финансово-хозяйственных дел. Натиск богоборческой власти был столь силен, что прямое противостояние оказалось невозможным. Трех архиереев, которые высказались отрицательно о постановлении Синода, не пригласили на Собор, а архиепископа Ермогена, явившегося без приглашения, на Собор не пустили¹³³.

Эта драматическая страница в истории Русской Церкви требует сегодня особого внимания и осмысления.

¹³¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943—1964 годах. От «перемирия» к новой войне. СПб., 1995. С. 76.

¹³² Там же. С. 85—86.

¹³³ Там же. С. 87.

Архиерейский Собор состоялся 18 июля 1961 года, в день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, в Троице-Сергиевой Лавре без предварительного сообщения о созыве Собора, что явилось для большинства его участников тревожной неожиданностью. Лишь на праздничном обеде было объявлено об открытии Собора. Во вступительной речи Патриарх Алексей I затронул все вопросы, предложенные для обсуждения на Соборе:

1. Об увеличении числа постоянных членов Священного Синода;
2. Об изменениях в «Положении об управлении Русской Православной Церкви», касающихся раздела IV – «О приходах»;
3. О вступлении Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей;
4. Об участии Русской Православной Церкви во Всемирном Общехристианском Конгрессе в защиту мира, имевшем место в Праге 13—18 июня 1961 года.

По окончании речи Патриарха был заслушан доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Питирима о расширении состава Священного Синода. Далее доклад о реформе приходского управления сделал Управляющий делами Московской Патриархии архиепископ Тульский и Белевский Пимен:

«Святейший Патриарх Алексей в своей речи указал, что одной из главных забот наших является упорядочение в приходах нашей Церкви приходской жизни. Его Святейшество обратил внимание на непорядки и нестроение в церковной жизни, вызываемые нарушением со стороны клира советских законов, касающихся религиозных объединений и в частности строгого разграничения прав и обязанностей членов клира и приходских исполнительных органов.

Вопрос об устройстве церковноприходской жизни всегда занимал церковные круги. С особой силой он возник в 1905 году, когда Русская Православная Церковь стремилась встать на путь широких церковных преобразований.

Вопросом о переустройстве православного прихода занималось, главным образом, Предсоборное Присутствие, столкнувшееся с таким разнообразием логических определений прихода, что достигнуть соглашения оказалось не так-то просто.

Особенно оживленными становились споры, когда возникал вопрос об участии мирян в делах церковно-приходского управления. В привлечении мирян к управлению церковным имуществом некоторые члены Предсоборного Присутствия видели нарушение канонической логики, по которой право распоряжаться церковным имуществом всецело принадлежит епископу и что это право вытекает из его иерархических полномочий.

Но, несмотря на всю видимую убедительность таких доводов, они все же не имели под собой твердой канонической почвы. Ссылка на каноны, например: Ап. пр. 38-е и 41-е; Анкирского Собора 15-е, Гангрского Собора 7-е, 8-е опровергалась общим признанием канонистов – об отсутствии каких-либо церковных правил, определяющих собственно приходской строй жизни.

Спорной являлась и защита епархиальной власти, как единственно канонически правомочного распорядителя имуществом приходских общин. Такой порядок отнюдь не соответствовал каноническому порядку древней Церкви. Не соответствовал он и порядку, существовавшему в древнерусских приходах. Черты этого последнего отчетливо выступают в «уставах» и «завещаниях» древнерусских князей и в древних актах, сохраняющих сведения о «духовных» и «отказных» крестьянах, по которым они передают «на помин души» свои земельные наделы во владение и пользование церквам, монастырям и причту и таким образом являются активными участниками владения приходским имуществом.

Вообще древнерусский приход представлял собой живую и самостоятельную единицу. Община сама строила себе храм, избирала священников и остальной церковный причт. Церковная казна имела широкое назначение, и управляли ею миряне. Община содержала храм и дом для причта. Она сама судила своих сочленов и имела право самого широкого вмеша-

тельства даже в их внутреннюю семейную жизнь, следя за нравственными поступками каждого сочлена.

Что касается клира, то в его функции собственно управление церковным имуществом не входило. Задачей приходского духовенства было живое и строгое выполнение церковных служб, особенно литургии, воспитание духовных чад в церковной дисциплине, в разумном применении вяжущей и разрешающей власти и служение примером личной и семейной хорошей жизни.

Приходский священник был прежде всего и главным образом духовным отцом своих прихожан, а они его духовными детьми. Приход же в целом представлял общину, сплоченную единством религиозного сознания, церковной дисциплины, при четком разграничении обязанностей.

Как известно, в настоящее время в нашей стране последовательно осуществляются широкие демократические преобразования, в результате чего все возрастает роль самих трудящихся в общественной жизни страны.

В этих условиях нельзя признать нормальным, что в приходских общинах до сих пор продолжает иметь местоположение, при котором отцы настоятели сосредоточили в своих руках всю полноту власти в решении хозяйственных и финансовых дел общины, отстранив от этого исполнительные органы. Такое положение, как уже указал Его Святейшество, является недопустимым и вызывает недовольство верующих, возникновение конфликтов между клиром и исполнительными органами приходских общин.

И действительно, если мы проанализируем положение в приходах за последнее время, то мы увидим, что отцы настоятели, неправильно поняв свои права и обязанности в отношении церковных советов, полностью взяли только себе всю полноту административной власти в приходе, фактически устранив мирян от управления церковным имуществом и сведя их роль к нулю, что вызвало бесчисленные жалобы с мест – в Патриархию и к гражданским властям.

Такое настойчивое стремление к ограничению принципа общественности, к разобщению членов приходских советов, к резкому подчеркиванию властных и подвластных лиц вело к преобразованию приходского организма в бюрократическое учреждение. Московская Патриархия не могла не обратить на это внимания, тем более что стремление к единоличному, иногда диктаторскому управлению приходом и приходским имуществом порождало на местах недоразумения и конфликты, а также приводило к нарушению гражданского законодательства в отношении Церкви.

Святейший Патриарх и Священный Синод Русской Православной Церкви неоднократно указывали епархиальным Преосвященным на необходимость исправления замеченных недочетов по управлению церковно-приходскими финансами и имуществом и предлагали для претворения в жизнь ряд полезных для жизни и авторитета Церкви мероприятий.

Пришло время конкретно разграничить права и обязанности настоятелей храмов и избранников верующих, членов исполнительных органов, с тем, чтобы последние пользовались своими правами в финансовом и хозяйственном вопросах, а настоятелей храмов призвать к тому, чтобы они основное свое внимание обращали на духовную и церковно-богослужбную сторону церковной жизни и проявляли большую заботу о духовном окормлении своих пасомых.

18 апреля сего года было составлено Журнальное Постановление Священного Синода о мерах по улучшению существующего строя приходской жизни. В настоящее время Собор Преосвященных архиереев Русской Православной Церкви приглашается утвердить это решение Священного Синода»¹³⁴.

¹³⁴ «Журнал Московской Патриархии». 1961. № 8. С. 9–11.

Доклад Высокопреосвященного Пимена (не только его содержание, но и сама тональность), на наш взгляд, свидетельствует о том, что он не просто «шел на поводу», а был сторонником проведенной тогда реформы, принятой под давлением властей предрежащих.

С другой стороны, в частных беседах архиепископ Пимен не раз оценивал это насилие над Церковью как проявление произвола со стороны государства, предлагая и Святейшему Патриарху, и епископам-собратьям «вытащить этот ржавый гвоздь из тела Церкви». Здесь есть известное противоречие, которое нам важно уяснить и осмыслить, особенно в ретроспективе существенных изменений в положении Церкви после крушения тоталитарного режима и упразднения контролирующей Церковь инстанции.

Архиерейский Собор заседал 18 июля 1961 года всего лишь один день. При внутреннем несогласии многих его участников Собор принял навязанные властями решения по всем пунктам. Впоследствии партийное руководство умело использовало эти решения для искоренения религии в СССР.

С тех пор принцип православной соборности в жизни Русской Церкви был вопиющим образом нарушен (впрочем, трудно сказать, когда он соблюдался в полной мере вообще). При весьма парадной (почти помпезной) торжественности в работе Соборов было сравнительно мало делового, подлинно творческого содержания. Об этом справедливо пишет архиепископ Михаил (Мудьюгин): «Весь ход работы Соборов и принимавшиеся ими решения предварительно разрабатывались церковной элитой, а в недавние времена при Патриархах Алексии I и особенно Пимене неофициально согласовывались с Советом по делам религий»¹³⁵.

В 1961 году была принята новая редакция *Положения об управлении Русской Православной Церковью*. В *Положении* значилось, что «настоятель храма осуществляет духовное руководство прихожан, наблюдает за благолепием и уставностью богослужений, за своевременным и тщательным удовлетворением религиозных нужд прихожан». Таким образом, священник низводился на положение наемного работника, которого нанимала община.

Впоследствии маятник качнулся в противоположную сторону. Поместный Собор Русской Православной Церкви в 1988 году отменил решение Архиерейского Собора 1961 года об отстранении священника от финансово-хозяйственной деятельности и принял новый церковный Устав¹³⁶.

Но один из членов Собора, а именно архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом (Мартишкин; ныне митрополит Виленский и Литовский) высказался *против* возвращения настоятелей к административному руководству в приходах, как это было до 1961 года, и довольно убедительно аргументировал свою позицию:

«Помню 40-е годы, с 1943 по 1954 год, у нас тоже было возрождение, даже более мощное, чем сейчас: открывались храмы тысячами. Священнослужители имели возможность и административной и пастырской деятельности. С чего они начали и чем они кончили, я думаю, все, кто жил в это время, знают. Начинали с того, что покупали себе роскошные дома на самом видном месте, красили заборы в зеленый цвет. Приезжай в любое место: лучший дом с зеленым забором и злой собакой – дом священника, и к нему не подберешься. А машины – не просто «Волги», а ЗИЛы. Я думаю, что великим благом, Промыслительным действием Божиим было то, что в 1961 году отказались от административной деятельности. Это промыслительно потому, что последующие годы были трудные, но если бы священники были у власти, то их всех бы пересажали на законном основании. В эти годы управляли административной деятельностью, были у ящика, у денег – светские люди. Да, они, может быть, нечестно поступали, но они светские. По крайней мере, у нас

¹³⁵ Михаил (Мудьюгин), архиеп. Русская православная церковность. Вторая половина XX века. М.: Библейско-Богословский институт, 1995. С. 112.

¹³⁶ Ныне действующий Устав Русской Православной Церкви был принят на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г.

*не было возможности так широко пользоваться церковным карманом, мы часто путаем его со своим»*¹³⁷.

Интересно отметить, что на Поместном Соборе 1988 года Патриарх Пимен не возражал против нового церковного Устава, представленного архиепископом Смоленским и Вяземским Кириллом (нынешним Патриархом). Однако мы слишком далеко забежали вперед. Возвратимся к событиям «рубежного» 1961 года.

Как управляющий делами Московской Патриархии владыка Пимен осуществлял связь с епархиями, присутствовал на заседаниях Священного Синода (постоянным членом которого по должности управляющего делами он являлся) и вел журнал его решений. Больно и горестно, а совсем не «смешно», – как опрометчиво пишет диакон Владимир Русак¹³⁸, – смотреть на экземпляры тех или иных документов Московской Патриархии, включая Рождественские и Пасхальные послания Патриарха, проходившие жесткую цензурную проверку в Совете по делам религий, вследствие чего рядом с ажурным орнаментальным крестом Патриархии появлялась печать Совета с серпом и молотом...

Эту печать, конечно, можно было бы поставить в один ряд с так называемым ИНН¹³⁹, определить ее как апокалипсический знак, как «печать антихриста» и т. п. Но тогда надо забыть евангельскую мудрость Господа, посрамившего лукавых иродиян (Мф. 22, 15—22) образной притчей о том, что служение кесарю не препятствует истинному служению Богу. Воздавая «кесарю кесарево», будущий Патриарх не забывал воздавать Божие Богу. Именно этим принципом определялось его служение Церкви – и об этом следует помнить. А времена тогда были лукавые и опасные. Выдающийся иерарх митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), ближайший сподвижник Патриарха Алексия I, был в сентябре 1961 года смещен властями со своего поста и умер 13 декабря того же года при загадочных обстоятельствах, вероятно, от насильственной смерти¹⁴⁰.

XXII съезд КПСС в октябре 1961 года принял новую Программу партии, провозгласив создание материально-технической базы коммунизма в СССР в ближайшие 20 лет и радикально расширив фронт борьбы с «религиозными предрассудками», так как, согласно предрассудкам большевиков, Церковь никак не могла вписаться в светлое коммунистическое общество. Н. С. Хрущев громко и обещал в скором времени показать по телевидению «последнего попа» как музейную редкость. Презрительная фраза Владимира Маяковского о духовенстве – «вымирающие сторожа аннулированного учреждения» – приобретала злоеущую актуальность... Для Русской Церкви то была не пресловутая «оттепель», а самая суровая зима.

По документальным свидетельствам, руководство Московской Патриархии не сидело сложа руки. Отдельные иерархи, серьезно обеспокоенные будущим Православия в России [из почивших – митрополиты Леонид (Поляков), Никодим (Ротов), Иоанн (Вендланд), Антоний (Блум)] тайно рукополагали священников, чтобы обеспечить каноническую преемственность для продолжения богослужений в Катакомбной Церкви, если наступит такая необходимость¹⁴¹.

Патриарх Алексей I поручал в это трудное время архиепископу Пимену, наряду с основными обязанностями, временное управление (в разные годы) Луганской, Смоленской, Костромской, Тамбовской епархиями. И всюду, куда бы ни направляла Высшая Церков-

¹³⁷ Цит. по: «Тысячелетие Крещения Руси. Поместный Собор Русской Православной Церкви». Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня 1988 года. Материалы. Изд. Московской Патриархии, 1990. С. 397.

¹³⁸ Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Т. 2. М., 1993. С. 18.

¹³⁹ Индивидуальный налоговый номер.

¹⁴⁰ См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000. С. 374.

¹⁴¹ Иона (Яшинский), иеромон. Наши катакомбы // «Вестник русского христианского движения». № 166 (III–1992). С. 243–260 (см. с. 255).

ная Власть Высокопреосвященного Пимена, его энергия, всецелая преданность церковному делу, душевная отзывчивость, большой церковно-административный опыт помогали вносить в церковную жизнь согласие и порядок.

Архиепископ Пимен некоторое время был председателем Хозяйственного управления Московской Патриархии и настоятелем Богоявленского Патриаршего собора. Эти послушания требовали от него повышенного внимания к материальной сфере церковного служения, готовности терпеливо и скрупулезно вникать в специфические вопросы, включая бухгалтерскую отчетность, быть в спорных случаях не «третьей стороной», а всецело ответственным вершителем важного делопроизводства, принимать решения, от которых зависели многие люди. И владыка Пимен со всем этим хорошо справлялся.

* * *

14 ноября 1961 года состоялось назначение архиепископа Пимена на Ленинградскую кафедру (вторую по значению после Московской) с возведением в сан митрополита. В Северной столице сохранились многие общенациональные святыни: Александро-Невская Лавра, Исаакиевский и Казанский соборы; чудотворные иконы Казанская и Царскосельская, мощи праведного Иоанна Кронштадтского, блаженной Ксении Петербургской, преподобного Серафима Вырицкого. Город был около двух веков официальным церковным центром Русской Православной Церкви, здесь проходили заседания Святейшего Синода, первенствующим членом которого являлся тогда Митрополит Санкт-Петербургский. Здесь служили достойнейшие иерархи, и даже утратив статус столицы, город не утратил своего церковного и государственного значения. Знаменательно, что трое из Ленинградских (Петербургских) Митрополитов стали Святейшими Патриархами Московскими и всея Руси – Алексей I, Пимен и Алексей II.

Обращаясь к новой пастве в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры 2 декабря 1961 года, митрополит Ленинградский и Ладужский Пимен сказал: «Святейший Патриарх Алексей, напутствуя меня на новое место служения, поручил мне передать свое благословение пастырям и пастве той епархии, где он долгие годы провел в тесном единении и горячем общении с духовенством и верующими... в дни блокады Ленинграда... Прибыв к вам, к своей новой пастве, – продолжал владыка Пимен с присущим ему глубоким смирением, – я не привез... блестящих дарований ума или красоты мысли, не привез вам витийства и красоты проповеди, а привез вам в дар только одно, самое необходимое и самое дорогое для верующего человека, – я привез вам мир Божий и благословение от московских святынь и обители Преподобного Сергия Радонежского и его сподвижников... Я надеюсь, что вы будете вспомоществовать мне вашими молитвами. Если, как сказал один святитель Церкви¹⁴², пастыри должны быть светильниками для паствы, то молитвы о них пасомых должны быть елеем для этих светильников»¹⁴³.

Благодаря такому «елею», настроение митрополита Пимена в то время было окрашено в светлые тона. Сохранилось его новогоднее стихотворение, датированное 1962 годом:

Прошла тяжелая пора,
Встречаю новый год с молитвой,
Уйди же горе со двора,
Разрушенное долгой битвой!

¹⁴² Иннокентий Херсонский, архиеп. († 1857; память 25 мая).

¹⁴³ Пимен, митрополит Ленинградский и Ладужский. Слово, сказанное при вступлении на Ленинградскую митрополию в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры 2 декабря 1961 года // Слова... Т. 1. С. 95—96.

Пусть в град Великого Петра
Придет лишь радость и надежда,
Не тронет моего одра
Ни клеветник, ни злой невежда.

Два года суждено было митрополиту Пимену трудиться на Ленинградской кафедре. За это сравнительно недолгое время, проведенное в сложных и трудных условиях, он старался улучшить положение церковных дел во вверенной ему митрополии, в частности, помочь нормальному развитию Ленинградской Духовной академии и семинарии. Надо сказать, что в то время в Ленинграде была развязана гнусная кампания по дискредитации духовных школ, публично называемых «гнездом контрреволюции». В Академию ограничили допуск посетителей, верующим запретили посещать академический храм. В первый же день своего пребывания в Ленинграде митрополит Пимен посетил духовные школы, а 10 декабря, в праздник иконы Божией Матери «Знамение», и накануне совершил в академическом храме во имя св. апостола Иоанна Богослова богослужения и первую хиротонию.

Участие в сессиях Синода, однако, отвлекало владыку Пимена от епархиальных дел, так как приходилось регулярно ездить в Москву для участия в общецерковных мероприятиях. Так было, например, в мае 1962 года, когда он принимал участие в праздновании 85-летия Святейшего Патриарха Алексия I, которому посвятил «юбилейные» стихи:

В часы служенья Патриарха
Молитва паствы горяча,
И за здоровье иерарха
Горит народная свеча.

В январе 1963 года митрополит Пимен возглавил синодальную комиссию по подготовке другого патриаршего юбилея – 50-летия его архиерейского служения.

Заслуживает внимания «итоговая» *Характеристика на митрополита Ленинградского и Ладожского Пимена*, составленная уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области Григорием Степановичем Жариновым¹⁴⁴ 15 октября 1963 года. Этот документ неотступно проследовал за митрополитом по новому месту его служения – в Москву. Здесь не только факты о явном конформизме, сговорчивости и уступчивости будущего Патриарха, следующего народной мудрости: «плетью обуха не перешибешь», но и очевидное свидетельство его глубокой церковности и отстаивания незыблемых церковных канонов:

«За время своего нахождения в качестве правящего архиерея Ленинградской епархии с конца 1961 года, митрополит Пимен зарекомендовал себя опытным администратором, сумевшим добиться уважения и авторитета среди подчиненного духовенства. Многие из местных Ленинградских священников неоднократно высказывали мнение, что после митрополита Григория (Чукова, умер в 1956 году) Пимен первый из Ленинградских архиереев, кого они безоговорочно признают за своего архиерея и подчиняются ему.

По прибытии в Ленинград Пимен установил контакт с уполномоченным Совета и все вопросы своей административной деятельности согласовывал с ним. Нужно сказать, что в этой части Пимен проявлял полное понимание, и не было таких случаев, чтобы с его стороны высказывалось несогласие рекомендациям уполномоченного по всем принципиального характера вопросам, которые подлежат согласованию.

---

¹⁴⁴ Г.С. Жаринов был уполномоченным в 1961—1988 гг.

Так, по прибытии в Ленинград, Пимену сразу же пришлось занять определенную позицию в вопросе перевода духовенства на твердые оклады. Не принимая сам деятельного участия в осуществлении этого мероприятия, Пимен советовал духовенству положительно к нему отнестись. Правильно разъяснялись духовенству и вопросы, связанные с передачей исполнительным органам религиозных обществ административно-хозяйственных функций, вопросы организации в церквях учета треб и соблюдения прав родителей при совершении обряда крещения. Достаточно легко с Пименом решать вопросы целесообразных перемещений духовенства, воздержания от назначений священников в экономически слабые церковные приходы. *Правильное поведение и реакция самого Пимена способствовала тому, что при закрытии ряда церквей, в том числе часовни Ксении Блаженной, не было нежелательных проявлений со стороны духовенства и верующих. При содействии Пимена в Ленинградских церквях сократилось количество акафистов и так называемых ранних обеден. Усилился контроль за проповеднической деятельностью духовенства, что в конечном счете привело к сокращению произносимых проповедей. Проповеди и выступления самого Пимена носят в основном патриотический характер.*

Излагая положительные стороны деятельности митрополита Пимена, следует также отразить и наблюдающиеся у него некоторые отрицательные свойства, стороны поведения и характера.

По отзывам близко знающих Пимена лиц и из личных наблюдений, человек он весьма замкнутый и скрытный. В свои намерения, даже если они относятся к вопросам деятельности церкви, он из своего окружения никого не посвящает, бывали случаи, когда он уезжал в дальние приходы или Москву, не ставя об этом в известность даже епархиального секретаря...

Пимен любит служить в церквях и во время своего пребывания в Ленинграде воскресил давно уже забытые Ленинградским духовенством обряды. В частности, им были восстановлены так называемый чин «торжества православия» (первая неделя великого поста) и церемония «омовения ног» в «великий четверг» на «страстной неделе». Когда уполномоченный порекомендовал Пимену воздержаться от совершения этих обрядов, он сослался на то, что эти обряды совершаются в церквях Москвы и если в Патриархии узнают, что он их не совершает, то он будет иметь неприятности»¹⁴⁵.

Ясно, что возобновление чинопоследования Торжества Православия (включающее анафематствование еретиков), а также обряда омовения ног, который установил Сам Христос («иже за превосходящую благодать путь добрейшаго смирения показавый»), пришлось не по душе уполномоченному от атеизма. Вместе с тем очевидно и то, что он не мог умолчать о высоком авторитете Высокопреосвященного Пимена в среде духовенства.

Именно этот авторитет и послужил надежным основанием для дальнейшего его восхождения по иерархической лестнице.

После кончины митрополита Крутицкого и Коломенского Питирима (Свиридова), Святейший Патриарх Алексей I решил назначить на освободившуюся кафедру своего испытанного сподвижника. 9 октября 1963 года Патриарх и Священный Синод указом утвердили кандидатуру митрополита Пимена. С того времени он стал самым близким помощником и соратником Патриарха Алексия I. На следующий день Святейший собственноручно определил митрополиту Пимену ближайший круг его обязанностей:

1. Для служений Вашего Преосвященства в воскресные и праздничные дни, свободные от служения Вашего в других храмах Москвы или в Епархии, предоставляется Кафедральный Богоявленский собор.

¹⁴⁵ ЦГА СПб., фонд 9324, опись 2, дело 93, л. 37—39.

2. Прошу Ваше Преосвященство принять на себя труд по приему Преосвященных архиереев, а также духовенства, как Москвы, так и приезжающего из Епархий в Патриархию по церковным делам, с последующим докладом мне, а в нужных случаях направлять их прямо ко мне.

3. Вашему Преосвященству будут представляться на утверждение журналы Пенсионного Комитета¹⁴⁶.

Ему Патриарх доверительно поручал то, что не мог поручить никому.

В то время резко обострилась ситуация вокруг Почаевской Лавры, которую власти безуспешно пытались закрыть уже несколько лет, встречая упорное сопротивление иноков обители. На монахов оказывали беспрецедентное административное и всяческое давление — лишали прописки, привлекали к суду за нарушение паспортного режима, избивали и сажали в психушки. Но они не сдавались. Патриарх Алексей I не соглашался на закрытие Почаевской Лавры. На его имя поступали петиции в защиту Лавры от «Инициативной группы верующих», от церковных и околоцерковных диссидентов: священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана, Сергия Желудкова и Димитрия Дудко; от мирян — Бориса Талантова, Анатолия Левитина-Краснова, Льва Регельсона и других¹⁴⁷.

Патриарх Алексей I, оказавшись в затруднительном положении, попросил митрополита Пимена съездить в Почаевскую Лавру, чтобы оказаться там *внезапно* для местных властей; надо было таким образом продемонстрировать чрезвычайную озабоченность Патриархии к нуждам монастыря и готовность его отстоять, опираясь на конституционные права верующих.

«Неожиданное появление митрополита в Почаеве вызвало сильный переполох среди изолгавшихся безбожников. По двору еще действующего монастыря бегали городские чиновники и срывали красные полотна с оскорбительными для верующих текстами. Митрополит в тот же день вернулся к Патриарху, предоставив ему правдивую информацию, ставшую предметом серьезного разговора с правительством»¹⁴⁸.

* * *

Митрополит Пимен деятельно управлял обширной Московской епархией, участвовал в заседаниях Священного Синода, регулярно совершал в воскресные и праздничные дни богослужения в Богоявленском патриаршем соборе и в других храмах Москвы. За семь с половиной лет служения на Московской кафедре было совершено с его участием восемь хиротоний; шесть хиротоний возглавил Высокопреосвященный Пимен.

Следует особо отметить тот факт, что он отрицательно относился к сокращениям богослужений и треб. Своим строго уставным служением владыка Пимен являл добрый пример всему духовенству. Об этом принципиально важном обстоятельстве свидетельствует архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон (Емельянов):

«Вообще, надо сказать, что Святейший, несмотря на его кажущуюся простоту, превосходно знал самые исконные и глубокие православные традиции и старался неизменно их соблюдать. Он действительно хранил устои Святой Руси, посему и противился всяким ново-

¹⁴⁶ Архив Московской Патриархии. Цит. по: «Былое пролетает... Патриарх Пимен и его время». Публ., сост. и истор. комментарий архим. Дионисия (Шишигина). М., ОАО «ГУП ЭКОНОМИКА», 2010. С. 162.

¹⁴⁷ См.: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Гл. 14 («Православные»). Вильнюс—Москва, 1992. С. 176—190.

¹⁴⁸ Сергей (Соколов), еп. Новосибирский и Бердский. Цит. соч. С. 90.

введениям и пресекал деятельность тех, кто стремился к «обновленчеству». Народ его очень любил, а глас народа – Божий глас»¹⁴⁹.

За богослужениями митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен часто проповедовал, он умел душевно и доходчиво говорить с паствой.

Вспоминая о конце 1960-х годов, когда он впервые увидел митрополита Крутицкого и Коломенского, епископ Сергей (Соколов) писал, что владыка Пимен поразил его, студента-богомольца, излишней строгостью по отношению к сослужившим молодым академическим монахам, допустившим какую-то ошибку в богослужебном чине. Запала в память его громкая реплика: «Чему вас здесь учат?!», что произвело неприятное впечатление и послужило темой разговора с родителем-священником. Тогда-то он узнал, что старейший по хиротонии член Священного Синода не имеет специального богословского образования, как, впрочем, и его собственный отец, сорок пять лет безупречно прослуживший у престола Божия.

«Теперь я убежден, – пишет владыка Сергей (Соколов), – что глубоко верующий христианин, стремящийся к богословским знаниям, может получить их не только в специальном духовном учебном заведении, – участвуя в ежедневном богослужении и углубляясь в смысл многочисленных литургических текстов, он обретает подлинное духовное знание и приобщается к двухтысячелетнему опыту Церкви. Этим путем прошел мой отец, этим же путем прошел и покойный Патриарх, с семнадцатилетнего возраста избравший для себя иноческий путь... за семнадцать лет пребывания рядом с Патриархом [я] ни разу не услышал от него слов сожаления, что вот-де не пришлось ему поучиться в семинарии.

Несомненно, что он был весьма талантлив и даровит, что позволило ему самостоятельно довольно тщательно изучить необходимые для пастыря предметы. Меня всегда удивляла его способность к быстрому чтению. Причем это замечание касается любого текста: богослужебного, светского, научного. Читать Патриарху приходилось много, но он никогда не уставал от этого занятия.

Скажу больше – от чтения богослужебных текстов вслух он, как мне кажется, получал явное удовольствие. Конечно, необходимо сразу сказать, что он имел удивительный по красоте громкий баритон, прекрасную дикцию... Это было по-настоящему художественное, артистическое чтение. Потом я видел не раз, как Патриарх «с листа» читал доклады на богословских встречах, притом что тексты эти явно составлял не он, а его помощники из различных отделов при Патриархии. Помню, что удивлялся этой способности Патриарха не я один...»¹⁵⁰

На протяжении 48 лет своего священнослужения Патриарх Пимен произнес сотни проповедей, в которых излагаются догматы православной веры, сущность и значение церковных праздников; в них звучит постоянный призыв к духовному совершенствованию, к любви, братству и миру. Проповеди эти отличаются простотой и цельностью изложения, краткостью и понятностью формулировок, вмещающих глубокие богословские истины.

Вот, например, как раскрывает митрополит Пимен богословский смысл категории *времени* в своей проповеди, сказанной перед новогодним молебном 31 декабря 1970 года:

«Время в нашем восприятии, подобно могучей и быстротекущей реке, уносит все существующее в безбрежный океан Вечности. В чем же тогда нужно видеть благо или положительную ценность времени?

Для нас время не только уходит, но и приходит. Время является мерой жизни, и можно думать, что оно, как бы вытекая из Вечности, в ту же Вечность и возвращается. Недаром один из древних мудрецов назвал время «подвижным образом вечности» (Платон). А хри-

¹⁴⁹ Цит. по магнитной записи в моем личном архиве. – В.Н.

¹⁵⁰ Сергей (Соколов), еп. Новосибирский и Бердский. Цит. соч. С. 13—15.

стианская мысль, исходящая из Божественного Откровения, связывает время с грехопадением человека, с первородным грехом, который нарушил гармонию мира, внес в нее смертное начало разделения и борьбы...

Новозаветная же история открывается пришествием на землю Сына Божия, взявшего на Себя грехи мира и Своим искупительным подвигом открывшего нам путь в блаженную Вечность. И для того чтобы этот путь пройти и стяжать Вечную Жизнь, нам также необходимо время. Ибо, не имея времени для искупления своих совершенных грехов, человек был бы обречен на вечную гибель.

А время нам дается – одним краткое, как благоразумному разбойнику на кресте, другим более или менее длительное, но всегда по усмотрению Божию и без нарушения нашей свободы. И от нас, возлюбленные, зависит, как будет использовано дарованное нам время...

Но благо тем, кто, дорожа каждым часом, каждым днем, каждым годом жизни, сделает эти часы, дни или годы ступенями восхождения к нравственному совершенству, к святости, к Богу!»¹⁵¹

Распорядок дня митрополита Пимена, весь ежедневный уклад его жизни служил именно этой цели, напоминая жизнь подвижников, начинавших и кончавших всякий день молитвенным правилом и действовавших так, как если бы сей же час надлежало предстать пред Господом.

За внешней строгостью неизменно чувствовалась внутренняя доброта, внимание и участливая забота о своих близких, пасомых и подчиненных, отражавшие глубокий духовный мир и молитвенную сосредоточенность его души. Эти качества высоко ценили немногочисленные друзья владыки Пимена, например, супруги Корины. В. Нарциссов сообщает, что уже в бытность митрополитом Крутицким и Коломенским владыка Пимен навещал П. Д. Корина в его мастерской на Девичьем поле (Малая Пироговская, дом 16), да и супруги Корины бывали в резиденции митрополита в Лопухинских палатах Новодевичьего монастыря. «В огромной коллекции пасхальных яиц, ежегодно выставляемой Прасковьей Тихоновной на Красной неделе, есть и несколько яиц от Пимена. В последние годы жизни П. Корин на праздничные всенощные ездил в Елохово [в Богоявленский собор] и, подходя к владыке Пимену под елеопомазание, неизменно слышал от слегка склоняющегося к нему святителя: «С праздником, Павел Дмитриевич. Машина ждет Вас у алтаря».

«Промыслом Божиим славный художник и гражданин России Павел Корин удостоился царственного архиерейского отпевания в Успенском соборе Новодевичьего монастыря. Возглавил это отпевание митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен в сослужении тогда еще епископа (впоследствии митрополит) Волоколамского Питирима. Над телом усопшего митрополит Пимен произнес незабываемое «Слово похвальное» художнику-подвижнику и доброму русскому христианину рабу Божию Павлу. Владыка Пимен прочитал и возложил тогда в руки новопреставленного Павла разрешительную молитву»¹⁵².

* * *

На высоком посту митрополита Крутицкого и Коломенского деятельность Высокопреосвященного Пимена значительно расширилась, время в своем течении как бы уплотнилось и сжалось. Приходилось участвовать в целом ряде обязательных протокольных мероприятий. Упомянем здесь только самые главные из них.

¹⁵¹ Пимен, Патриарший Местоблюститель, Митрополит Крутицкий и Коломенский. Слово перед Новогодним молебном в Богоявленском патриаршем соборе // Слова... Т. 1. С. 99–100.

¹⁵² Нарциссов В. Воспоминание о Святейшем // «Журнал Московской Патриархии». 1980. № 8. С. 26.

В июле 1962 года в Москве митрополит Пимен участвовал в работе Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. Как член Всемирного Совета Мира и Советского комитета защиты мира (с 1963 г.) он принял участие в Варшавской (1963 г.) сессии Всемирного Совета Мира, в комиссии «Европейская безопасность и разоружение» Всемирного Совета Мира в Женеве (1966 г.) и в других заседаниях ВСМ. Выступал с речами на Конференции представителей советской общественности за всеобщее разоружение и мир в Москве в 1962 году и на Всесоюзной Конференции советской общественности за мир, национальную независимость и разоружение в Москве в 1965 году. Возглавил делегацию нашей Церкви на Всемирном Конгрессе за мир, национальную независимость и всеобщее разоружение в Москве в июле 1965 года. Участвовал в работе Всемирной Ассамблеи мира в Берлине (1969 г.) и Ассамблеи Всемирного Совета Мира в Будапеште (1971 г.).

Будучи членом Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, митрополит Пимен регулярно бывал на заседаниях этого комитета. На страницах журнала «Отчизна» опубликованы некоторые его статьи.

За активную миротворческую деятельность он удостоился награждения Почетной грамотой и именной медалью Советского Фонда мира, а также почетной медалью «Борцу за мир».

В 1964 году митрополит Пимен возглавил делегацию Русской Православной Церкви, посетившую Данию по приглашению Примаса Датской Церкви Епископа Вилли Вестергорд-Мадсена. В 1965 году возглавил делегацию Московского Патриархата на торжествах по случаю интронизации Блаженнейшего Митрополита Варшавского и всей Польши Стефана.

Как член Комиссии Священного Синода по межхристианским связям митрополит Пимен положил немало трудов для достижения христианского единства в деле сближения различных христианских Церквей.

Тщательным выполнением всех этих ответственных поручений митрополит Пимен значительно облегчал Патриарху Алексию I тяжелое бремя церковного управления и представительства. Естественно, что он пользовался сердечным расположением и доверием Патриарха, который высоко ценил исполнительность и административные способности, свойства характера и особенно богослужебный стиль своего будущего преемника.

За усердное служение на благо Русской Православной Церкви Патриарх Алексий I наградил митрополита Пимена орденом святого князя Владимира I степени, удостоил его права ношения двух панагий. Накануне своей блаженной кончины, 16 апреля 1970 года, Патриарх собственноручно возложил на него вторую панагию, что явилось как бы пророческим знаком преемственности.

На следующий день, 17 апреля 1970 года, Святейший Патриарх Алексий I отошел в вечность. Для митрополита Пимена, для всей Русской Православной Церкви это была тяжелая утрата.

* * *

В должность Патриаршего Местоблюстителя, как старейший по хиротонии среди постоянных членов Священного Синода (согласно «Положению об управлении Русской Православной Церкви», глава 1, пункт 12), вступил Высокопреосвященный Митрополит Пимен. Чувство глубокого почитания почившего Патриарха митрополит Пимен выразил в следующих словах: «За всё, наш дорогой Первосвятитель и Отец, прими от нас земной поклон... Вечная память и вечный покой да будут твоим уделом, наш дорогой Святейший Патриарх и Отец! Не оставь и нас, путников земли, в твоих молитвах!»

В звании Патриаршего Местоблюстителя Митрополит Пимен успешно осуществлял руководство деятельностью Русской Православной Церкви в течение года, посвященного заупокойным молитвам о приснопамятном Алексии I и подготовке к Поместному Собору.

25 июня 1970 года на расширенном заседании Священного Синода было решено провести Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая – 2 июня 1971 года. Комиссию по подготовке Собора из 22 человек возглавил митрополит Пимен.

В марте 1971 года Патриарший Местоблюститель Митрополит Пимен возглавил делегацию Русской Церкви на погребении Святейшего Патриарха Болгарского Кирилла.

Под руководством Митрополита Пимена была завершена работа Предсоборной комиссии по подготовке Поместного Собора.

Накануне Поместного Собора, 28 мая 1971 года, в Успенском храме Новодевичьего монастыря состоялось Архиерейское Совещание, перед началом которого митрополит Пимен совершил молебен. В связи с тем, что Поместному Собору предстояло утвердить изменения, внесенные Архиерейским Собором 1961 года в «Положение об управлении Русской Православной Церковью», возникла острая дискуссия. Архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин) подчеркнул, что эти изменения нарушают церковные каноны, согласно которым епископ «имеет попечение о всех церковных вещах» (правило 38); между тем по постановлениям 1961 года епископы (и настоятели приходов) совершенно отделены от всякого контроля над материально-хозяйственной стороной жизни приходов.

Владыка Василий вспоминает, что он тогда сказал: «...Я отнюдь не предлагаю вернуться к порядкам 1945 года... Там был перегиб в смысле предоставления слишком большой власти настоятелям и умаления участия мирян в управлении материальной стороной приходской жизни... Но в 1961 году произошел перегиб в противоположную сторону: настоятели были совершенно отстранены и все было передано мирянам. Нужно сейчас выработать нечто среднее. Устранить оба перегиба, так чтобы права мирян в хозяйственной жизни приходов были бы сохранены, а надзор епископов и настоятелей над всеми сторонами жизни приходов, духовной и материальной, восстановлен. Чтобы настоятели опять стали возглавителями приходов, а не наемниками»¹⁵³.

Этого же вопроса в своих выступлениях на совещании коснулись митрополиты Пимен и Никодим. Митрополит Пимен, хотя и упомянул об отдельных голосах за возврат к положению, существовавшему в приходах до 1961 года [имея в виду позицию архиепископа Иркутского Вениамина (Новицкого) и поддержавших его негласно митрополита Алма-Атинского Иосифа (Чернова) и архиепископа Уфимского Иова (Кресовича)], сделал осторожный вывод, что такой возврат «противоречит государственному законодательству и не будет служить на пользу святой Церкви»¹⁵⁴. Митрополит Никодим добавил: «Всё, что может осложнять или ухудшать взаимоотношения между Церковью и государством, должно отвергаться. В памяти церковной никогда не должны забываться усилия приснопамятного Святейшего Патриарха Сергия по нормализации этих отношений и обо всем том, что было в церковной жизни при отсутствии этих отношений»¹⁵⁵.

На Архиерейском собрании обсуждалась кандидатура будущего Патриарха. Было очевидно, что реальных кандидатов двое – митрополит Пимен и митрополит Никодим [если не считать митрополита Алма-Атинского Иосифа (Чернова), в поддержку которого пришло много писем от верующих]. «Пимен был старше, известен искренностью своих религиозных чувств, провел много лет в тюрьме, и гражданские власти могли рассчитывать на его

¹⁵³ Василий (Кривошеин), архиеп. Из воспоминаний о Соборе 1971 г. // «Вестник Русского Христианского Движения». № 147 (II–1986). С. 212–213.

¹⁵⁴ «Журнал Московской Патриархии». 1971. № 8. С. 22.

¹⁵⁵ Там же. С. 24.

послушность. Никодима, более энергичного, некоторые епископы считали слишком современным, а к тому же он был полезнее на посту руководителя Отдела внешних сношений, чем на почетной должности Патриарха»¹⁵⁶. Выступавшие единодушно высказывались за митрополита Крутицкого Пимена, в том числе и архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин), призвавший к тайному голосованию. «Считаю митр. Пимена, – подчеркнул он, – достойным кандидатом в Патриархи и заявляю, что будет ли тайное, будет ли явное голосование, я буду голосовать за митр. Пимена. (Когда я сказал это, – вспоминает владыка Василий, – митр. Пимен привстал со своего места за председательским столом, слегка поклонился и сказал вполголоса: «Благодарю Вас!»)¹⁵⁷.

Призыв к тайному голосованию, однако, не был поддержан никем.

Называя имя единственного кандидата в Патриархи – Высокопреосвященного Пимена, митрополит Никодим особо отметил, что последние десять лет жизни Святейшего Патриарха Алексия владыка Пимен был его ближайшим помощником.

* * *

Поместный Собор Русской Православной Церкви торжественно открылся в Троице-Сергиевой Лавре 30 мая 1971 года, в Неделю 7-ю по Пасхе, в день памяти святых отцов I Вселенского Собора. В древнем соборе во Имя Живоначальной Троицы Божественную литургию возглавил митрополит Пимен. Членами Собора были по должности все архиереи Русской Церкви, а также клирики и миряне, представлявшие 67 внутренних и 14 зарубежных епархий, монастыри и духовные школы. Каждый день Собора начинался молитвой, в соборах и храмах Лавры совершались очередные ежедневные богослужения.

Представлена была на Соборе и Японская Автономная Церковь. Среди 236 членов Собора было 75 архиереев, в том числе 9 митрополитов, 30 архиепископов и 36 епископов; 85 клириков и 78 мирян. Гостями Поместного Собора были представители православных автокефальных Церквей, инославных Церквей, экуменических организаций, среди них: Александрийский Патриарх Николай VI, Католикос-Патриарх Грузии Ефрем II, Румынский Патриарх Юстиниан, наместник-председатель Священного Синода Болгарской Церкви митрополит Максим, митрополиты Варшавский Василий, Пражский Дорофей, кардинал Виллебрандс, генеральный секретарь ВСЦ Ю.К. Блейк.

При Соборе были аккредитованы корреспонденты ТАСС и АПН, работали представители советского телевидения и кинохроники¹⁵⁸.

После торжественного молебна, совершенного Митрополитом Пименом, он произнес вступительное слово на вечернем заседании 30 мая, приветствуя собравшихся и определив основные задачи предстоящего Собора – избрание Патриарха и рассмотрение деятельности Патриархии за период после Поместного Собора 1945 года. Местоблюститель патриаршего престола, который по должности своей исполнял обязанности председателя Поместного Собора, сообщил о решении Архиерейского Сопсовещания избрать заместителем Председателя Собора – митрополита Ленинградского Никодима, Председателем секретариата – митрополита Таллинского Алексия, председателем редакционной комиссии – митрополита Киевского Филарета и председателем мандатной комиссии – митрополита Сурожского Антония.

¹⁵⁶ *Мирей Массип*. Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. М.: изд. «Языки славянской культуры», 2010. С. 628.

¹⁵⁷ *Василий (Кривошеин)*, архиеп. Цит. соч. С. 211.

¹⁵⁸ См.: Русская Православная Церковь. 988–1988. Очерки истории. Вып. 2. 1917–1988 гг. М.: изд. Московской Патриархии, 1988. С. 75–79.

На следующий день 31 мая Митрополит Пимен выступил с докладом «Жизнь и деятельность Русской Православной Церкви», в котором была дана высокая оценка первосвященническому служению почившего Патриарха Алексия I: «Достойный хранитель духовных сокровищ нашей Церкви, как драгоценного опыта живой любви и богословского созерцания отцов и учителей Церкви, он научил нас любить и ценить эти духовные сокровища и традиции, завещал нам не только хранить их далее, но и укреплять, и умножать своей доброй христианской жизнью»¹⁵⁹.

Протоиерей Владислав Цыпин справедливо замечает по поводу этого документа: «В докладе были упомянуты основные события церковной истории за четверть столетия; охарактеризованы разные стороны церковной жизни. Однако реальный характер взаимоотношений Русской Церкви с атеистическим Советским государством не мог быть по обстоятельствам времени не только вскрыт, но даже и обозначен в докладе Местоблюстителя, не было в нем и статистических сведений о церковной жизни»¹⁶⁰.

На Соборе было заслушано 36 выступлений, затем постановили прения прекратить, а не успевшим высказаться подать тексты выступлений в президиум Собора. На вечернем заседании был оглашен проект решений Собора, в обсуждении которого участвовали митрополит Ленинградский Никодим, архиепископ Брюссельский Василий, епископ Тульский Ювеналий, епископ Баденский Ириней и проф. Н. В. Лосский.

В окончательной редакции решения Поместного Собора включали следующие положения:

«1) Одобрить деятельность Священного Синода во главе с блаженнопочившим Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием и Местоблюстителем Московского Патриаршего престола Высокопреосвященнейшим Пименом, митрополитом Крутицким и Коломенским, по управлению Русской Православной Церковью, осуществленную в период от Поместного Собора 1945 г. и до сего дня, а также определения архиерейского Собора Русской Православной Церкви, состоявшегося 18 июля 1961 г.

2) Выразить глубокое удовлетворение по поводу решения Синода о даровании автокефалии ряду Поместных Церквей, входивших в Московский Патриархат, а также автономии Японской Православной Церкви... Одобрить решение Синода от 30 апреля 1957 г. о признании автономии Финляндской Православной Церкви, бывшей части Московского Патриархата.

3) Отметить выдающееся историческое событие жизни Русской Православной Церкви – возвращение в православие в 1946 и 1949 гг. греко-католиков Галиции и Закарпатья и прекращение Брест-Литовской и Ужгородской унии, в свое время насажденных силою¹⁶¹.

4) Признать делом исключительной важности напряженные усилия, предпринимавшиеся Патриархом Алексием и Синодом в обозреваемый период по возвращению в лоно Матери Церкви отшедших от нее в разное время архиереев, клириков и мирян... Поручить высшей церковной власти продолжать усилия по воссоединению с Матерью Церковью так называемой Русской Православной Церкви за границей (Карловацкий раскол), Украинской Автокефальной Православной Церкви за границей и других рассеянных ее чад...

¹⁵⁹ Цит. по: «Поместный Собор Русской Православной Церкви (30 мая – 2 июня 1971 года). Документы, материалы, хроника». М.: издание Московской Патриархии, 1972. С. 32 [в тт. 1–2 «Слов, речей, посланий, обращений» Патриарха Пимена этот доклад не вошел].

¹⁶⁰ Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви. 1917–1997. М.: изд. Валаамского монастыря, 1997 (см. гл. IX: «Русская Православная Церковь при Святейшем Патриархе Пимене (1970–1990)»).

¹⁶¹ К сожалению, прекращение унии на Западной Украине в 1940-х годах также было произведено силой государственной власти, и пребывание униатов в лоне Православной Церкви оказалось недолговечным: с обретением Украиной независимости сотни приходов вновь перешли в униатство.

5) Одобрить деятельность Патриарха Алексия и Синода по развитию взаимосвязей Московского Патриархата с поместными православными Церквями.

6) Одобрить деятельность Патриарха Алексия и Синода во взаимоотношениях с неправославными христианскими Церквями и исповеданиями и в экуменизме... Считать важнейшей задачей... дальнейшее развитие этой деятельности, которое должно быть неизменно обусловлено строгим соблюдением чистоты православной веры.

7) Поместный Собор высоко оценивает активную и многогранную деятельность Патриарха Алексия, Синода и всей Русской Церкви в их служении современному человечеству, основой которого является постоянная и усердная молитва Владыке вселенной о мире всего мира».

2 июня Поместный Собор издал деяние «Об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их», в котором говорилось:

«Мы, составляющие Поместный Собор Русской Православной Церкви, равносильный по своему достоинству и значению Московскому Собору 1656 г. и Большому Московскому Собору 1667 г., рассмотрев вопрос о наложенных этими Соборами клятвах с богословской, литургической, канонической и исторической сторон, торжественно определяем во славу Всесвятого Имени Господа нашего Иисуса Христа:

1) Утвердить постановление Патриаршего Священного Синода от 23 (10) апреля 1929 г. о признании старых русских обрядов спасительными, как и новые обряды, и равночестными им.

2) Утвердить постановление Патриаршего Синода от 23 (10) апреля 1929 г. об отвержении и вменении яко не бывших порицательных выражений, относящихся к старым обрядам и в особенности к двуперстию, где бы они ни встречали и кем бы ни изрекались.

3) Утвердить постановление Патриаршего Синода от 23 (10) апреля 1929 г. об упразднении клятв Московского Собора 1656 г. и Большого Московского Собора 1667 г., наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся им православных христиан, и считать эти клятвы яко не бывшие».

Это деяние Собора вызвало особое удовлетворение митрополита Пимена – ведь ему с отроческих лет была близка атмосфера старообрядческого благочестия и молитвы;помним, что он служил иподиаконом у епископа Богородского Никанора (Кудрявцева), который много лет являлся настоятелем Никольского *единоверческого* монастыря. Соборное Деяние заканчивалось следующими знаменательными словами:

«Всесвятая и Живоначная Троица да утвердит православное единомыслие употребляющих равноспасительные новые и старые обряды, и да пребывает среди всех нас любовь Христа Господа...»

Патриарх

«Господь, богатый милостями и щедротами, да дарует всем нам, чадам Церкви Христовой, дух разума и смиренномудрия, дух мира и единомыслия, дух послушания Святой Церкви и служения правде, чтобы во всем поступать достойно христианского звания (Еф. 4, 1) и честно исполнять свой гражданский долг на благо Отечества».

(Из первого Послания Святейшего Патриарха Пимена архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви 6 июня 1971 года, в День Святой Троицы).

2 июня 1971 года Поместный Собор Русской Православной Церкви единодушно избрал четырнадцатым Патриархом Московским и всея Руси Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Пимена.

Согласие контролирующей инстанции – Совета по делам религий – с этим выбором далось не просто, так как в руководстве Совета, в особенности у его председателя В.А. Куроедова, существовало «стойкое предубеждение» к митрополиту Пимену.

Что касается духовенства и иерархов, среди них преобладало мнение о Пимене «как о человеке скромном, внимательном к людям, имеющем богатый опыт церковной деятельности, хорошем организаторе и «церковном службисте», отличавшемся консерватизмом в отношении устройства религиозно-церковной жизни, не приемлющем «церковного модернизма»¹⁶².

Глас Собора – Божий глас, перефразируя известную пословицу.

В заключительном слове при закрытии Поместного Собора новоизбранный Патриарх, обращаясь к его участникам, сказал:

«Сейчас, когда я первый раз обращаюсь к вам после пережитого мною душевного волнения, я не могу мыслить о чем-либо другом, как только о том, чтобы предстоящее служение мое было спасительным и плодотворным. Поэтому я прошу вас, возлюбленные архипастыри, отцы, братия и чада церковные, не оставлять меня без ваших святых молитв.

Исповедую немощь свою перед высотой патриаршего звания и предъявляемых требований к Предстоятелю Церкви, но уповаю на всесильную десницу Божию, проводшую меня от иноческой кельи до патриаршего престола, и на вашу братскую действенную помощь»¹⁶³.

* * *

3 июня 1971 года в Богоявленском Патриаршем соборе в Москве за Божественной литургией состоялась торжественная интронизация (возведение на патриарший престол – наставление) Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена. В богослужении дня интронизации участвовали Блаженнейший Папа и Патриарх Александрийский и всей Африки Николай VI, Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всей Грузии Ефрем II, Блаженнейший Патриарх всей Румынии Юстиниан, Блаженнейший Архиепископ Кипрский Макарий, высокие представители других Православных Церквей, Преосвященные архиереи – постоянные члены Священного Синода и старейшие митрополиты Русской Церкви.

На торжествах присутствовали Святейший Верховный Патриарх-Католикос всех армян Вазген I и высокие представители ряда инославных Церквей и религиозных организаций.

¹⁶² Одинцов М.И. Цит. соч. С. 21.

¹⁶³ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Заключительное слово при закрытии Поместного Собора 2 июля 1971 года // Слова... Т. 1. С. 11.

Интронизация Патриарха Пимена совершилась в день всероссийского праздника в честь Владимирской иконы Божией Матери, что было воспринято Его Святейшеством как благое предзнаменование особого покровительства Царицы Небесной.

По окончании Божественной литургии приветственные слова новоизбранному Патриарху Пимену произнесли митрополит Киевский и Галицкий Филарет – при вручении патриаршего куколя; митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим – при вручении патриаршего жезла. Митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (впоследствии Патриарх Алексей II) – при вручении Владимирской иконы Божией Матери сказал:

«Господь и Спаситель наш, «Иже святую Свою Церковь неизреченною премудростию основавый», ныне всеблагим Промыслом Своим через избрание наше положил начало новому продолжению твоего архипастырского служения. Возведенный десницею Божией на Московский и всея Руси патриарший престол, ты облечен ныне первосвятительской властью и силой как достойный преемник святителей Московских, которые укрепляли нашу Церковь многими трудами, подвигами и благочестием и много послужили объединению, просвещению и славе нашего Отечества. Не того ли ожидает теперь и от тебя Русская Православная Церковь, изволением Святого Духа и своим поставившая твою святыню на церковной свещнице, подобно светильнику? Не с твоим ли именем связаны все надежды на дальнейшее укрепление жизни церковной и на объединение всех православных русских людей, в рассеянии сущих, в ограде нашей Матери Церкви? Да, все мы, твои сослужители и соработники, как и все члены Поместного Собора, актом единодушного избрания выразили свою уверенность в том, что на престоле Московских и всея Руси Патриархов тебе предстоит быть не только «хранителем апостольских преданий, столпом непоколебимым и православия наставником», но и постоянным молитвенником за нашу великую Родину и ее народ, быть его христианской совестью и правилом веры для наших пастырей и пасомых»¹⁶⁴.

* * *

Здоровый консерватизм определял официальный курс Московской Патриархии при Патриархе Алексии I. Суть его выразил в 1944 году он сам, еще будучи митрополитом, выступая на приеме в Совете по делам Русской Православной Церкви, в следующих словах: «Церковное управление твердо дотоле, доколе мы остерегаемся переступить через рубеж правил церковных; коль скоро переступили однажды по какому-нибудь произвольному рассуждению, то уже трудно будет определить, где предел, далее которого нельзя идти»¹⁶⁵.

В период либеральной «оттепели», охватившей общественно-политическую жизнь, возникли и заметно усилились либеральные веяния и в сфере богословской мысли. Типичным их выразителем стал митрополит Никодим (Ротов), преемник митрополита Пимена на Ленинградской кафедре. В своей статье «О задачах современного богословия» он подчеркивал важность преодоления «абстрактного теоретизирования в религиозной мысли», рассуждал о необходимости тесной связи богословия с жизнью, «которая удерживает умозрение от удаления в бесполезную для дела спасения область отвлеченных рассуждений»¹⁶⁶.

Надо сказать с полной ясностью, что перед Русской Церковью в то время были две перспективы: путь традиционного православного консерватизма и курс обновления, которым последовала Римско-Католическая Церковь (к нему склонялся митрополит Никодим).

¹⁶⁴ «Журнал Московской Патриархии». 1971. № 9. С. 22.

¹⁶⁵ Цит. по: Шапошников Л.Е. Философия и догматическое богословие в России. СПб., 1998. С. 106.

¹⁶⁶ Там же. С. 107.

Верующий народ опасался второго пути, учитывая опыт так называемого «обновленчества» и порожденного им раскола, а также то, что подобного рода новации могут осуществляться под давлением атеистической власти.

Новоизбранный Патриарх Пимен прекрасно понимал чаяния верующего народа; вскоре после интронизации он так определил задачи своего первосвятительского служения:

«Своей непреложной обязанностью я почитаю продолжать следовать по тому пути, который предначертал для Церкви блаженнопочивший Патриарх Алексей, – по пути усердного служения Богу, незыблемого хранения традиций и обычаев Святого Православия, расширения братских контактов с Автокефальными и Автономными Православными Церквями и экуменических связей, по пути углубления и расширения миротворческого делания, воспитания у духовенства и верующих сознательного патриотизма, безграничной любви к своей великой Отчизне, должного отношения к труду»¹⁶⁷.

«Мое сердце исполнено любви к тому великому народу, частью которого являются чада святой Православной Русской Церкви. И все, что может быть сделано мной для блага этого народа, я совершу»¹⁶⁸.

Патриарх Пимен сохранил верность этим словам. Он хранил и умножал духовное наследие своих предшественников, строго соблюдал церковные традиции и обычаи. И это признают даже представители «атеистического фронта», например, проф. Н.С. Гордиенко. Последний следующим образом характеризует деятельность священноначалия Русской Церкви в период после Собора 1971 года:

«Прежде всего руководящие инстанции Московской Патриархии постарались ввести модернизацию православия в строгие рамки, взять этот процесс под контроль, чтобы в ходе обновления русского православия не были подорваны его вековые устои и не девальвировались те религиозно-церковные ценности, которые считались абсолютными. Церковная печать стала настойчиво проводить мысль о том, что верность традиции и новаторство не должны противопоставляться одно другому, «поскольку жизнь Церкви Христовой представляет собой диалектический процесс», в котором соединены «традиционализм и обновление»... Говоря, например, о «духовных традициях русского православия», Патриарх Пимен подчеркнул, что их «нет необходимости изменять», а лишь следует приводить в соответствие с современными задачами Церкви»¹⁶⁹.

* * *

За годы патриаршего служения Святейшего Пимена в жизни Русской Православной Церкви произошло немало событий, свидетельствующих о благоволении Господа к Своему служителю, старавшемуся достойно нести крест Патриарха.

Жил Патриарх в своей московской резиденции в Чистом переулке, на подмосковную дачу в Переделкино выбирался довольно редко; известно, что его так и называли: «Затворник Чистого переулка».

В рождественских и пасхальных Посланиях ко всем верным чадам Русской Церкви Патриарх Пимен обращался к пастве не только с праздничными приветствиями и поздравлениями, но и старался раскрыть основы православной веры и христианской жизни.

Он непосредственно осуществлял управление приходами Москвы, совершал богослужения в Богоявленском патриаршем соборе, во многих московских храмах. Он многое сделал для сохранения благодатной преемственности в церковной жизни и ее внутреннего

¹⁶⁷ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слово в Успенском соборе Одессы 19 августа 1971 г. // Слова... Т.1. С. 106.

¹⁶⁸ «Журнал Московской Патриархии». 1971. № 9. С. 15.

¹⁶⁹ «Русское Православие. Вехи истории». М., 1989. С. 671—672.

устроения, попечения о замещении епископских кафедр достойными кандидатами «во образ Христа», воспитания и образования клира церковного.

Патриарх Пимен непосредственно возглавил совершение нескольких десятков архиерейских хиротоний. В своих наставлениях при вручении жезла новопоставленным епископам он неизменно призывал их быть до конца верными Церкви и Богу, быть ревностными хранителями догматов, преданий, уставов и обычаев церковных, самоотверженно любить свою паству и помнить о высоком своем призвании:

«Епископское служение – это подвиг, это непрестанное попечение о спасении вверенных пасомых, непрестанная борьба с грехом, постоянное хождение пред Богом в духе молитвы, постоянное углубление в разум слова Божия»¹⁷⁰.

Много внимания уделял Святейший Патриарх Пимен жизни монастырей Русской Православной Церкви, а также духовным школам, задача которых – подготовить достойных священнослужителей, которые проводили бы «жизнь благочестивую, трезвую, от суетных обычаев устранившую, в духе смиренномудрия и кротости»¹⁷¹, ограждая паству от всех ересей и расколов.

Такие обеты будущий пастырь дает при рукоположении; их, как назидал Патриарх Пимен, необходимо возобновлять в памяти ежедневно, соединяя с утренними молитвами. «Каждый священнослужитель, – подчеркивал он, – обязан твердо знать Священное Писание. Несмотря на частое общение с Евангелием в богослужениях, никогда не расставайтесь с ним и в личной жизни»¹⁷².

Посещая Духовные академии и семинарии, Святейший Патриарх Пимен встречался с профессорами, преподавателями и учащимися, проявлял неустанную заботу о повышении уровня преподавания и воспитания.

Говоря о проблемах современности, он подчеркивал: «Секуляризация современной общественной жизни ставит перед Русской Церковью те же проблемы, какие стоят, по нашему мнению, и перед другими христианскими Церквями. Вместе с тем мы отнюдь не считаем, что наш век отличается какой-то беспрецедентной безрелигиозностью. Мы твердо убеждены в противопоказанности для Церкви прибегать к каким-то искусственным приемам для привлечения народа: любые попытки в этом направлении, по нашему мнению, могут лишь привести к профанации религиозных идей. Наши храмы открыты для каждого, кто чувствует в своей душе потребность общения с Богом, кого Сам Господь приводит в Дом Свой»¹⁷³.

5 июня 1971 года Московская Духовная академия решением ее Совета присвоила Святейшему Патриарху Пимену звание доктора богословия *honoris causa*¹⁷⁴.

Во второй половине дня 6 июня, в престольный праздник Троице-Сергиевой Лавры, профессора и преподаватели академии во главе с ректором епископом Дмитровским Филаретом (Вахромеевым; ныне митрополит Минский и Слуцкий) пришли в Патриаршие лаврские покои, где находился Святейший Патриарх Пимен и с ним постоянные члены Священного Синода – митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (впоследствии Святейший Патриарх Московский) и другие.

От имени ученой корпорации МДА к Его Святейшеству обратился со словом ректор Преосвященный Филарет. Он прочитал, а затем вручил Патриарху приветственный адрес.

¹⁷⁰ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слово 3 января 1975 г. // Слова... Т. 1. С. 82.

¹⁷¹ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Речь на выпускном акте МДА 14 июня 1973 г. // Слова... Т. 1. С. 370–371.

¹⁷² Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слово 21 мая 1971 г. в МДА // Слова... Т. 1. С. 359.

¹⁷³ Там же, т. 1. С. 426 (Интервью корреспонденту газеты «Хельсинкские новости» г-же Рауни Вайняме).

¹⁷⁴ *Honoris causa* (лат.) – «почета ради», принимая во внимание общепризнанные заслуги; формула эта употребляется чаще всего при присуждении ученой степени без защиты диссертации.

В приветствии выражалась уверенность, что Святейший Патриарх распространит свою отеческую любовь и заботу на дальнейшее процветание духовных школ, высказывались молитвенные пожелания Его Святейшеству Божественной помощи и новых сил в его первосвященническом делании во славу Русской Церкви и нашей великой Отчизны.

«Еще в бытность Патриаршим Местоблюстителем, – сказал епископ Филарет, – Вы, Ваше Святейшество, окормляли наши духовные школы, и теперь мы приносим Вам в дар от духовных школ то, чем обладают духовные школы, и то, на что они имеют право: Совет Московской Духовной академии в заседании 5 июня 1971 года постановил увенчать Ваше Святейшество высшей ученой степенью доктора богословия *honoris causa* в ознаменование избрания Вас Поместным Собором на высокое служение Предстоятеля Русской Православной Церкви и признания Вашей многолетней церковно-общественной деятельности на благо Святой Церкви и дела мира между народами. Эта высшая ученая степень является свидетельством всей нашей Церкви, что Вы, Ваше Святейшество, стали учителем, наставником и Первосвятителем Русской Православной Церкви».

В ответном слове Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен поблагодарил ректора епископа Филарета и ученую корпорацию за проявленную к нему любовь. Его Святейшество сказал, что принимает столь высокую ученую степень и докторский крест, поскольку эта честь относится к престижу Русской Православной Церкви и к тому высокому служению, на которое он избран.

Патриарх Пимен вновь подчеркнул свои приоритеты – незыблемость православного вероучения, строгое соблюдение канонического строя и богослужебных традиций Церкви:

«Теперь на меня возложено новое послушание. И я хочу сказать, что мои богословские познания – это познания, которым были научены Духом Отца святые апостолы – простые рыбаки, воспринявшие призыв Господа – следовать за Ним (Мф. 4, 18–22). И то, о чем свидетельствует благодать Святого Духа (1 Кор. 15, 10; Еф. 1, 7–8; 2, 7–9; 2 Тим. 1, 9), то, чему научила она меня, – это и есть во мне... Я хочу, чтобы наше богословие было всегда сугубо ортодоксальным... Мне хотелось бы... чтобы традиции Русской Православной Церкви неукоснительно сохранялись и чтобы вы в учебных программах уделяли больше внимания укреплению в слушателях сознания, что необходимо традиции Русской Православной Церкви соблюдать и хранить... Студентам и воспитанникам необходимо прививать любовь к церковнославянскому языку, объяснять им, что церковнославянский язык – язык богослужебный, язык красоты особой, чистой. А этот вопрос либо обходится молчанием, либо предпринимаются попытки дать ему превратное, нежелательное толкование»¹⁷⁵.

Ректор Академии возложил на Святейшего Патриарха Пимена докторский крест; члены Священного Синода и академическая корпорация пропели «аксиос!». Святейший Патриарх Пимен, прощаясь, преподал благословение профессорам и преподавателям.

* * *

О своих богословских познаниях Патриарх Пимен был весьма скромного мнения и говорил о себе с неизменной сдержанностью. Зато умел вовремя поддержать словом одобрения тех, кто этого слова заслуживал и в нем нуждался. Так, например, посетив 30 ноября 1977 года лекции и занятия доцента Московской Духовной академии схииерхимандрита Иоанна (Маслова) и пообщавшись со студентами, Патриарх Пимен с чувством сказал: «Если так много знают его ученики, то сколько же знает он сам!»

Ибо «...нет иного способа стать истинным богословом, как только через общение с Самой Истиной, открывающейся человеку в меру чистоты его сердца и ума. А эта чистота

¹⁷⁵ «Журнал Московской Патриархии». 1972. № 2. С. 14–15.

достигается молитвой, постом, покаянием, причащением, смирением, любовью и всякой христианской добродетелью...»¹⁷⁶

---

¹⁷⁶ *Пимен, Патриарх Московский и всея Руси*. Речь на годичном акте МДА 14 октября 1970 г. // Слова... Т. 1. С. 355.

На пути к православному и общехристианскому единству. Миротворческая деятельность и международные связи

Святейший Патриарх Пимен был убежденным поборником православного единства – в том числе и как надежной основы единства славянских народов и стран Восточной Европы. Он постоянно подчеркивал, как «важно стремиться к православному единодушию и достигать его». «Священный долг наш, – заявлял Предстоятель Русской Церкви, – укреплять все-православное единство, дабы оно было действенным и плодотворным, дабы оно в состоянии было отвечать на нужды нашего времени самоотреченным служением любви»¹⁷⁷.

Деятельность Патриарха Пимена по расширению и углублению братских связей с Поместными Православными Церквями имела первостепенное значение для Московского Патриархата. С этой целью он посетил ряд Православных Церквей.

В июле 1971 года Патриарх Пимен побывал с официальным визитом в Болгарии, дружба с которой скреплена кровью тысяч и тысяч русских воинов, боровшихся за независимость Болгарии. На интронизации Святейшего Патриарха Болгарского Максима в Софии (в кафедральном соборе во имя русского святого Александра Невского) Патриарх Пимен произнес знаменательные слова: «Болгарская Православная Церковь была всегда и остается плотью от плоти братского нам народа... Мы молитвенно вспоминаем сегодня святых Кирилла и Мефодия, общих наших покровителей»¹⁷⁸.

Патриарх Пимен также посещал Болгарию в 1972, 1974, 1977, 1981 и 1983 годах. В ноябре 1974 года в Софийской Духовной академии он получил диплом доктора богословия *honoris causa*. Выступая на церемонии награждения, Патриарх Пимен произнес программную речь «Ответственное служение Поместных Церквей в современном мире», в которой подчеркнул великое созидательное и миротворческое призвание Церкви и напомнил слова святого Кирилла Иерусалимского из его *Огласительных поучений*: «Церковью же (то есть созванием или собиранием) называется она... поелику всех созывает и вместе собирает»¹⁷⁹.

В 1977 году Патриарх Пимен был гостем Болгарской Православной Церкви на торжествах, посвященных 100-летию освобождения Болгарии от турецкого ига. У памятника русским воинам на Шипке он совершил заупокойную литию.

В мае 1972 года Господь сподобил Патриарха Пимена совершить паломничество во Святую Землю и поклониться Гробу Господню и другим величайшим святыням христианства. В Иерусалиме он посетил Русскую Духовную Миссию (основанную в 1847 году) и встретился с Патриархом Иерусалимской Православной Церкви Его Блаженством Венедиктом I. Предстоятель Русской Церкви напомнил о давних традициях русских паломников в Святой Земле, начиная с игумена Даниила, посетившего Палестину еще в 1106 году. Этот визит упрочил положение нашей Духовной Миссии в Израиле и оживил отношения двух автокефальных Церквей.

Весной того же года Патриарх Пимен посетил страны Ближнего Востока – Египет, Сирию, Ливан, Иорданию. Он встретился с Патриархом Александрийским Николаем VI (29

¹⁷⁷ Цит. по: Русская Православная Церковь. Книга-альбом. Изд. Московской Патриархии, 1980. С. 137.

¹⁷⁸ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Приветственное слово Святейшему Патриарху Болгарскому Максиму после его интронизации в кафедральном соборе святого Александра Невского в Софии 4 июля 1971 года // Слова... Т. 1. С. 167.

¹⁷⁹ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Речь при вручении ему диплома доктора богословия *honoris causa* в Софийской Духовной академии 25 ноября 1974 года // Слова... Т. 1. С. 190.

—30 апреля), с Патриархом Коптской Церкви Шенудой III (2 мая, в Каире), с Архиепископом Синайским Григорием II, Главой Синайской Автономной Церкви (3 мая, в монастыре святой великомученицы Екатерины на Синайской Горе), с Патриархом Антиохийской Церкви Илией IV (6–8 мая, в Дамаске и Бейруте).

В октябре 1972 года Патриарх Пимен совершил паломничество на Святую Гору Афон, что имело большое значение для русского иночества и духовно укрепило братию Русского Свято-Пантелеимонова монастыря; то было первое в истории посещение Афона Патриархом Московским и всея Руси.

В 1974 году по приглашению императора Эфиопии Хайле Селассие I и Патриарха Эфиопской Церкви Его Святейшества Абуны Текле Хайманота, Патриарх Пимен нанес братский визит древней Эфиопской Церкви.

В том же году он побывал с дружеским визитом в Финляндии, по приглашению Предстоятеля Финляндской Православной Церкви Архиепископа Карельского и всей Финляндии Павла.

Все эти поездки и встречи помогли Патриарху Пимену скоординировать подготовку Русской Православной Церкви к *Святому и Великому Всеправославному Собору*, которая шла в то время. Она была начата Всеправославными Совещаниями на острове Родосе и в Женеве в 1961, 1963, 1964 и 1968 годах.

В сентябре 1976 года в Шамбези близ Женевы состоялось *I Предсоборное Всеправославное Совецание*, в котором по благословению Патриарха Пимена приняла активное участие делегация Русской Церкви. На Совецании был принят каталог тем, которые предстояло вынести на повестку Всеправославного Собора:

- 1) Православная диаспора;
- 2) Автокефалия и способы ее провозглашения;
- 3) Автономия и способы ее провозглашения;
- 4) Диптихи;
- 5) Календарный вопрос;
- 6) Препятствия к браку;
- 7) Приведение церковных требований о посте в соответствие с требованиями современной эпохи;
- 8) Отношение Поместных Православных Церквей к прочему христианскому миру;
- 9) Православие и экуменическое движение;
- 10) Вклад Поместных Православных Церквей в торжество христианских идей мира, свободы, братства и любви между народами и устранение расовой дискриминации.

Укреплению и развитию православного единства содействовал визит делегации Русской Церкви во главе с Патриархом Пименом в Константинополь и встреча Предстоятеля Русской Церкви со Вселенским Патриархом Димитрием I в Стамбуле в 1977 году. Беседы двух Патриархов выявили обоюдное желание укреплять взаимные связи и приумножать совместный вклад в решение насущных общехристианских задач, взыскуемых современностью.

В январе 1977 года Патриарх Пимен посетил с официальным визитом Индию, по приглашению Патриарха-Католикоса Ортодоксальной Сирийской Церкви Индии Василия Мар Фомы Матфея I. В дни этого визита он встретился и имел беседу с президентом Индии г-ном Ф. А. Ахмедом.

В декабре 1977 года Патриарх Пимен побывал в Тбилиси и Мцхета, где принял участие в интронизации Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всей Грузии Илии II, воспитанника Московской Духовной академии¹⁸⁰. Во время этого визита Патриарх Пимен

¹⁸⁰ См.: Никитин В. Избрание и интронизация Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всей Грузии Илии

молился за всеобщим бдением в тбилисском русском храме святого Александра Невского, духовно окормляемом прозорливым старцем митрополитом Тетрицкарыйским Зиновием (Мажугой), бывшим иноком Глинской пустыни. Совместная молитва двух подвижников духовно укрепила русских христиан, проживающих в Грузии.

Весной 1978 года Патриарх Пимен посетил Кипр по приглашению нового Предстоятеля Кипрской Православной Церкви – Блаженнейшего Архиепископа Хризостома.

В октябре 1978 года Патриарх Пимен побывал в Армении на торжествах, посвященных 150-летию вхождения Армении в состав России и 70-летию со дня рождения Святейшего Верховного Патриарха-Католикоса всех армян Вазгена I¹⁸¹.

Предстоятель Русской Церкви почтил своим присутствием Ошаканское поле, где 17 августа 1827 года состоялось героическое сражение горстки армянских ополченцев, поддержанных трехтысячным отрядом генерала А. И. Красовского¹⁸², с персидской армией, превосходившей русско-армянские силы в 10 раз (!). Победа православного воинства, в которой погибло 1130 русских солдат и офицеров, предрешила освобождение Армении и присоединение ее к России. Автору этих строк, сопровождавшему Патриарха Пимена в качестве церковного журналиста, не забыть трогательного гостеприимства братского армянского народа и красочных транспарантов «Навеки с русским народом!» по всему маршруту следования патриаршего кортежа.

Во время всех перечисленных поездок Святейший Патриарх Пимен встречался с Главами посещаемых Церквей, участвовал в совместных молитвах и богослужениях, имел встречи и беседы с видными государственными и общественными деятелями различных стран. Придавая принципиальное значение делу христианского единства, он заявлял: «В христианском единстве и взаимной братской любви мы усматриваем, по слову апостольскому, *исполнение закона* (Рим. 13, 10) и устремляемся к этому, славя едиными устами и единым сердцем имя Единородного в Троице славимого Бога»¹⁸³.

«Наше участие в экуменическом движении, – пояснял Патриарх Пимен, – основывается на стремлении в единомыслии с другими Поместными Церквями *свидетельствовать Православие христианскому миру* и на вере в то, что действия Святого Духа через молитвы и деятельную любовь христиан всего мира могут уврачевать грех разделения и привести к единству Церкви Христовой».

«Мы совершенно уверены, что Православие, с его верностью традициям Единой Неразделенной Церкви эпохи Семи Вселенских Соборов, с его духом соборности и его богословием, органически развивавшимся от истоков святоотеческого богомыслия и добродетели, может и должно внести свой положительный и, я бы осмелился даже сказать, решающий вклад в дело восстановления христианского единства, а значит, и во все дело экуменического движения»¹⁸⁴.

Благодаря этой ясной экклезиологической позиции Патриарха Пимена участие Русской Православной Церкви в экуменическом движении помогло представителям ряда протестантских конфессий уяснить православное понимание взаимосвязи между так называемым вертикальным и горизонтальным свидетельством христианской жизни.

Когда Всемирный Совет Церквей увлекся так называемым горизонтализмом, именно Патриарх Пимен напомнил православную истину о неразрывном единстве служения Богу

П // «Журнал Московской Патриархии». 1978. № 3. С. 47—51.

¹⁸¹ См.: Никитин В. Под сенью священного Арарата // «Журнал Московской Патриархии». 1979. № 1. С. 51—57; № 2. С. 63—67.

¹⁸² генерал Афанасий Иванович Красовский (1780—1849)

¹⁸³ «Журнал Московской Патриархии». 1973. № 7. С. 6.

¹⁸⁴ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Православный взгляд на современный экуменизм. Доклад в университете г. Йозенс, Финляндия, 6 мая 1974 года // Слова... Т. 1. С. 328.

и людям для личного и всеобщего спасения, о важности практического сложения горизонтального и вертикального векторов.

Следует отметить, что Патриарх Пимен искренно и последовательно стремился к примирению с Русской Православной Зарубежной Церковью. В сентябре 1974 года он направил приветственное послание ее III Собору в Джорданвилле, которое, к сожалению, не было опубликовано. Между тем, по справедливому мнению проф. Дмитрия Поспеловского, послание это замечательно своим миролюбием, сдержанностью и умеренностью тона: «В послании недвусмысленно было заявлено, что от эмигрантской Русской Православной Церкви не требуется отказаться от лояльности по отношению к странам, где теперь живут ее чада, как не нужно и заявления о лояльности СССР. Речь идет лишь о том, чтобы они вновь вошли в православную ойкумену, признав Православную Церковь России как духовно законную Церковь, а также о том, чтобы клирикам и мирянам эмигрантской Церкви было разрешено общение с клириками и мирянами Московской Патриархии...»¹⁸⁵

Таким образом, Патриарх Пимен на несколько десятилетий опередил и предвосхитил сближение и соединение Московской Патриархии со своими православными братьями, пребывающими в ограде Зарубежной Церкви.

* * *

Много усилий положил Святейший Патриарх Пимен на благородном поприще миротворческого и церковно-общественного служения, неизменно руководствуясь мыслью, которую часто подчеркивал: «Всё в мире держится и направляется силой Божией. Но такое промышление о нас Отца Небесного не слагает с нас ответственности за судьбы мира и человечества»¹⁸⁶.

Можно сказать, что лейтмотивом всей его жизни, определяющим характер и тип, направленность и пафос его деятельности, были следующие слова святого апостола Петра: «Прилагая к сему все старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь. Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа» (2 Пет. 1, 5–8).

Патриаршие труды на указанном поприще не ограничивались традиционным возложением венка к Могиле Неизвестного Солдата у Кремлевской стены, вручением памятных подарков и именных дипломов на различных официальных мероприятиях. Приходилось часто выступать, встречаться с разными людьми, вникать в довольно сложные политические проблемы.

Во многом благодаря чрезвычайным усилиям Московской Патриархии удалось остановить действия США по изготовлению и испытанию нейтронной бомбы – наиболее страшного оружия массового уничтожения.

В своей весьма энергичной миротворческой деятельности Патриарх Пимен вдохновлялся уверенностью в конечном торжестве добра и правды Божией, когда, выражаясь словами Псалмопевца, *милость и истина встретятся, правда и мир облобызаются* (Пс. 84, 11). Или, цитируя любимого поэта, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся»¹⁸⁷.

¹⁸⁵ Поспеловский Д.В. Цит. соч. С. 234–235.

¹⁸⁶ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слово перед Новогодним молебном 31 декабря 1985 г. // «Журнал Московской Патриархии». 1986. № 2. С. 13.

¹⁸⁷ Пушкин А.С. «Он между нами жил...».

И сегодня не утратили актуальности многие оценки Патриарха Пимена, вызванные осмыслением роли и значения Церкви Христовой в современном мире:

«В наши тревожные дни перед Церковью стоит еще одна неотложная задача – содействовать сохранению мира на земле. Сам Господь поставил Церковь Свою на страже мира. И тем большая ответственность за сохранение мира падает на христиан. Поэтому святой долг каждой Церкви – обращаться к волнующемуся человечеству со словами примирения, призывать народы искать пути к миру и взаимопониманию, добиваться мира и жить в нем. В служении миру Церковь не одинока...

В наш стремительный век Церкви не могут и не должны стоять в стороне от законных желаний человечества, направленных к достижению социальной справедливости, свободы, прочного мира, достойной жизни для всех людей. И как бы ни сложны были встающие перед нами задачи, мы обязаны вносить в разрешение их свою посильную лепту...»

«Церковь молится о мире. Церковь проповедует мир. Господь наш Иисус Христос сказал: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). Но можно ли хранить мир, если его нет в нас самих? Устроение мира на земле начинается с устроения мира в духовной жизни каждого человека. Только обладатель внутреннего мира сможет быть рачителем и утвердителем мира среди людей. Если человек злобен, коварен, он не сможет установить мир. Каждый человек должен взрастить прежде всего в себе благодатные ростки мира...»

«Мы наблюдаем динамику мира в его истории, и на основании слова Божия предполагаем ее дальнейшее развитие, причем не мыслим иного движения мира, как только вперед и вверх к определенной, заданной Творцом, цели... Мы видим, что человечество в своем дальнейшем развитии нуждается в сотрудничестве для решения глобальных проблем науки, техники, экономики и т. д. Мы ценим это сотрудничество стран, принадлежащих к различным социально-политическим структурам, осуществляемое во имя мира, для лучшего технического оснащения развития, для здоровья людей, для сохранения природы и ее ресурсов. Таков конкретный путь, в котором нельзя не увидеть указание Божественного Промысла для христианской деятельности во имя Евангелия».

Патриарх Пимен касался в своих миротворческих выступлениях самых насущных и животрепещущих проблем современности. Диапазон его оценок был весьма широк. Идеи мира нашли весомое отражение в патриарших посланиях и обращениях, проповедях и речах, в интервью представителям отечественной и зарубежной прессы, в выступлениях по радио и телевидению.

Святейший Патриарх Пимен принимал участие в работе Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве (октябрь 1973 г.), в сессии Всемирного Совета Мира в Софии (февраль 1974 г.), в Совещании Глав и представителей Церквей и религиозных объединений СССР в Троице-Сергиевой Лавре (сентябрь 1975 г.), в аналогичном Совещании, посвященном осуждению нейтронного оружия (декабрь 1977 г.), в V Всехристианском мирном конгрессе в Праге в 1978 году, в работе множества других миротворческих форумов.

По инициативе Патриарха Пимена 6–10 июня 1977 года в Москве состоялась Всемирная конференция «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» (в освещении которой довелось принимать участие автору этих строк). Выступая на конференции, Патриарх Пимен сказал:

«Більшая требовательность к себе религиозного самосознания, більшая настоятельность к исполнению того, что принадлежит существу каждой религии, и вместе с тем, більшая обращенность к нуждам окружающего мира, к требованиям гуманности – вот то, что, как нам кажется, должно отличать верующего человека, осознающего свою роль и ответ-

ственность в жизни, свой долг перед Высшими Силами и вместе с тем свой долг перед собратьями, населяющими нашу прекрасную землю»¹⁸⁸.

За выдающиеся заслуги в укреплении мира Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1977 года Патриарх Пимен был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Говоря о тогдашней миротворческой деятельности Церкви с позиций сегодняшнего дня, конечно, следует сделать необходимые оговорки. Сама по себе защита мира – разумеется, дело благородное и важное, однако к нему примешивалось стремление Советского государства активно использовать Церковь в своей внешней политике. И разоблачение церковными иерархами капиталистов как поджигателей войны было частью того компромисса Церкви с властью, который только и позволял Церкви существовать в условиях тоталитарного государства.

Но какой бы смысл ни вкладывала в борьбу за мир власть, Русская Православная Церковь неизменно присоединялась ко всем миролюбивым начинаниям, откуда бы они ни исходили, поддерживала все разумные мероприятия, направленные на запрещение войны с применением ядерного оружия и способствующие установлению добрососедских отношений между всеми государствами. К тому же участие в миротворческой деятельности было одним из факторов, выводящих Церковь из внутренней и внешней изоляции, позволяющих ставить вопрос перед властями о необходимости для нее кадров молодых, образованных священнослужителей. Советское государство желало от Церкви только политической пользы, но в результате в ней постепенно возникла целая группа епископов, клириков и мирян, богословски образованных и мыслящих, способных к творческому диалогу – как внутриправославному и общехристианскому, так и с современным миром.

Во время правительственного приема 7 ноября того же года Л. И. Брежнев при обмене рукопожатием с Патриархом Пименом тепло благодарил его за миротворческие труды¹⁸⁹.

Пройдут годы, и за несколько дней до своей смерти Л.И. Брежнев († 10 ноября 1982 г.) подпишет ходатайство Патриарха Пимена о передаче Московской Патриархии Донского монастыря – для устройства там церковного центра, где можно было бы разместить синодальные отделы и достойно отметить тысячелетний юбилей Крещения Руси.

Сообщая об этом Патриарху Пимену на правительственном приеме 7 ноября 1982 года, за три дня до своей смерти, тяжело больной генеральный секретарь ЦК КПСС доверительно спросит: нельзя ли в случае его кончины исполнить желание его верующей матери – совершить над ним заочное отпевание? (добавив, что он крещен). Патриарх Пимен пожелает ему жить долго и заверит, что воля матери будет выполнена (так и произошло).

Новый генеральный секретарь партии Ю. В. Андропов предложил Московской Патриархии вместо хорошо сохранившегося Донского монастыря выбрать какой-нибудь другой.

После чего Патриарх Пимен незамедлительно собрал небольшую комиссию, которая вместе с ним стала объезжать и осматривать московские обители, закрытые много лет назад и переоборудованные под хранилища, предприятия, тюрьмы или крематории.

«Время это запомнилось мне тем, – вспоминает бывший келейник Патриарха Пимена, – что, осматривая Новоспасский монастырь, Патриарх оступился на ветхих деревянных помостах, упал и сломал палец... Потом, продолжая служить с забинтованным пальцем, Святейший неоднократно вспоминал о той разрухе, которая представилась им в некогда богатейшем московском монастыре.

Наконец комиссия остановилась на Московском Свято-Даниловом монастыре, где был детский следственный приемник-распределитель, и в ноябре 1983 года началось его восста-

¹⁸⁸ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Речь при открытии Конференции 6 июля 1977 года // Слова... Т. 1. С. 431.

¹⁸⁹ Одинцов М.И. Цит. соч. С. 26.

новление. Восстанавливался Свято-Данилов монастырь всем православным русским народом, и не только нашей страны. Пожертвования шли отовсюду и не могли не идти. Всякий, кто каким-либо образом слышал о воссоздании в Москве монастыря, наверняка чувствовал, что положено начало великому делу возрождения России.

С первых же дней восстановления монастыря Святейший Патриарх Пимен распорядился по всем храмам Москвы петь за богослужением тропарь благоверному князю Даниилу, причем по многим храмам были разосланы ноты этого песнопения в особой гармонизации, созданной известным московским регентом 20–30-х годов [Николаем Михайловичем] Данилиным. При исполнении этого напева лицо Патриарха просветлялось, и было видно, что он вновь и вновь вспоминает свою юность и регентское послушание в московских храмах»¹⁹⁰.

Тем более огорчительно, что на нескольких международных форумах, когда Патриарх Пимен выступал за рубежом (в Женеве в 1973 году и в Нью-Йорке в 1982 году), он не сумел отказаться от навязываемой ему властями роли апологета советской системы. В этих случаях Патриарх Пимен, читая заготовленные заранее заявления, отрицал как наличие социальных проблем в СССР, так и нарушения прав верующих со стороны правящего режима.

Отмечая эту печальную двойственность, проф. Дмитрий Поспеловский пишет: «Но в церковной практике, в случаях, где это допускалось властями, те же официальные церковные чины игнорировали гражданские приговоры, выносимые духовенству, и этим на деле признавали наличие гонений за веру. Так, сразу после выхода из концлагерей епископ Андрей (Сухенко), осужденный в 1961 году на 8 лет, и архиепископ Иов (Кресович), осужденный в 1960 году на 6 лет, были сразу назначены на новые кафедры»¹⁹¹.

Отвечая 9 сентября 1979 года, в день своего тезоименитства, на приветствие Митрополита Таллинского и Эстонского Алексия, Патриарх Пимен подчеркнул:

«Я хочу в этот священный для меня день молиться Господу, чтобы Он утвердил наш христианский разум и направил нас на добрые, правые стези. Я молюсь Вседержителю нашему и Господу о том, чтобы наше житие было таким, как сказано: как хорошо, когда братья живут вкупе¹⁹² – вместе, т. е. в единстве и мире. Вот к такой совместной жизни, совместным трудам, совместным молитвам и да направит нас Всемогущий Господь»¹⁹³.

20 июня 1980 года указом Президиума Верховного Совета СССР за патриотическую деятельность в защиту мира и в связи с семидесятилетием со дня рождения Патриарх Пимен был награжден орденом «Дружбы народов».

Он был первым Предстоятелем Русской Православной Церкви, выступившим с речью в Организации Объединенных Наций (в Нью-Йорке) – на Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, в июне 1982 года. В своем выступлении Патриарх Пимен выразил озабоченность о мире и заботу о сохранении жизни на Земле, непреклонное стремление к миру православных христиан и всех людей доброй воли – граждан СССР. Высоким патриотическим чувством были проникнуты многие его послания и речи. Глубоко искренне тема патриотизма прозвучала в Послании Патриарха Пимена в связи с 600-летием Куликовской победы. Этот юбилей был торжественно отмечен 8/21 сентября 1980 года, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, в Троице-Сергиевой Лавре и вылился в волнующее свидетельство русского православного, глубоко патриотического самосознания. В тот

¹⁹⁰ Сергей (Соколов), еп. Новосибирский и Бердский. Цит. соч. С. 101–102.

¹⁹¹ Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 351–352.

¹⁹² Пс. 132, 1.

¹⁹³ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Ответное слово в Пименовском храме на приветствие митрополита Таллинского и Эстонского Алексия в день тезоименитства 9 сентября 1979 г. // Слова, речи, послания, обращения. Т. 2 (1977–1984). М.: изд. Московской Патриархии, 1985. С. 383.

исторический день во всех храмах Московского Патриархата было оглашено Послание Святейшего Патриарха Пимена и Священного Синода Русской Православной Церкви:

«...В свершении богатырского народного подвига – великой победы русского воинства в Куликовской битве особое значение имела благодатная сила веры Христовой, духовно-нравственное влияние и патриотическое служение Русской Православной Церкви, которая никогда не взидала безучастно на исторические судьбы народа. С самого начала своего, ныне тысячелетнего, бытия она содействовала культурному, национальному и государственному утверждению Руси.

В предшествовавший Куликовской эпопее период и в тот критический момент истории Отечества нашего Церковь была тем неоскудеваемым источником духовных сил народа, который помог Руси успешно противостоять иноземному засилу, сбросить иго завоевателей, объединиться и стать великой Россией. Особое место в этом святом всенародном подвиге принадлежит пламенному патриоту родной земли Преподобному и Богоносному отцу нашему Сергию, игумену Радонежскому, основателю Свято-Троицкого монастыря – духовной, а нередко и военной опоры первопрестольной Москвы. Благословение Аввы Преподобного Сергия, преподанное великому Московскому князю Димитрию Иоанновичу, и его патриотическое воззвание к русским войскам явились вечным символом участия Русской Церкви в исторических судьбах нашей Родины.

Победа на Куликовом поле, эхо которой было услышано во всей Европе и в Византии, имела огромное историческое значение. Ценой величайших жертв Русь не только нанесла сокрушительный удар могуществу Золотой Орды, ослабивший ее господство над русскими землями и ускоривший ее последующий распад, но и спасла государства Европы, заслонив их от грозного иноплеменного нашествия. Куликовская битва предзнаменовала и исторически предрешила конечную победу народов Юго-Восточной Европы в их борьбе за национальную независимость»¹⁹⁴.

* * *

Русская Православная Церковь увенчала труды своего Предстоятеля орденами святого князя Владимира и преподобного Сергия Радонежского.

Патриарх Пимен был удостоен также множества международных церковных и государственных наград: орденов святого апостола Марка (Александрийская Церковь), святых первоверховных апостолов Петра и Павла (Антиохийская Церковь), Животворящего Креста Господня (Иерусалимская Церковь), святой равноапостольной Нины и святого великомученика Георгия Победоносца (Грузинская Церковь), преподобного Иоанна Рыльского (Болгарская Церковь), орденов Белой Розы (Финляндия), Ливанского Кедра (Ливан), Золотой медали Отто Нушке (ГДР) и т. д.

Почетной степени доктора богословия Предстоятеля Русской Церкви удостоили Софийская Духовная академия имени св. Климента Охридского (Болгарская Православная Церковь), Евангелический богословский факультет в г. Братиславе (Словацкая Евангелическо-Лютеранская Церковь), Православный богословский факультет в г. Прешове (Чехословацкая Православная Церковь).

---

¹⁹⁴ Послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена и Священного Синода Русской Православной Церкви к 600-летию победы на Куликовом поле // «Журнал Московской Патриархии». 1980. № 9. С. 5.

Тернии Патриаршества (70–80-е годы XX века)

«В 70-х гг. церковная жизнь оставалась относительно стабильной и протекала без потрясений, подобных тем, какие выпали на долю Церкви десятилетие назад, в годы хрущевских гонений. Государственная политика по отношению к Церкви оставалась в основных своих чертах неизменной, какой она сложилась после отставки Н. С. Хрущева: жесткий, тотальный контроль за всеми проявлениями церковной жизни, противодействие попыткам расширить сферу дозволенного для Церкви, но без массовых репрессий против духовенства или верующих мирян, без массового закрытия церквей и без шумных пропагандистских атеистических кампаний. На общем фоне этой политики репрессивные меры воспринимались уже как эксцессы...» – отмечает протоиерей Владислав Цыпин¹⁹⁵.

Другой исследователь игумен Дамаскин (Орловский) так характеризует период 70-х и первую половину 80-х годов:

«Идеологи Советского государства предполагали, что препятствия, созданные ими для прихода людей в храмы, приведут к уменьшению числа верующих, а вместе с этим и к закрытию православных храмов. Надзор за духовенством и верующими – в особенности в провинциальных городах – был достаточно суров и в 70–80-х гг., нужно было обладать значительным мужеством, чтобы исповедовать веру в условиях преследований, чаще всего выражавшихся в ограничении служебной деятельности; судебные преследования, практиковавшиеся в предыдущий период, стали единичными. Самым характерным в то время во взаимоотношениях РПЦ и государства была попытка с помощью Совета по делам религий и КГБ удержать контроль над всеми сколько-нибудь заметными явлениями в жизни РПЦ и ее деятелями, но у власти не было достаточных сил, чтобы уничтожить церковную организацию»¹⁹⁶.

Впрочем, такой задачи власть в то время уже не ставила. Да и дух времени был иной. Под его воздействием произошла метаморфоза самой власти – в сторону к относительной либерализации и принятию так называемых *общечеловеческих ценностей*, под которыми естественно подразумевать ценности религиозно-нравственные.

В 1975 году Президиум Верховного Совета СССР внес своим указом законодательные изменения в постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 года «О религиозных объединениях». Отменялась формулировка «религиозные объединения и группы верующих не пользуются правом юридического лица». Вместо этого говорилось о том, что «религиозные общества имеют право приобретения церковной утвари, предметов религиозного культа, транспортных средств, аренды, строительства и покупки строений для своих нужд в установленном законом порядке»¹⁹⁷. Таким образом, повторялась формулировка постановления Совнаркома от 22 августа 1945 года (оставшегося неизданным). Однако новые дополнения сужали круг дозволенной законом церковной деятельности:

«Религиозные общества имеют право производить складчины и собирать добровольные пожертвования только на цели, связанные с содержанием молитвенного здания, культового имущества, наймом служителей культа и содержания исполнительных органов; религиозные шествия, совершение религиозных обрядов и церемоний под открытым небом, а

¹⁹⁵ Цыпин Владислав, *прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М.: изд. Валаамского монастыря, 1997 (см. гл. IX: «Русская Православная Церковь при Святейшем Патриархе Пимене (1970–1990)»).

¹⁹⁶ Дамаскин (Орловский), *игум.* Цит. соч. С. 189.

¹⁹⁷ Штриккер Г. (сост). «Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью». Кн. 2. Изд. «Пропилеи», 1995. С. 127.

также в квартирах и домах верующих допускаются с особого каждый раз разрешения исполнительного комитета районного, городского Совета депутатов трудящихся»¹⁹⁸.

Принятая в 1977 году и широко разрекламированная новая («Брежневская») Конституция СССР по существу ничего нового в советское, сугубо дискриминационное законодательство относительно прав верующих, не вносила; ее 52-я статья гласила: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду»¹⁹⁹. Таким образом, богослужение, как и раньше, уравнивалось с атеистической пропагандой.

С бесправным положением Церкви не могла смириться христианская совесть. В те годы в обществе циркулировало немало писем с протестами против такого положения; как правило, они были адресованы в соответствующие государственные инстанции и широко транслировались зарубежными радиостанциями, в особенности религиозными программами «Голоса Америки», «Би-би-си», «Немецкой волны», «Свободы».

Особый резонанс вызвало весной 1972 года открытое «Великопостное письмо» Александра Солженицына Патриарху Пимену. Оно было реакцией на патриаршее Рождественское послание 1971/1972 гг., в котором содержался призыв к эмигрантской пастве воспитывать своих детей в духе любви к Родине и к Православной Церкви. В своем нелицеприятном, мужественном и глубоко выстраданном, исполненном правдолюбия письме, написанном на Крестопоклонной седмице, писатель обратился к Предстоятелю Церкви с горькими упреками и обвинениями...

«Святейший Владыко! – писал А. И. Солженицын. – Защемило то место, где Вы скалили наконец о детях – может быть, в первый раз за полвека с такой высоты: чтобы наряду с любовью к Отчизне родители прививали бы своим детям любовь к Церкви (очевидно, и к вере самой?) и ту любовь укрепляли бы собственным добрым примером. Я услышал это – и поднялось передо мной мое раннее детство, проведенное во многих церковных службах, и то необычайное по свежести и чистоте изначальное впечатление, которого потом не могли стереть никакие жернова и никакие умственные теории. Но – что это? Почему этот честный призыв обращен только к русским эмигрантам? Почему только тех детей Вы зовете воспитывать в христианской вере, почему только дальнюю паству Вы остерегаете «распознавать клевету и ложь и укрепляться в правде и истине»? А нам – распознавать? А нашим детям – прививать любовь к Церкви или не прививать? Да, повелел Христос идти разыскивать даже сотую потерянную овцу, но все же – когда девяносто девять на месте. А когда и девяноста девяти подручных нет – не о них ли должна быть забота первая? Почему, придя в церковь крестить сына, я должен предъявить паспорт? Для каких канонических надобностей нуждается Московская Патриархия в регистрации крестящихся душ?»²⁰⁰ – и т. д.

Очевидно, что вопросы великого писателя в данном контексте были отнюдь не риторическими, но часть из этих и последующих обвинений он должен был бы адресовать не Патриарху Пимену, а советским чиновникам – в Совет по делам религий, в КГБ и в другие государственные и партийные инстанции, контролировавшие жизнь Русской Православной Церкви. Очевидно и бесспорно и то, что в письме Солженицына сказана горькая правда о бесправном положении Русской Православной Церкви в период ее «вавилонского пленения» государственным атеизмом. Тяжесть этого плена в наибольшей мере ощущалась именно Патриархом, ибо его ответственность пред Богом за паству была в такой же мере велика и значительна. Молодому поколению, выросшему уже в перестроечное и постперестроечное

¹⁹⁸ Там же. С. 128—129.

¹⁹⁹ Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М., 1988. С. 21.

²⁰⁰ Цит. по: *Константинов Дмитрий, прот.* Зарницы духовного возрождения. Русская Православная Церковь в СССР в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов. Канада: изд. «Заря», 1973. С. 129; см. также: «ВРСХД». № 103. Париж, 1972.

время, в конце 80-х и в 90-е годы, сейчас уже трудно представить то тяжелое, казавшееся беспросветным положение Церкви, красноречиво описанное А. И. Солженицыным в рассматриваемом письме:

«На каждый действующий храм – двадцать в запустении и осквернении, – есть ли зрелище более надрывное, чем эти скелеты, достояние птиц и кладовщиков? Сколько населенных мест по стране, где нет храма ближе ста и даже двухсот километров? И совсем без церквей остался наш Север – давнее хранилище русского духа и, предвидимо, самое верное русское будущее. Всякое же попечение восстановить хоть самый малый храм, по однобоким законам так называемого «отделения Церкви от государства», перегорожено для делателей, для жертвователей, для завещателей. О колокольном звоне мы уже и спрашивать не смеем, – а почему лишена Россия своего древнего украшения, своего лучшего голоса? Да храмы ли? – Даже Евангелие у нас нигде не достать, даже Евангелие везут к нам из-за границы, как наши проповедники везли когда-то на Индигирку».

Действительно, все было именно так. И в том, что сейчас положение коренным образом переменялось, есть очевидная заслуга Патриарха Пимена. В ретроспективном обзоре событий это становится все более очевидным с каждым годом. Нет, не утратил великий русский народ ни духа христианства, ни своего христианского облика!..

Получив письмо Солженицына, Патриарх Пимен с горечью сказал: «Побывать бы ему в моих башмаках только пару дней!.. Ну, пусть пишет!»²⁰¹

Сейчас мы знаем, что в этих «башмаках» было трудно ходить; есть в словаре живого великорусского языка другое слово – «колодки»: их надевали арестанту для предупреждения побега; и таким, в сущности, колодником, только в позолоченной клетке, и был Патриарх Пимен. Его бывший келейник епископ Сергей (Соколов), душевно сокрушаясь, вспоминает, что Патриарх не мог в то время позволить себе даже пастырских поездок по епархиям:

«По бывшему Советскому Союзу Патриарх путешествовал только по одному выверенному маршруту: Москва – Одесса. Я много раз наблюдал, как рано утром, проезжая Киево-Печерскую Лавру, Патриарх подходил к окну вагона и молился на проплывавшие вдали золотые купола монастырей... Личные встречи с пасомыми, знакомство с их духовной жизнью, которой, как правило, не бывает без проблем, – все это неотъемлемая обязанность всякого духовного руководителя. Если же этого общения нет, то священник, епископ и, конечно, Патриарх испытывают огромные затруднения в выполнении своего пастырского долга, и можно представить себе, что переживал и чувствовал покойный Святейший Патриарх Пимен, святой обязанностью которого было окормление многомиллионной российской православной паствы. Искусственно создаваемые безбожной властью обстоятельства, несомненно, были постоянным немим укором Первоиерарху, само имя которого – Пимен, переводимое с греческого как «пастырь», ежедневно напоминало ему о ненормальности положения Церкви в Советском Союзе»²⁰².

Глава Русской Церкви, к сожалению, не ответил А.И. Солженицыну. Но в полемику со знаменитым писателем вступил известный религиозный правозащитник священник Сергей Желудков (1910—1984). В своем открытом письме Солженицыну, рассуждая о тоталитарной, жестко централизованной *Системе* Советского государства, в которой легальная Церковь никак не может оставаться островом свободы, он писал: «Что же нам остается в такой ситуации делать? Сказать: либо всё, либо ничего? Попробовать уйти в подполье, которое в данной Системе немыслимо? Или же как-то вписаться в Систему и воспользоваться пока

²⁰¹ «Камень давит» // «Вече». 1972. № 5.

²⁰² Сергей (Соколов), еп. Новосибирский и Бердский. Цит. соч. С. 91, 76.

что теми возможностями, которые позволены? Русская иерархия приняла второе решение. Отсюда и происходит сегодня всё зло. *Но другого выбора не было*»²⁰³.

Очевидно, что и о. Сергей Желудков подходит к проблеме неадекватно, по существу оставаясь в привычной парадигме противопоставления диссидентства и конформизма, то есть в системе чисто внешних координат, игнорирующих внутреннюю свободу Церкви (*познаете истину, и истина сделает вас свободными*: Ин. 8, 32) и ее неотмирность (*царство Мое не от мира сего*: Ин. 18, 36).

Здесь следует добавить, что А. И. Солженицын и священник Сергей Желудков в то время не знали о конфиденциальном отчете Василия Григорьевича Фурова, заместителя председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР (с 1968 по 1981 г.), написанном для членов ЦК КПСС. В отчете была изложена весьма условная схема деления иерархов Русской Церкви на 3 категории, по степени лояльности к властям придерживающим. Патриарх Пимен был отнесен к первой, наиболее лояльной категории. Вместе с тем в докладе содержалась неожиданная критика в адрес Патриарха Пимена. Фурову не понравились его слова, сказанные 6 мая 1974 года: «Мы считали и считаем, что социальные вопросы не должны затемнять или заменять основное понятие спасения как освобождения от греха, проклятия и смерти и достижения жизни вечной в Царстве Небесном и в общении с Богом»²⁰⁴.

Не понравилась В. Г. Фурову также речь митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова), в которой подчеркивалось, что христианство несводимо к социальным вопросам, что существо христианства – свидетельство о Христе в современном мире. Партийный сановник высокого ранга выражал обеспокоенность, что эти глубоко христианские воззрения окажут влияние на советскую молодежь. И они это влияние действительно оказывали.

* * *

Тем временем Святейший Патриарх Пимен, не оглядываясь на подобную полемику, продолжал достаточно эффективно (и без ненужных аффектов) руководить работой синодальных отделов и других учреждений Московского Патриархата. В поле его зрения постоянно находились Учебный комитет и Хозяйственное управление, Отдел внешних церковных сношений и Издательский отдел, Пенсионный отдел, другие церковные структуры.

Надо сказать, что в то время с особой признательностью Предстоятель Церкви отмечал и поощрял деятельность своего будущего преемника – Управляющего делами Московской Патриархии, председателя Учебного комитета при Священном Синоде митрополита Таллинского и Эстонского Алексия.

Патриарху Пимену было конечно же гораздо легче развивать инициативу и предпринимать какие-либо действия в защиту интересов Церкви *за пределами* СССР. И мы знаем немало случаев такой его активности. Например, в 1973 году, когда он (после потепления в советско-западногерманских отношениях, вызванных Московским договором 12 августа 1970 года) потребовал от ФРГ вернуть православные храмы из юрисдикции Зарубежной Церкви Московскому Патриархату.

Заслуживают особого внимания усилия Патриарха Пимена, предпринятые в 1980—1981 годы, чтобы защитить интересы Русской Православной Церкви на Западной Украине и предотвратить ухудшение отношений с Римско-Католической Церковью в связи с так назы-

²⁰³ Цит. по: «Из-под глыб». Сб. статей. М.: «Русская книга», 1992. С. 143; см. также: Желудков Сергей, священник. Почему и я христианин. Франкфурт-на-Майне: «Посев», 1973.

²⁰⁴ «Вестник РХД». 1979. № 130. С. 283.

ваемой униатской проблемой. Патриарх Пимен немедленно отреагировал на Декларацию Синода украинских католических епископов, опубликованную в Риме осенью 1980 года, в которой резкой критике был подвергнут Львовский Церковный Собор 1946 года, утвердивший воссоединение униатов Галиции с Матерью – Русской Церковью. В Послании от 22 декабря 1980 года в адрес Папы Римского Иоанна-Павла II он охарактеризовал эту Декларацию как стремление «углубить воспоминания о трагическом характере прошлых взаимоотношений двух наших Церквей»²⁰⁵. В ответном Послании от 24 января 1981 года Папа Иоанн-Павел II выразил согласие с тем, что «не следует, чтобы прошлое ставило под угрозу то, что Господь осуществил в наших Церквях со времени II Ватиканского Собора»²⁰⁶.

В Обращении к Преосвященным архипастырям, клиру и мирянам западноукраинских епархий в связи с 35-летием Львовского Церковного Собора 1946 года от 12 мая 1981 года Патриарх Пимен подчеркнул: «Львовский Собор явился выражением чаяний Церкви Галичины возвратиться к вере Святой Православной Церкви, которая является исторической Церковью всего украинского народа, к вере своих праотцев, воспринявших в струях Днепра Святое Крещение, 1000-летие которого будет праздноваться через несколько лет»²⁰⁷.

О предстоящем тысячелетнем юбилее Патриарх Пимен во всеуслышание объявил заблаговременно, за много лет до 1988 года. Он сделал все возможное, чтобы не только, так сказать, «усыпить бдительность» властей предрежащих, но, главным образом заручиться их сочувственной и активной поддержкой, использовать подготовку к празднованию юбилея в интересах Церкви. В преддверии юбилея стало возможным заметно активизировать деятельность нескольких синодальных отделов, в первую очередь – Издательского и Отдела внешних церковных сношений. По благословению Патриарха Пимена Издательский отдел, возглавлявшийся архиепископом Волоколамским [впоследствии митрополитом Волоколамским и Юрьевским] Питиримом (Нечаевым) выпустил несколько изданий Библии и Нового Завета, многотомную «Настольную книгу священнослужителя», был издан ряд богослужебных книг (в том числе Минея праздничная, Триодь постная и Триодь цветная, Служебник и Требник), обеспечивших нужды Церкви на несколько десятилетий вперед. В 1981 году Издательский отдел с помощью Патриарха Пимена перебрался из тесных помещений Новодевичьего монастыря в специально отреставрированное (фактически заново построенное) здание на Погодинской улице, дом 20. «Издательское дело требует специальной богословской, литературной и профессиональной квалификации. Мы всегда стараемся оказывать нашему Издательскому отделу должное внимание и необходимую поддержку и выражаем сердечную признательность всем его труженикам», – сказал Патриарх Пимен в своем докладе 25 мая 1978 года, на торжественном праздновании 60-летия восстановления Московского Патриаршества²⁰⁸.

К этому более скромному юбилею Русская Православная Церковь под руководством Святейшего Патриарха Пимена пришла с определенными достижениями, о чем умалчивают недобросовестные критики.

Главное, что был приостановлен процесс закрытия храмов, «запущенный» Н. С. Хрущевым. Более того, в отдельных епархиях удалось зарегистрировать семь новых приходов (в городах Асино Томской области, Славгороде Алтайского края, Морозовске Ростовской области, Каттакургане Узбекской ССР, Балхаше, Макинске и Экибастузе Казахской ССР) и построить четыре храма (во Владивостоке, Новокузнецке Новосибирской епархии и 2 храма

²⁰⁵ «Журнал Московской Патриархии». 1981. № 4. С. 6.

²⁰⁶ «Журнал Московской Патриархии». 1981. № 4. С. 6.

²⁰⁷ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Обращение к преосвященным архипастырям, клиру и мирянам западноукраинских епархий в связи с 35-летием Львовского церковного Собора 1946 года 12 мая 1981 г. // Слова... Т. 2. С. 406.

²⁰⁸ См.: «60-летие восстановления Патриаршества. Празднование юбилея 25—29 мая 1978 года». М.: изд. Московской Патриархии, 1979.

в Новгородской епархии), что само по себе создавало прецедент. Об этом с удовлетворением сообщил Патриарх Пимен в упомянутом докладе²⁰⁹.

Конечно, этого было явно недостаточно.

«Это число и в самой малой степени не могло удовлетворить огромную нужду в церквях больших промышленных городов, где часто не было ни одного православного храма. В полуторамиллионном Горьком [ныне Нижний Новгород] в 60–70-х гг. оставалось только три церкви на окраинах. Многократные прошения православных жителей города, под которыми стояло более тысячи подписей, адресованные местным властям, оставались без положительного ответа. На Камчатке, Сахалине, Чукотке, Колыме, Курильских о-вах не было ни одного православного прихода. За пять лет, с 1971 по 1975 г., число приходов РПЦ с 7274 сократилось до 7062... в среднем закрывалось по 50 приходов в год. В последующие пять лет темпы закрытия были несколько снижены, закрывалось до шести приходов ежегодно, и в 1981 году Русская Православная Церковь насчитывала всего лишь 7007 приходов», – констатирует протоиерей Владислав Цыпин²¹⁰.

Очень серьезной оставалась кадровая проблема – из-за резкого сокращения числа учащихся в духовных школах в начале 60-х годов, вызванного закрытием нескольких духовных семинарий (в Киеве, Минске, Саратове, Ставрополе, Волынске). В 1980 году, в связи с проведением в Москве XXII Олимпийских игр (с 19 июля по 3 августа), власти решили сделать демонстративные шаги навстречу Церкви. В ответ на ходатайство Патриарха Пимена об открытии духовных семинарий был, однако, разрешен лишь дополнительный или параллельный набор учащихся в уже действующих семинариях.

Количество богослужебной утвари, свечей и икон, которое выпускалось тогда церковными мастерскими (под руководством инженера Павла Ивановича Булычева, назначенного в 1976 году Патриархом Пименом главным инженером строительства новых мастерских в пос. Софрино²¹¹), было практически минимальным. Между тем от этого зависело нормальное жизнеобеспечение всей Церкви.

И здесь следует сказать особо о попечении Патриарха Пимена относительно первоочередных и самых насущных нужд Русской Церкви. Почти сразу же после своего избрания он обратился с соответствующим ходатайством к Правительству СССР о выделении земли для строительства крупного церковного завода. В 1972 году в ответ на письмо Патриарха Правительство решило удовлетворить ходатайство Церкви о выделении необходимого участка для строительства. Было учтено и конкретное пожелание Его Святейшества, чтобы будущий завод находился на пути между Москвой и Троице-Сергиевой Лаврой: участок в три гектара был выделен в поселке Софрино. Вот как об этом вспоминает Евгений Алексеевич Пархаев, нынешний директор Художественно-производственного предприятия Русской Православной Церкви «Софрино»:

«Помню, когда мы с Патриархом Пименом приехали осматривать выделенный участок (дело было осенью), ему пришлось обуть резиновые сапоги – такая была непролазная грязь. Пришли, смотрим – вокруг болота, грязь. Оказывается, нам выделили землю, на которой кирпичный завод брал глину. Святейший посмотрел и сказал: «Вот здесь должен вырасти прекрасный церковный завод». Эти его слова я воспринял как задачу. Теперь-то понимаю, что он духовным взором увидел будущую красоту нашего предприятия, которая сегодня восхищает всех... Иногда вспоминаю те времена – сколько всего пришлось пережить! Попробуй купить кирпич или доски – дефицит! А сколько контролеров следило за Церковью!..

²⁰⁹ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Доклад на торжественном заседании 25 мая 1978 г., посвященном 60-летию восстановления Московского патриаршего престола (1917–1977) // Слова... Т. 2. С. 14.

²¹⁰ Цыпин Владислав, прот. Русская Православная Церковь в новейший период. 1917–1999 гг. // «Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь». М., 2000. С. 157.

²¹¹ См.: «Журнал Московской Патриархии». 1986. № 1. С. 24.

Именно он сумел зажечь во мне искру Божию. Учил доброте, мудрости и в то же время осторожности – ведь Церковь в то время была гонимой. Одно из его напутствий запомнил на всю жизнь. «Спешите делать добро», – повторял Святейший слова доктора Федора Гааза, врача, праведника, жившего в России в прошлом столетии»²¹².

В 1973 году был заказан проект, а в 1975 году по благословению Патриарха Пимена – начато строительство. С чувством великой благодарности вспоминают ныне ветераны церковного завода практическую помощь и поддержку в этом строительстве как самого Патриарха Пимена, так и исполнявшего обязанности Председателя Хозяйственного управления Московской Патриархии епископа Калининского и Кашинского Ермогена (†1980) и протопресвитера Матфея Стаднюка, возглавившего Хозяйственное управление впоследствии. «Все этапы строительных работ, дальнейшие труды по благоустройству производства проводились при неусыпном молитвенном попечении Патриарха Пимена, вникавшего во все нужды строительства. Он отдал распоряжение, чтобы начальники цехов не менее трех раз в неделю бывали на строительстве...»²¹³

Первый камень, уложенный в фундамент будущего завода в 1974 году, освятил архимандрит Евлогий, в то время помощник эконома Троице-Сергиевой Лавры, ныне архиепископ Владимирский и Суздальский. К 1980 году основное строительство было завершено. К моменту переезда в Софрино на заводе трудилось около 700 человек. За несколько дней до торжественного открытия предприятия состоялось освящение его домово́й церкви, построенной по благословению Патриарха Пимена. Церковь была освящена во имя преподобного Серафима Саровского. Иконостас храма изготовлен мастером М. Ф. Физрахмановым, а расписан известным иконописцем монахом (ныне архимандритом) Зином (Теодором). Чин освящения совершил протопресвитер Матфей Стаднюк в сослужении протоиерея Сергия Суздальцева. Отец Матфей передал храму иконы – личный дар Патриарха Пимена. Торжественное открытие и освящение предприятия состоялось 15 сентября 1980 года. В тот день Патриарх Пимен в присутствии членов Синода, именитого духовенства и многочисленных гостей преподал труженикам «Софрино» свое первосвятительское благословение. Патриарший завет: «В усердии не ослабевайте!» – стал девизом предприятия на все последующие годы.

Сам Патриарх ничуть не ослабевал в усердии, несмотря на вступление в довольно преклонный возраст. Важным достижением эпохи его предстоятельства явилась перекалфикация доходов священнослужителей с 19-й статьи налогового законодательства на 18-ю. Это означало, что государство перестало рассматривать духовенство как некое буржуазное сословие, клан предпринимателей-частников, эксплуатирующих наемную силу, подобно помещикам, капиталистам и так называемым кулакам. В результате налоговое бремя на духовенство снизилось с 1 января 1981 года на целых 12 процентов: с 81 процента до 69. То, чего не удалось добиться Патриархам Сергию и Алексию I, удалось достигнуть Патриарху Пимену. Разумеется, на дворе уже стояла иная погода, но и личная заслуга Святейшего в этом достижении была немалая.

* * *

Относительная терпимость – без массовых репрессий, но при строжайшем контроле, – с этой установкой властей по отношению к Церкви Патриарх Пимен вынужден был, конечно, считаться. Многое он делал, что называется, «с оглядкой», особенно в первую половину

²¹² Цит. по: «Московский комсомолец». 14 декабря 1999 г.

²¹³ Вера без дел мертва есть... К 25-летию художественно-производственного предприятия Русской Православной Церкви «Софрино». Софрино, 2005. С. 28.

своего служения. Избегая, как и его предшественники, ненужной конфронтации с государством, Патриарх Пимен старался обозначить интересы Церкви при любом удобном случае. Свою позицию он выражал достаточно дипломатично – в рамках внутрицерковных возможностей. Так, например, когда епископ Полтавский и Кременчугский Феодосий (Дикун) обратился 26 октября 1977 года к председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу с мужественным письмом о вопиющем бесправии Церкви, Патриарх Пимен нашел своеобразный и, можно сказать, остроумный способ его поддержки: он возвел исповедника-правдоискателя (в следующем, 1978 году) в архиепископский сан. Так Патриарх Пимен засвидетельствовал свою явную солидарность со следующими призывами владыки Феодосия в письме к главе государства:

«Для общего блага, братства и большей сплоченности нашего народа нужно сделать очень немногое:

а) прекратить унижительную антизаконную регистрацию треб и требоисправителей в церкви;

б) дать возможность Епископам рукополагать столько священников, сколько этого требуют обстоятельства, и независимо от того, из какой области будет рукополагаемый;

в) не препятствовать делать ремонт храмов и молитвенных домов;

г) уполномоченным отказаться от своей антирелигиозной деятельности и быть нейтральными в вопросах веры – как этого требует советское законодательство;

д) не закрывать храмы насильственным путем;

е) увеличить тираж выпуска духовной литературы, в которой имеется острая нужда среди верующего населения;

ж) не мешать духовенству в выборе места жительства и служения;

з) не делать в прессе таких выпадов против религии, которые могли бы дать право атеистам ненавидеть верующих, а также не допускать оскорбления чувств верующих в печати;

и) необходимо Церковь избавить от гнетущей опеки уполномоченных и больше предоставить прав в делах веры Епископам.

Ибо, если было бы противоестественным, чтобы дела коммунистов решали антикоммунисты, то так же нелепо видеть, как неверующие в лице уполномоченных решают дела верующих. Пусть всё станет на свои места.

Таков закон правды»²¹⁴.

Эти призывы, которыми кончалось письмо архиепископа Феодосия (копия его была направлена Патриарху Пимену и митрополиту Киевскому и Галицкому Филарету), фактически являлись требованиями; они логически вытекали из апологетической и гуманистической преамбулы документа: «Бог, создав человека, наделил его разумом, свободной волей и бессмертием. Хотя некоторые люди и оспаривают существование Бога, но все они в общем и целом согласны с тем, что человек обладает разумом, внутренней свободой и бессмертием, если и не личным, то по крайней мере – генетическим. Эти три вышепоименованных фактора делают человека личностью и ставят его над животным миром. Грешит поэтому каждый, как против полноты человеческой природы, так и против ее Творца, кто запрещает человеку свободно мыслить, действовать и веровать в свое личное бессмертие»²¹⁵.

В своей конкретной практической деятельности на благо Церкви Патриарх Пимен неукоснительно следовал стезей *правды*: в вопросах вероучения, богослужбной и литургической жизни Церкви он неизменно твердо, принципиально и ревностно соблюдал незыблемую верность святоотеческой традиции.

²¹⁴ «Вестник русского христианского движения». № 135 (III—IV—1981). С. 248.

²¹⁵ Там же. С. 220; см. также беседу с архиепископом Астраханским и Енотаевским Феодосием (Дикуном) Андрея Бессмертного в сб. «Религия и демократия. На пути к свободе совести». Вып. 2. М., 1993. С. 232—244.

Добрые плоды такого курса (и его личного благочестия) сказались уже в конце 70-х годов: «Более частыми становились случаи религиозного обращения людей, выросших в атеистических семьях, значительно увеличилось число крещений взрослых, особенно в больших городах. Средний возраст прихожан начал снижаться... Умножение числа новообращенных, главным образом из среды столичной и городской интеллигенции, свидетельствовало о том, что влияние Церкви на общество не сойдет на нет, как надеялись ее недруги»²¹⁶.

Принципиально важным для жизни Церкви явлением в 70-е годы стало фактическое возобновление прославления святых, осуществленное по благословению Патриарха Пимена, несмотря на негласный запрет со стороны властей. Этот вопрос обстоятельно раскрывает игумен Андроник (Трубачев), подчеркивая осторожную мудрость Патриарха, сумевшего инициировать процесс канонизации, опираясь на межцерковные сношения. Так, например, 6 октября 1977 года был причислен к лику святых просветитель Америки, Сибири и Дальнего Востока митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов); поводом для канонизации была просьба Священного Синода Православной Церкви в Америке.

11 апреля 1981 года трудами наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Иеронима (†30 марта 1982 г.) в крипте Успенского собора был устроен и освящен в честь святителя Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского, престол в южном приделе храма Всех святых, в земле Российской просиявших²¹⁷.

«Своеобразно» была проведена в 1978 году канонизация местночтимого святителя Мелетия (Леонтовича), архиепископа Харьковского и Ахтырского († 29 февраля 1840): Патриарх Пимен и Синод своим постановлением от 21 февраля 1978 года утвердили службу и акафист святителю Мелетию, составленные архиепископом Харьковским и Богодуховским Никодимом (Руснаком)²¹⁸.

В 1980 году, в связи с празднованием 600-летия победы на Куликовом поле, были созданы надлежащие предпосылки к последующей (в 1988 году) канонизации великого князя Димитрия Донского. Деятельное участие Русской Православной Церкви в этом всенародном торжестве, включая юбилейные научные конференции и издания, показало широкой общественности и всему народу, какими неразрывными узами связана Церковь с историей страны и государства Российского. Значение ее патриотического служения становилось все более очевидным и в глазах властей предрекающих.

За период после Поместного Собора 1971 года при Патриархе Пимене было установлено также несколько соборных празднований святых – Тверских (1979), Новгородских (1981), Радонежских (1981), Владимирских (1982), Смоленских (1983), Белорусских (1984), Сибирских (1984), Костромских (1986), Рязанских (1987), Крымских (1988). По инициативе епархиальных архиереев Церкви были переданы мощи святителя Феодосия Черниговского, преподобного Феодосия Тотемского и гробница святителя Питирима Тамбовского.

Время было нелегкое. Сейчас трудно себе представить, сколько неожиданных проблем возникало там, где, казалось бы, их не должно было возникать! При отсутствии современных средств коммуникаций Святейший «как в воду глядел» и знал реальную ситуацию не только в центре, но и в отдаленных епархиях.

Митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий так рассказывает о своем назначении на Воронежско-Липецкую кафедру (в 1982 году): «Направляя меня в Воронеж, Святейший

²¹⁶ Цыпин Владислав, прот. Русская Православная Церковь в новейший период. 1917—1999 гг. // «Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь». М., 2000. С. 157.

²¹⁷ См.: Троице-Сергиева Лавра. Книга-альбом / Сост. архимандрит Иннокентий (Просвирнин). М.: изд. Московской Патриархии, 1987. С. 77.

²¹⁸ Андроник (Трубачев), игум. Канонизация святых в Русской Православной Церкви // «Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь». М., 2000. С. 358—359.

Патриарх Пимен не скрывал, что обстановка в епархии непростая. Из пятидесяти имевшихся храмов только чуть больше половины были пригодны для богослужений, насчитывалось лишь сорок священнослужителей, все монастыри разорены. Отношение местных чиновников к Церкви я для себя определил как дремучее. Мешок муки для просфор нельзя было купить без разрешения уполномоченного Совета по делам религий. Особенно меня возмутило намерение властей ликвидировать кафедральный Покровский собор и здание отдать под музей»²¹⁹.

Но терпение и смирение творят чудеса. Последние годы жизни Патриарха Пимена были отмечены обнадеживающими переменами. В лучшую сторону изменились отношения Церкви и государства, необратимый характер принял процесс их дальнейшей нормализации. Один Бог ведает, каких усилий это стоило Патриарху. Он часто болел: сказывались годы заключения и ссылки, перенесенные тогда лишения и невзгоды.

Торжества, посвященные 60-летию восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви в 1978 году засвидетельствовали, сколь высоким духовным авторитетом пользуется ее Предстоятель²²⁰. Равно как и празднование 70-летия Патриарха Пимена, отмеченное через 2 года. За эти 2 года по благословению Святейшего было положено немало трудов для блага Церкви, в частности, отреставрировано на добровольные пожертвования верующих несколько храмов, в том числе Успенский собор Почаевской Лавры. Едва ли не лучшим подарком к этому юбилею явилось открытое письмо Предстоятелю Церкви от о. Димитрия Дудко, написанное 5 июня 1980 года. В нем было ясно и откровенно сказано:

«Я пытался поучать Вас, что Вы идете не тем путем, каким нужно идти. Но Вы именно идете тем путем, потому что этим путем прошли и Ваши предшественники. Идя этим путем, Церковь стоит и делает свое дело, а другой путь превращается или просто в шум, или в политиканство, во что и я оказался втянутым, в чем сейчас искренне раскаиваюсь. Дело Божие делается скромно и тихо, терпеливо и смиренно, а не так, как мне мечталось в моем воображении»²²¹.

Независимый зарубежный исследователь после подробного анализа этого заявления о. Димитрия делает следующий вывод: «Отсюда получается, что не слабость и страх были причиной покаяния Дудко, а решение обрести свободу, даже ценой своей личной репутации, для того, чтобы служить священником и проповедовать «погибающим»²²².

Именно этой же мотивацией, на наш взгляд, руководствовался и Патриарх Пимен в тех своих действиях, которые были явным компромиссом с властями предрежущими.

«...Вся моя жизнь посвящена служению Русской Православной Церкви. О том, как я совершаю это служение, судить не мне: об этом судят люди и знает Господь-Сердевец», – сказал сам Патриарх²²³.

В 1977 году небольшим тиражом вышел 1-й, а в 1985 году – 2-й том патриарших «Слов, речей, посланий, обращений». Оба тома как бы подводили предварительные итоги всей его жизни.

4 декабря 1982 года, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, Русская Церковь торжественно отпраздновала четверть века со времени епископской хиротонии своего Предстоятеля (совершенной 17 ноября 1957 года). В приветственном адресе Священного Синода по этому случаю было сказано: «Для богоспасаемой паствы Вы являетесь ревност-

²¹⁹ Цит. по: Королев А. Пожнём, если не ослабеем. Духовенство стремится отвечать на вызовы времени // «Труд» (газета). 3 сентября 2002 г.

²²⁰ См.: «Московский Патриархат. 1917—1977». Книга-альбом. Изд. Московской Патриархии, 1978.

²²¹ «Журнал Московской Патриархии». 1980. № 7. С. 4.

²²² Эллис Д. Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие / Пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. Лондон, 1990. С. 241.

²²³ Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слово в МДА 23 июля 1980 г. // Слова... Т. 2. С. 388.

ным путеводителем ко спасению; благодатным строителем Тайн Божиих; мудрым проповедником и учителем веры и правды Божией. Для пастырей Церкви – опытным в духовной жизни и заботливым руководителем, наставляющим их своим примером...»²²⁴

За день до того, 2 декабря, в Московской Духовной академии состоялось торжественное собрание, на котором было произнесено много теплых слов в адрес юбиляра; с докладами выступили архиепископ Волоколамский Питирим («Богословие Святейшего Патриарха Пимена. Его общественное и миротворческое служение»), доцент МДА архимандрит Иоанн (Маслов) («Святейший Патриарх Пимен – поборник церковных традиций»), протоиерей Николай Смирнов («Путь архипастырского служения Святейшего Патриарха Пимена») и проф. МДА К. Е. Скурат («Слова вечной жизни Святейшего Патриарха Пимена»). Виновик торжества, впрочем, уклонился от присутствия на этом чествовании.

Интересно отметить, что председатель Совета по делам религий В. А. Куроедов на официальном приеме, поздравляя Патриарха Пимена, произнес непривычные в устах чиновного атеиста слова: «За годы Вашего служения как Главы Церкви Русская Православная Церковь стала лидером *прогрессивного религиозного мира*... (курсив мой. – В. Н.)»²²⁵.

Другой, не менее значительный юбилей – 75-летие со дня рождения Патриарха – Русская Церковь молитвенно отметила 23 (10) июля 1985 года. Празднование состоялось в Троице-Сергиевой Лавре. Предстоятель Церкви возглавил торжественный акт и трапезу, выступил на них с речами. За *патриотическую деятельность в защиту мира и в связи с семидесятилетием* со дня рождения Президиум Верховного Совета СССР (председателем которого был тогда Андрей Громыко) наградил его орденом Трудового Красного Знамени. Несколько ранее, а именно 11 июня, в связи с 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Его Святейшеству была вручена юбилейная медаль. Эти юбилеи и награды вызвали у него не только чувство удовлетворения, но и породили немало горестных воспоминаний...

1985 год завершился для Русской Церкви важным историческим событием – празднованием 300-летия основания Московской Духовной академии.

Основанная 25 декабря (по новому стилю) 1685 года учеными монахами братьями Иоанникием и Софронием Лихудами как средоточие духовного просвещения для православного Востока, Славяно-Греко-Латинская академия, впоследствии переименованная в Московскую Духовную академию, на протяжении всей своей истории была не только высшей школой богословской науки, но и хранительницей истинной веры, подлинного благочестия и христианской нравственности. «Пребывая в послушании у тайнозрителя Пресвятой Троицы аввы Сергия, преподаватели и студенты Московских духовных школ учатся у него опытному боговедению, которое является венцом и конечной целью богословия»²²⁶. Эту мысль выразил Патриарх Пимен, выступая на академических торжествах 29 декабря 1985 года.

Примерно за месяц до того в состоянии его здоровья наступило заметное ухудшение. Поездка в Карловы Вары осенью того года не сумела помешать обострению сахарного диабета, как диагностировали врачи. Превозмогая телесные немощи, Святейший, однако, продолжал свои труды и неослабные усилия, старался оставаться кормчим в деле управления церковным кораблем. Одной из главных его забот оставалось попечение о замещении епископских кафедр достойными кандидатами.

²²⁴ «Журнал Московской Патриархии». 1983. № 2. С. 13.

²²⁵ «Журнал Московской Патриархии». 1983. № 2. С. 16.

²²⁶ «Журнал Московской Патриархии». 1986. № 4. С. 10.

Когда после долгой болезни Патриарх Пимен, с трудом передвигая ноги, появился в Богоявленском соборе, прихожане радовались за него и говорили с воодушевлением, что служба Божия для него драгоценна, что не служить для Предстоятеля – в тягость.

Выдающийся языковед Евгений Михайлович Верещагин, многолетний прихожанин этого собора, вспоминает: «Явно преодолевая себя и ступая мелкими шажками, он все же обходил с кадилом храм, покуда на двенадесятый праздник пелось величание. Он просто купался в любви церковного народа. Знание Патриархом Пименом последований простиралось так далеко, что даже отпуст на Троицу, необычайно длинный и сложный, он мог произнести наизусть»²²⁷.

К 76-летию Его Святейшества приурочили празднование 15-й годовщины его патриаршей интронизации. Этот день Патриарх Пимен провел в Троице-Сергиевой Лавре. После Божественной литургии в Успенском соборе был совершен благодарственный молебен с приглашением многолетия Предстоятелю Русской Церкви. На приеме в Тронном зале патриарших покоев, наряду с приветствиями от русских иерархов, прозвучало поздравление инославного гостя, президента Латиноамериканского Совета Церквей епископа Федерико Пагуры. Он сказал, обращаясь к Патриарху Пимену: «Во всем мире известна Ваша деятельность на благо всего человечества. Мы рады сегодня быть свидетелями того, какой любовью Вы пользуетесь в Церкви. Мы благодарим Бога за Ваше служение Церкви, за служение великому делу мира во всем мире. *Мы уверены, что в наше время нет более важного дела, чем служение христиан делу мира и справедливости во всем мире*»²²⁸.

Патриарх Пимен лично возглавил юбилейные торжества, посвященные 650-летию Троице-Сергиевой Лавры (1337—1987), прошедшие с 18 по 20 июля 1987 года. В эти дни были совершены богослужения, на которых присутствовало много зарубежных гостей, прошел богословский симпозиум, был дан концерт церковной музыки силами учащихся московских духовных школ, состоялся патриарший прием.

В связи с юбилеем Лавры Святейший Патриарх Пимен обратился к чадам Русской Церкви со специальным Посланием, украшенным эпитафией из тропаря Собору Радонежских святых: «Днесь светло празднуем, вернии людие, преславныя Троицкия обители торжество».

В Послании Патриарх особо подчеркнул, что 650-летие Троице-Сергиевой Лавры предваряет другое великое событие в жизни Русской Церкви – 1000-летие Крещения Руси. С радостью отмечая отрадный факт, что среди братии Лавры сегодня много молодых иноков, как бы невольно вспоминая свою собственную молодость, Предстоятель Русской Церкви обратился к юным подвижникам с взволнованными словами: «Перед вами, дорогие мои, нелегкое, но благое поприще. *Во всем показывай в себе образец добрых дел, в учительстве чистоту, степенность, неповрежденность, слово здоровое, неукоризненное*, чтобы никто не мог ничего сказать о нас худого – так назидает нас святой апостол Павел (Тит. 2, 7–8). Подъяв же иго иноческого служения для подражания Преподобному Сергию, мы берем на себя и обет исполнения его отеческого, игуменского завета: «Прежде имейте страх Божий, и чистоту душевную и телесную, и любовь нелицемерную; к сим же страннолюбие и смирение, и пост, и молитву. Пища и питье в меру; чести и славы не любите, бойтесь и поминайте час смертный...» И сам Преподобный, духом невидимо здесь присутствуя и ниспосылая благословение через свои мощи, да пребудет всегда вашим руководителем и наставником»²²⁹.

²²⁷ Цит. по: Любартович В.А., Юхименко Е.М. Собор Богоявления в Елохове. История храма и прихода. М., 2004. С. 231.

²²⁸ «Журнал Московской Патриархии». 1986. № 10. С. 10.

²²⁹ «Журнал Московской Патриархии». 1987. № 7. С. 2–4.

* * *

В 1987 году в Милане в издательстве «Паолине» вышел в свет на итальянском языке сборник интервью Патриарха Пимена «Mille anni di fede in Russia» («Тысяча лет веры в России»), которые он дал известному журналисту, корреспонденту газеты «Унита» Альчесте Сантини. Книгу с благожелательным интересом встретили зарубежные читатели, но она, к сожалению, осталась в то время практически недоступной читателям в самой России. Между тем книга эта заслуживает внимания и не утратила своего значения и поныне²³⁰. Об этом нам кажется важным вспомнить и напомнить.

В своих интервью Патриарх Пимен предвосхитил немало концептуальных положений, нашедших выражение в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятой на юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 году.

В редакционном предисловии к сборнику подчеркнута важность этого документального свидетельства об истории и современной жизни Русской Православной Церкви, отклика на актуальные проблемы христианства в контексте экуменического движения, в частности диалога Русской Православной и Римско-Католической Церквей.

Семи главам книги предшествует статья Альчесте Сантини «Значение тысячелетия. От Киевской Руси до сегодняшнего дня», а также сведения о Патриархе Пимене – его жизненном пути и высоком служении.

В 1-й главе «Русская Православная Церковь и ее устройство» Предстоятель рассказал о структуре и высших законодательных органах Русской Церкви, о деятельности Священного Синода и синодальных отделов, о работе епархиальных архиереев, функциях церковно-приходских советов, деятельности Духовных школ. Говоря о соотношении традиции и обновления в современной церковной жизни, он подчеркнул, что Русская Церковь не мыслит себя вне «реальной жизни, динамичной в своем течении, функциях и содержании».

Отвечая на настойчивые вопросы относительно так называемого «женского священства», Патриарх Пимен разъяснил, что, предоставляя женщинам широкие возможности для христианского служения, Русская Церковь сохраняет неизблемыми свои духовные традиции и принципы веры.

Большое внимание уделил Предстоятель почитанию святых угодников Божиих, особенностям монашеского подвига в Русской Церкви, православной молитве, красоте богослужения, исконным традициям паломничества в святые места. Подробно рассказал об издательской деятельности Русской Православной Церкви, ее духовных школах и развитии русской богословской и религиозной мысли. В наших духовных академиях, отметил Патриарх Пимен, достаточно известны труды таких западных богословов, как Карл Барт, Карл Ранер, Юрген Мольтман, Ив Конгар, Рейнгольд Нибур, Пауль Тиллих, Урс фон Бальтазар, кардинал Иосиф Ратцингер [нынешний Папа Бенедикт XVI] и других.

Во 2-й главе книги «Крупные современные вопросы» Патриарх поведал о некоторых моральных, социальных, научных и религиозных проблемах современности, которые касаются личной ответственности человека, свободы его выбора и последствий этого выбора, межличностных отношений, самого будущего человечества; в частности, было рассмотрено отношение Православной Церкви к проблемам деторождения, разводу и сексуальной свободе, а также к генной инженерии, ядерной и экологической угрозе. Всякая жизнь от Бога, подчеркнул Патриарх Пимен, ссылаясь на Священное Писание (Иер. 1, 5), и искусственное ее прекращение недопустимо. Хотя технические средства искусственного прекращения

²³⁰ См.: Никитин В. А. Тысяча лет веры в России. Пимен, Патриарх Московский и всяя Руси, дает интервью Альчесте Сантини. Милан. Изд. Паолине, 1987 // «Журнал Московской Патриархии», 1988. № 5; Портал-Credo.Ru, 22 августа 2002 г.

беременности совершенствуются, принципиальное отношение Церкви к этой проблеме не может измениться. Неизменным остается и взгляд Церкви на недопустимость и нежелательность развода, суровое осуждение супружеской измены и т. н. сексуальной свободы.

Касаясь последствий научно-технической революции в контексте взаимоотношений человека и природы, Патриарх Пимен высказал основополагающие по этому вопросу мысли: «Нужно только приветствовать великие открытия человечества... Но эти открытия должны служить не только знанию, но и совершенствовать сознание, увеличивать ответственность... Мы не устаем повторять, что богопротивны и недопустимы биологическое и химическое оружие, а также эксперименты, вредящие человеку и окружающей среде... Недопустимы всякого рода технические сооружения, подавляющие природу и нарушающие естественное течение природных процессов... Наступило время координации экологических планов в масштабах всей планеты».

В 3-й главе «Тысячелетие верующего народа» Патриарх Пимен осветил широкий спектр вопросов, связанных с тысячелетней историей Русской Церкви и более чем тысячелетней историей русской государственности, начало которой восходит к 862 году. «На протяжении истории нашего государства, – напомнил Предстоятель, – Русская Православная Церковь в периоды тяжелых испытаний неизменно была со своим народом, разделяя его тяготы, благословляя и вдохновляя его, когда это было необходимо, на священную борьбу против иноземных завоевателей».

Отвечая на ряд конкретных вопросов, Патриарх Пимен рассказал о подготовке к празднованию великого юбилея 1000-летия Крещения Руси, положительно оценив помощь, оказываемую Русской Церкви со стороны Совета по делам религий при Совете Министров СССР, осуществляемую в духе дальнейшего развития социализма и демократии, гласности и перестройки, провозглашенных М. С. Горбачевым.

На вопрос о религиозном возрождении в СССР Патриарх Пимен ответил, что секуляризация общественной жизни ставит перед Русской Православной Церковью те же проблемы, что и перед другими христианскими Церквями. Наша Церковь радуется умножению своих чад и скорбит об их утрате. «Диссидентской» Церкви у нас нет. Речь может идти лишь об отдельных лицах, принадлежащих к Церкви, но при этом допускающих критику священноначалия в вопросах церковного руководства. Согласно каноническому праву Православной Церкви, подобная критика должна быть прежде всего высказана перед своим епископом или синодом епископов, далее – на Поместном Церковном Соборе, а не распространяться независимо от этого в ущерб Церкви и стране.

В 4-й главе «Пастыри для железного века» Патриарх Пимен рассказал о жизни и деятельности своих предшественников – Патриархов Тихона, Сергия и Алексия I. Именно трудами Патриарха Тихона, отметил он, был заложен фундамент для дальнейшего существования Русской Церкви в условиях новой социальной действительности. Принципиальная лояльность Церкви по отношению к государству, искренность ее глубокого патриотизма выявились в полной мере в годы Великой Отечественной войны.

Из числа выдающихся церковных деятелей, сподвижников Патриархов Тихона, Сергия и Алексия I, Патриарх Пимен выделил нескольких иерархов, заслуги которых перед Русской Церковью особенно значительны. Это митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич)²³¹, митрополит Куйбышевский Мануил (Лемешевский)²³², архиепископ Сим-

²³¹ Митрополит Николай (в миру Борис Дорофеевич Ярушевич) род. 31.12.1891 в г. Ковне, в семье настоятеля Александро-Невского собора прот. Дорофея Ярушевича. После окончания Санкт-Петербургской Духовной академии в 1914 рукоположен в сан иеромонаха. С 1915 преподавал в Санкт-Петербургской Духовной семинарии. В 1917 удостоен степени магистра богословия. В 1918 – настоятель Петергофского собора. В 1919 возведен в сан архимандрита, заместителя Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. В 1922 хиротонисан во епископа Петергофского, викария Ленинградской епархии. В 1935 возведен в сан архиепископа. С 1936 по 1940, оставаясь архиепископом Петергофским, управлял Новгородской и

феропольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий)²³³, митрополит Виленский и Литов-

Псковской епархиями. В 1940 – архиепископ Волынский и Луцкий, Экзарх Украины и Белоруссии. С 15 июля 1941 – митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины. С февраля 1942 по сентябрь 1943 – заместитель Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) по управлению Московской епархией и управляющий делами Московской Патриархии на время эвакуации митрополита Сергия в Ульяновск. За патриотическую деятельность в столице награжден медалью «За оборону Москвы». 2 ноября 1942 указом Президиума Верховного Совета СССР назначен членом Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и его сообщников. С 1943 – член редакционной комиссии «Журнала Московской Патриархии». В 1946–1960 возглавлял Издательский отдел при Священном Синоде, являлся гл. редактором «Журнала Московской Патриархии». 28 января 1944 назначен митрополитом Крутицким, управляющим Московской епархией. В апреле 1946 назначен председателем созданного при Священном Синоде Отдела внешних церковных сношений. 11 апреля 1949 удостоен ученой степени доктора богословия. 12 мая 1952 награжден панагией с украшениями за труды по организации конференции всех Церквей и религиозных объединений в СССР. 6 августа 1955 награжден орденом Трудового Красного знамени. Выполнял наиболее ответственные поручения Патриарха Алексия I. Состоял членом Советского комитета защиты мира, Палестинского Общества при Академии наук СССР и Славянского комитета СССР. Автор многих богословских трудов и выдающийся проповедник. В 1960 подвергся опале со стороны властей предрежащих: 21 июня освобожден от должности председателя Отдела внешних церковных сношений, 19 сентября – от должности митрополита Крутицкого и Коломенского. Скончался 13 декабря 1961 при невыясненных обстоятельствах. Погребен в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

²³² Митрополит Куйбышевский и Сызранский Мануил (в миру Виктор Викторович Лемешевский; 1884–1968) – церковный историк. В годы обучения на юридическом факультете Петербургского университета и в Петроградской Духовной академии (1916–1918) увлекся литературным творчеством, автор романа-дневника «На пути к иному миру» (1908) и романа «Их было четыре» (1909). Окончил высшие библиотечные курсы в Петрограде в 1920. В 1911 пострижен в монашество, с сентября 1912 – иеромонах. В 1912–1916 – помощник начальника Киргизской духовной миссии в Семипалатинске. С 1919 ст. библиотечарь при Всероссийском Центральном Педагогическом Музее Наркомпроса РСФСР. В 1921–1923 – преподаватель Священного Писания Ветхого Завета на пастырских курсах в Петрограде. С 21 сентября 1923 – архимандрит, с 23 сентября 1923 – епископ Лужский, викарий Петроградской епархии. В результате деятельности епископа Мануила большинство обновленческих храмов епархии, а также монашествующие Александро-Невской Лавры вернулись в лоно Матери-Церкви. В феврале 1924 арестован, приговорен к 3 годам лишения свободы. В 1924–1928 в Соловецком лагере написал «Соловецкий Некрополь», «Соловецкие письма об епископстве», «Новый Соловецкий Патерик». После освобождения прибыл в Ленинград, где активно выступал против «иосифлянского» движения на стороне митрополита Сергия (Страгородского). С апреля 1928 – епископ Серпуховский, с октября 1929 – епископ Серпуховский и Каширский, викарий Московской епархии. В 1931–1932 находился в тюрьме, в 1933–1936 отбывал заключение в Маринских лагерях. После освобождения жил в поселке Завидово Калининской области, в 1937 составил «Словарь советских сокращений и условных наименований». 1 мая 1939 арестован по «делу» Истинно-православной Церкви, отбывал срок в лагерях Канска. Осенью 1944 освобожден. С февраля 1945 – епископ Чкаловский. С июля 1945 – епископ Чкаловский и Бузулукский. С апреля 1946 – архиепископ. Составил «Патерик Оренбургский», «Патерик Бузулукский», «Алфавитный указатель имен всех русских святых, местночтимых подвижников и праведников благочестия с X века до 1917 года», «Словарь русских святых и местночтимых (988–XVII вв.)». 4 сентября 1948 арестован, в апреле 1949 приговорен к 10 годам лишения свободы и отправлен в Потемские лагеря в Мордовии. В 1955 освобожден. С декабря 1955 – временно управляющий Чебоксарско-Чувашской епархией. С февраля 1956 – архиепископ Чебоксарский и Чувашский. С марта 1960 – архиепископ Куйбышевский и Сызранский. С февраля 1962 – митрополит. В ноябре 1965 уволен на покой по болезни с правом служения и с пребыванием в городе Куйбышеве. Похоронен в Покровском кафедральном соборе Самары. Чин погребения возглавил митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков). См.: Митрополит Иоанн (Снычев). Жизнь и служение митрополита Мануила. Самара, 1997.

²³³ Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий; 1877–1961) – выдающийся хирург и богослов, канонизирован Русской Православной Церковью в сонме новомучеников и исповедников Российских в 2000; память – 11 июня. Окончил медич. факультет Киевского университета. Работал хирургом в Чите, в Симбирской губернии, в Курской области, в Институте топографической анатомии в Москве. В 1915 издал в Петербурге книгу «Регионарная анестезия», в 1916 защитил ее как диссертацию и получил степень доктора медицины. Продолжил практическую хирургию в Саратовской области, затем в Переславль-Залесском, в Феодоровском женском монастыре. С марта 1917 г. – гл. врач городской больницы Ташкента. В феврале 1921 рукоположен в диакона и пресвитера. В мае 1923 тайно пострижен в монашество и рукоположен в епископа ссыльными епископами; спустя неделю был арестован. Прошел по этапу Ташкент – Москва – Енисейск – Туруханск – деревня Плахино. В январе 1926 вернулся в Ташкент. В мае 1930 вновь арестован и этапирован в Архангельск. Освобожден в мае 1933. Осенью 1934 издал монографию «Очерки гнойной хирургии», приобретшую мировую известность. Несколько лет возглавлял главную операционную в Институте неотложной помощи Ташкента. В июле 1937 вновь арестован. С марта 1940 работал хирургом в ссылке. С октября 1941 – консультант госпиталей Красноярского края и гл. хирург эвакуационного госпиталя. Осенью 1942 возведен в сан архиепископа и назначен на Красноярскую кафедру. В конце 1943 опубликовал 2-е изд. «Очерков гнойной хирургии», в 1944 – монографию «О течении хронической эмпиемы и хондритах» и книгу «Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов». С февраля 1944 возглавлял Тамбовскую кафедру. Автор апологетической книги «Дух, душа и тело». С мая 1946 возглавлял Крымскую кафедру в Симферополе. За «Очерки гнойной хирургии» в 1946 удостоен Сталинской премии. В 1955 ослеп. Умер в праздник Всех святых, в земле Российской просиявших. См.: Лисичкин В. А. Лука, врач возлюбленный. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2009.

ский Елевферий (Богоявленский)²³⁴, митрополит Северо-Американский Вениамин (Федченков)²³⁵, митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов)²³⁶.

²³⁴ Митрополит Виленский и Литовский Елевферий (в миру Дмитрий Яковлевич Богоявленский; 1868—1940) в 1889 окончил Курскую Духовную семинарию, в 1904 – Санкт-Петербургскую Духовную академию. Будучи студентом, принял монашеский постриг. С 1906 – инспектор Холмской Духовной семинарии; с 1909, в сане архимандрита, ректор Смоленской Духовной семинарии. В августе 1911 хиротонисан в епископа Ковенского, викария Литовской епархии. В 1914, после начала I мировой войны, переселился в московский Донской монастырь; по окончании военных действий возвратился в свою епархию. В июне 1917 назначен управляющим Литовской епархией. Был членом Всероссийского Поместного Собора 1917—1918. В июле 1921 возведен в сан архиепископа Литовского и Виленского и назначен священноархимандритом Свято-Духова монастыря в Вильно. Город был оккупирован и в марте 1922 аннексирован Польшей. Владыка Елевферий противостоял автокефалистским тенденциям в Польской Православной Церкви и сохранял верность юрисдикции Московской Патриархии. В ноябре 1928 возведен в сан митрополита Литовского и Виленского. В декабре 1930 назначен управляющим Западноевропейскими русскими приходами, пожелавшими остаться в ведении Московской Патриархии. После передачи Литве части бывшей до того польской территории Союзом ССР, в ноябре 1939 вернулся в Вильнюс. Похоронен в архиерейской усыпальнице в храме Свято-Духова монастыря в Вильнюсе. Автор сочинений: «Неделя в Патриархии». Париж, 1933; «Соборность Церкви. Божие и Кесарево». Париж, 1938; «Папство в вопросе соединения Церквей». Париж, 1940.

²³⁵ Митрополит Алеутский и Северо-Американский Вениамин (в миру Федченков Иван Афанасьевич; 1880—1961) в 1907 окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. В 1907 рукоположен в сан иеромонаха. Был личным секретарем архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского), исполнял обязанности доцента Санкт-Петербургской Духовной академии по кафедре пастырского богословия, гомилетики и аскетики. В декабре 1911 возведен в сан архимандрита. В августе 1913 назначен ректором Тверской Духовной семинарии. Принимал участие в Поместном Соборе 1917—1918, являясь сторонником восстановления Патриаршества. В 1918 участвовал во Всеукраинском Церковном соборе в Киеве, утвердившем каноническое единство с Патриархом Московским и всея России. В феврале 1919 хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. В апреле 1920 принял предложение генерала П. Н. Врангеля возглавить военное духовенство Белой армии. В ноябре 1920 эвакуировался из Крыма. За годы вынужденной эмиграции посетил многие страны Европы, США и Канаду. Выступил убежденным сторонником организации самостоятельной церковной жизни русских беженцев. Возглавил комиссию по подготовке Русского Всезарубежного церковного Собора 1921 в Сремских Карловцах. Осенью 1923 стал викарием архиепископа Пражского и всея Чехословакии Савватия в Карпатской Руси. В октябре 1923 участвовал в первом съезде русской студенческой христианской молодежи в Пшерове, положившем начало РСХД. В мае 1924 выслан из Чехословакии. Летом 1925 исполнял обязанности инспектора в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже. В конце 1926 выехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В городе Бела Црква был законоучителем Крымского кадетского корпуса, начальником Богословско-пастырских курсов и настоятелем в русском приходе. Осенью 1929 вернулся в Свято-Сергиевский православный богословский институт, вновь заняв должность инспектора и преподавателя. В 1930 остался верным московскому Патриаршему Синоду и был вынужден покинуть Свято-Сергиевский институт. В марте 1931 провел епархиальное собрание, на котором было принято решение о создании прихода в честь трех Вселенских святителей и Тихона Задонского. Храм этого прихода получил статус патриаршего подворья и стал известен как Трехсвятительское подворье Московского Патриархата. В 1931—1933 – настоятель Трехсвятительского подворья и викарий митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского), управляющего русскими приходами Московского Патриархата в Западной Европе. В апреле 1932 возведен в сан архиепископа. В ноябре 1933 назначен архиепископом Алеутским и Северо-Американским, экзархом Русской Православной Церкви в Северной Америке. В июне 1938 возведен в сан митрополита. После нападения Германии на Советский Союз был избран Почетным председателем Русско-американского Комитета помощи России. Зимой 1945 участвовал в Поместном соборе Русской Православной Церкви в Москве. Летом 1945 получил гражданство СССР. В августе 1947 назначен митрополитом Рижским и Латвийским. Добился разрешения на издание епархиального бюллетеня «Вести», открыл двухлетние пастырские курсы, устроил в Дубултах скит с храмом. В марте 1951 назначен митрополитом Ростовским и Новочеркасским, в ноябре 1955 – Саратовским и Балашовским. В феврале 1958 уволен на покой с благословением пребывать в Псково-Печерском монастыре. Автор сочинений, посвященных догмату искупления, литургическому наследию Церкви, объяснению молитвы Господней, имяславию, жизнеописанию Иоанна Кронштадтского, Серафима Саровского, дневников и мемуаров. Место погребения окружено почитанием паломников. Ведется сбор материалов для подготовки к прославлению в лике преподобных отцов Псково-Печерских.

²³⁶ Митрополит Ленинградский и Ладожский Никодим (в миру Борис Георгиевич Ротов; 1929—1978), председатель Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии (с 1960 по 1972). По окончании средней школы поступил в Рязанский педагогический институт на факультет естествознания. В августе 1947 принял монашеский постриг с именем Никодим и причислен к Ярославскому архиерейскому дому. В ноябре 1949 рукоположен во иеромонаха и назначен настоятелем храма в честь Рождества Христова в селе Давыдове Ярославской области. С августа 1950 – настоятель храма в честь св. Димитрия царевича в Угличе и благочинный Угличского округа. В 1950 поступил на заочный сектор Ленинградской Духовной семинарии, по окончании которой зачислен студентом Ленинградской Духовной академии. В январе 1952 назначен клириком кафедрального собора в Ярославле и секретарем архиепископа Ярославского и Ростовского; с декабря 1954 – и. о. настоятеля. В 1955 окончил Ленинградскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. С февраля 1956 – член Русской Духовной миссии в Иерусалиме. В марте 1957 возведен в сан игумена. С сентября 1957 – начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в сане архимандрита. В марте 1959 назначен заведующим канцелярией Московской Патриархии. С июня 1959 – заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений. Летом 1960 стал пред-

В 5-й главе «Экуменический диалог. Русская Православная Церковь и другие христианские Церкви» Патриарх Пимен подчеркнул важность задачи созыва Всеправославного Собора, о чем нельзя говорить «без единомыслия, без согласия по всем темам повестки [Собора] со стороны всех Поместных Церквей».

Отвечая на вопрос о тогдашнем статусе Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, Патриарх Пимен выразил глубокое сожаление о сокращении числа иноков в этой прославленной обители и вместе с тем надежду на то, что власти Греции дадут разрешение на пополнение монастыря новыми насельниками из России.

Он положительно оценил участие Русской Православной Церкви во Всемирном Совете Церквей, дружественные отношения и широкое сотрудничество Русской Церкви с инославными Церквями и конфессиями, участие наших представителей в работе Смешанных богословских комиссий по диалогу с англиканами, старокатоликами, лютеранами, реформатами и др. С удовлетворением отметил наличие разносторонних связей и контактов Русской Церкви с Древними Восточными (нехалкидонскими) Церквями, подчеркнув то важное обстоятельство, что наши расхождения с так называемыми «монофизитами» в области христологии носят условно-терминологический характер, не являясь расхождениями по существу. К этому выводу пришла Межправославная комиссия по диалогу с Древними Восточными Церквями, постановившая, что их по праву можно считать *православными Церквями другой ориентальной (восточной) традиции*.

Касаясь вопросов социальной справедливости, мира и международного сотрудничества, Патриарх Пимен отметил, что разговоры о так называемой горизонтальной и вертикальной линиях, об их различии или предпочтении неправомерны: «Церковь призвана служить делу спасения людей и звать людей в Царство Божие. Вместе с тем она не может оставаться равнодушной к таким проявлениям зла, как социальная несправедливость, агрессивные войны, угнетение человека человеком... С проявлениями подобного социального зла христиан и Церковь должны бороться не менее, чем с личными грехами и несовершенствами людей в нравственной области».

6-я глава «Первый и третий Рим» была посвящена экуменическому диалогу между Русской Православной и Римско-Католической Церквями. Патриарх Пимен дал ретроспективный анализ этого диалога, начиная со времени понтификата Папы Римского Иоанна XXIII, когда отношения между обеими Церквями получили благоприятное развитие. Большое позитивное значение имел декрет Второго Ватиканского Собора «Об экуменизме» (содержащий признание отцами Собора роли и значения Православных Церквей, сохранивших силу апостольской преемственности и истинных Таинств), а также учреждение Епископского Синода в Католической Церкви.

Вместе с тем подтверждение Вторым Ватиканским Собором учения о Папской непогрешимости и примате Римского Первосвященника продолжает оставаться камнем претк-

---

седателем ОВЦС и был хиротонисан во епископа Подольского, викария Московской епархии; тогда же включен в состав новоучрежденной Комиссии по межхристианским связям при Священном Синоде. С сентября 1960 руководил Издательским отделом Московской Патриархии. С ноября 1960 года – епископ Ярославский и Ростовский. В июне 1961 возведен в сан архиепископа. На Архиерейском Соборе 1961 сделал доклад о необходимости и своевременности вступления РПЦ во Всемирный Совет Церквей. С августа 1963 – Председатель Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства. В октябре 1963 назначен митрополитом Ленинградским и Ладужским, в октябре 1967 по совместительству – управляющим Новгородской епархией с титулом «Ленинградский и Новгородский». В июле 1968 возглавлял делегацию Московского Патриархата на IV Ассамблее ВСЦ в Упсале, Швеция. В мае 1972 освобожден по болезни от должности председателя ОВЦС. В сентябре 1974 назначен Патриаршим Экзархом Западной Европы. В 1975 возглавил делегацию Русской Церкви на V Генеральной Ассамблее ВСЦ в Найроби; был избран Президентом Всемирного Совета Церквей. Возглавлял делегации Московского Патриархата на Всеправославных Совещаниях 1961, 1963, 1964 и 1968. Умер 3 сентября 1978 в Ватикане, находясь во главе делегации Русской Церкви по случаю интронизации Папы Римского Иоанна-Павла I во время аудиенции у него. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.

новения в современном диалоге между обеими Церквами, ибо здесь затронуто «различное понимание экклезиологии».

Особо спорным является вопрос об униатах, осложняющий взаимоотношения Церквей-сестер в настоящее время.

Характеризуя деятельность Папы Иоанна Павла II, Патриарх Пимен положительно оценил ее динамизм и пастырскую направленность. Вместе с тем он сдержанно отозвался об энциклике *Dominum et vivificantem* («Господа и Животворящего», 18 мая 1986 г.), в которой изложено католическое учение о Святом Духе и которая содержит критику материализма как идеологии, но не затрагивает проблем, вызванных широким распространением практического материализма в развитых странах мира.

Отвечая на вопрос о другой энциклике Папы Иоанна Павла II – *Slavorum Apostoli* («Апостолы славян», 2 июня 1985 г.), посвященной святым равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию, учителям Словенским, Патриарх Пимен с удовлетворением отметил, что в энциклике «излагаются идеи о необходимости диалога и сотрудничества, объединения всей Европы в рамках мирного сосуществования, которое мыслится как преодоление непонимания и недоверия, идеологических конфликтов».

Глава 7-я «Диалог между Церквами в СССР» явилась рассказом Патриарха Пимена о подлинно экуменических, братских отношениях Русской Православной Церкви с другими христианскими Церквями и конфессиями на территории Советского Союза, о сотрудничестве христиан в деле сохранения и упрочения мира с иудеями, мусульманами и буддистами, на основе принципов широкой веротерпимости и взаимного уважения, закрепленных конституционно. Русская Православная Церковь, подчеркнул Патриарх Пимен, считает миротворчество неотъемлемой частью своего спасительного служения, осуществляя его в тесном сотрудничестве со всеми людьми доброй воли, последовательно и неизменно выступая за спасение священного дара жизни, всеобщее разоружение, космос без оружия. Патриарх дал высокую оценку всемирным миротворческим форумам, состоявшимся в Москве по инициативе Русской Церкви в 1977 и 1982 годах.

В заключение он отметил с воодушевлением: «Благодаря поддержке народа мы видим ныне обновляемые храмы и монастыри, наблюдаем все большее благолепие в наших храмах, мы ощущаем богословский рост в недрах Духовных школ, мы находим общность с людьми и в понимании задач Церкви в трудах по укреплению мира и справедливости, чувствуем поддержку в экуменическом движении, частью которого является жизнь во всем ее многообразии перед нашим мысленным взором. Защита жизни в ее духовном и иных аспектах стала существенной частью церковной проповеди и деятельности. В настоящее время наша Церковь празднует свое 1000-летие и, вознося благодарственные молитвы Единосущному и Триипостасному Богу за благодеяния, бывшие на Святой нашей Церкви в минувшие лета, с упованием на благодатную силу и помощь свыше взирает в грядущие времена. Церковь есть новая жизнь, благодатная и святая, которая основана на земле Иисусом Христом. Она растет и ширится благодатью Духа Святого до Второго Пришествия, пока не обнимет собой весь мир (Еф. 1, 22—23). Благодатная реальность Церкви питает нашу веру и укрепляет в сознании ее вечности».

* * *

В том же 1987 году Патриарх Пимен непосредственно возглавил подготовку к торжествам 1000-летия Крещения Руси и юбилейному Поместному Собору, создав Архиерейское Предсоборное Совещание.

В работе Совещания, прошедшего с 28 по 31 марта 1988 года в Москве под председательством Первосвященителя, приняли участие семьдесят один архиерей. Успенский храм

Новодевичьего монастыря встретил участников Совещания в обновленном праздничном убранстве. В своем вступительном слове Патриарх Пимен отметил, что включенные в повестку дня Совещания вопросы разработаны Комиссией Священного Синода по подготовке и проведению юбилея, которая осуществила большую работу со времени своего образования в 1980 году. Патриарх остановился на программе Поместного Собора, выделив ее основные пункты.

«Мы являемся свидетелями и участниками благотворного процесса в истории нашего Отечества, – подчеркнул Патриарх Пимен, – когда все стороны жизни общества подвергаются обновлению, наполняются новым духом и содержанием». Он обратил внимание на важное значение, какое приобретают при этом нравственные ценности. Чада Церкви с воодушевлением восприняли так называемую перестройку и активно включились в ее осуществление. Сообщив, что в конце мая – начале июня в Москве состоится четвертая встреча в верхах, Патриарх выразил надежду на ожидаемое в связи с этим «продолжение благотворного процесса продвижения человечества к безъядерному миру, начатого на предыдущей встрече лидеров двух великих держав».

Участники Предсоборного Совещания отметили заботу Патриарха Пимена и Священного Синода о благоустройении различных сторон жизни Русской Православной Церкви. С удовлетворением было сказано, что в ходе постоянного диалога Священноначалия и Совета по делам религий при Совете Министров СССР по вопросам текущей жизни Русской Православной Церкви достигается должное взаимопонимание.

Так, в ответ на просьбу Патриарха Пимена, в 1983 году Русской Церкви был передан Данилов монастырь в Москве, в 1987 году – Козельская Введенская Оптина пустынь в Калужской области и древний Толгский монастырь в Ярославской области, возвращены мощи святителя Феодосия Черниговского и мощи некоторых святых в других епархиях.

Происходит процесс открытия и регистрации новых приходов, осуществляется сооружение новых храмов. Отменена регистрация паспортов родителей при крещении детей. Оказывается необходимое содействие в благоустройении епархиальных центров, включая строительство новых зданий. В Ленинграде Русской Православной Церкви переданы здания для нужд епархиального управления, возвращена часовня блаженной Ксении Петербургской, глубоко почитаемой верующими. Монастырям передаются необходимые для церковных нужд здания, например в Свято-Троицкой Корецкой и Успенской Пюхтицкой женских обителях.

Правительство приняло также специальное решение о всесторонней помощи по восстановлению зданий Московской Духовной академии, пострадавших в 1986 году от пожара. Московской Духовной семинарии возвращен бывший лаврский больничный корпус. Ленинградская Духовная академия получает остававшуюся занятой светским учреждением часть своего здания.

По просьбе Патриарха Пимена правительство выделило в поселке Софрино под Москвой земельный участок для строительства мастерских по производству церковных свечей и утвари, изготовлению икон. Происходит расширение деятельности Издательского отдела: ему были переданы еще несколько зданий. Осуществляется юбилейное издание Библии на русском языке тиражом 100 тысяч экземпляров. Получено согласие на ввоз в СССР в качестве дара Русской Православной Церкви к 1000-летию Крещения Руси 150 тысяч экземпляров «Толковой Библии» на русском языке (издание преемников проф. А. П. Лопухина), 100 тысяч экземпляров Библии на украинском языке и 500 тысяч Молитвословов на русском языке. Планируются другие богослужебные и богословские издания, в том числе «Изложение православной веры» (катехизис).

Церковь ожидает положительного решения на возбужденное несколько лет назад ходатайство о возвращении Дальних и Ближних пещер Киево-Печерской Лавры, что является

одной из важнейших забот Патриарха Пимена и Священноначалия Русской Православной Церкви.

Архиерейское Предсоборное Совещание завершилось заключительным словом Патриарха, в котором Первосвятитель подвел итоги Совещания и призвал своих собратьев явить всему христианскому миру на предстоящем Поместном Соборе «наше единство, нашу любовь к Святой Церкви Христовой»²³⁷.

* * *

Новый (с января 1988 года) председатель Совета по делам религий Константин Михайлович Харчев, доктор экономических наук и профессиональный дипломат, человек неординарный, не только почувствовал, что повеял ветер перемен, но и постарался предвосхитить его направление. Он начал в апреле 1988 года (без санкции ЦК КПСС) готовить встречу генерального секретаря с Патриархом Пименом и членами Священного Синода. Предполагалось, что эта встреча «раскрепостит» Русскую Церковь и предоставит ей небывалые свободы. Сохранилась Записка К. М. Харчева, которую он направил М. С. Горбачеву накануне встречи:

«По поручению правительства Совет по делам религий вместе с другими организациями и ведомствами, можно сказать, уже заканчивает работу над подготовкой проекта Закона о свободе совести, который устранил все то, что отжило, что несло в себе субъективистский и волюнтаристский дух [намек на произвол Н. С. Хрущева]. Это большая работа. Но у нас есть основа, от которой мы не откажемся и возвращение к которой жизненно необходимо. Это ленинский декрет, 70-летний юбилей которого мы не так давно отметили, ленинские принципы отношения к религии, Церкви, верующим. Отношение к Церкви, к верующим должно определяться интересами укрепления единства всех трудящихся, всего нашего народа».

Марксистско-ленинская фразеология в данной Записке, по признанию К. М. Харчева²³⁸, должна была закамуфлировать вполне конкретные шаги власти навстречу Русской Церкви: планировалось открытие Духовной семинарии в Почаевской Лавре, издание религиозной литературы большими тиражами (в том числе на украинском языке), возвращение верующим Киево-Печерской Лавры, совершение праздничной Литургии в Успенском соборе Кремля, закладка в Москве храма-памятника в честь 1000-летия Крещения Руси. И все эти конструктивные предложения были не только одобрены, но и в определенной степени иницированы Патриархом Пименом. Да, он был готов к вызовам времени. Быть может, только он один верил и знал, что большинство из этих замыслов воплотится в жизнь – и очень скоро.

Вот почему Патриарх Пимен, воспользовавшись юбилеем 1000-летия Крещения Руси, вручил М. С. Горбачеву 29 апреля 1988 года памятную записку, где прямо говорилось о несправедливостях со стороны властей предрержащих по отношению к православным христианам, о дискриминации верующих, о притеснениях и гонениях на них. В записке содержалась убедительная просьба предоставить Церкви статус юридического лица с полными правами общественной организации. Патриарх Пимен настаивал на том, чтобы составление нового государственного религиозного законодательства осуществлялось с неременным участием представителей Церкви. И глава государства обещал все это выполнить.

²³⁷ «Журнал Московской Патриархии». 1988. № 6. С. 8.

²³⁸ В личной беседе К.М. Харчева с автором в октябре 2003 г., во время паломничества в Иерусалим.

1000-летие Крещения Руси. Заря надежды

Днесь Земля Русская предстоит Богу...
Господи, Землю Русскую в мире сохрани
и веру православную в ней утверди
во веки веков. Аминь

(Служба Тысячелетию Крещения Руси)

Генеральная Ассамблея ЮНЕСКО призвала все государства-члены отметить 1000-летие введения Христианства на Руси как крупнейшее событие в европейской и мировой истории и культуре. Отношение интеллигенции к этому юбилею в СССР сложилось вполне благожелательное и заинтересованное. Со стороны государственных институтов возникло понимание того, что необходим синтез «нового мышления», науки и культуры в ее широком понимании, с общенародной православной традицией, несущей заряд подлинно гуманистической нравственности. «Крещение Руси – та точка отсчета, с которой начинается нравственное совершеннолетие русского народа, становление его Церкви, государственности и культуры... Наша сегодняшняя задача – беречь и приумножать великие традиции русской тысячелетней культуры, утвердившей приоритет духовных ценностей над материальными запросами. Это поистине святые традиции. Память народная, таинственная связь с давно отошедшими поколениями, которые положили начало России и отстояли ее в веках, – залог созидания и обновления»²³⁹ – эти идеи, сформулированные православными публицистами в светских и церковных изданиях, постепенно стали достоянием широкой общественности, помогли формированию той атмосферы 1988—1990 годов, когда возникли реальные предпосылки для новой «симфонии» между Церковью и государством, когда пробуждение России после долгой духовной спячки стало явью.

По благословению Святейшего Патриарха Пимена в предъюбилейный период были проведены три международных научные конференции: в Киеве – церковно-историческая (июль 1986 года), в Москве – богословская (май 1987 года) и в Ленинграде – посвященная литургике и церковному искусству (февраль 1988 года). В них участвовали видные русские и зарубежные ученые – богословы, философы и филологи, историки и искусствоведы, специалисты в области литургики и каноники. Обращаясь с приветственным посланием к участникам Киевской конференции, Патриарх Пимен писал: «Мы верим, что предстоящий юбилей Святой Русской Православной Церкви станет общим праздником Православной Полноты и других христианских Церквей, с которыми нас связывают узы сотрудничества на ниве Христовой»²⁴⁰.

Юбилейные торжества в честь 1000-летия Крещения Руси ознаменовали начало нового этапа не только в истории Русской Православной Церкви и Православной Полноты, но и в истории Российского государства. Празднества эти подтвердили действительный поворот в политике властей предрежащих по отношению к Церкви. И надо, конечно, отдать должное М. С. Горбачеву, который стремился осуществить в СССР реальную свободу вероисповедания.

---

²³⁹ Никитин В. Крещение Руси и отечественная культура. К 1000-летию введения христианства на Руси // «Знамя». 1998. № 8. С. 162, 170.

²⁴⁰ «Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковно-историческая конференция. Киев, 21—28 июля 1986 года. Материалы». М.: изд. Московской Патриархии, 1988. С. 5.

С другой стороны, по мнению беспристрастного немецкого исследователя проф. Герда Штриккера, издавшего по благословению митрополита Сурожского Антония материалы по истории Русской Церкви советского периода²⁴¹, появление такой тенденции объясняется ослаблением Советского государства и его контрольных функций. И это так. Очевидно, оба фактора имели место, но главным, определяющим фактором была духовная сила и крепость вечно обновляющегося организма Церкви Христовой – Русской Православной Церкви. Вот почему юбилей ее 1000-летнего исторического бытия стал подлинным ее триумфом.

Конечно, М. С. Горбачев, как опытный политик, стремился использовать юбилей в своих целях, ему было важно завоевать доверие Запада. Но будет элементарным упрощением полагать, что только по этой причине основные мероприятия юбилея транслировались по Центральному телевидению, торжественный концерт состоялся в Большом театре и т. п.

29 апреля 1988 года, как бы подготавливая широкую общественность к новому курсу по отношению к Церкви и к участию государства в ее торжествах, М. С. Горбачев принял в Екатерининском зале Кремля Патриарха Пимена и сопровождавших его членов Священного Синода. Руководитель Коммунистической партии и Глава Православной Церкви перед телевизионными камерами всего мира, улыбаясь, пожали друг другу руки.

М. С. Горбачев тогда так определил значение Крещения Руси в 988 году: «...Это знаменательная веха на многовековом пути развития отечественной истории, культуры, русской государственности».

В ответном слове Патриарх Пимен подчеркнул: «Церковь посвящает свои усилия нравственному воспитанию верующих, утверждению в них достоинства человеческой личности, укреплению святости семейного очага, добросовестному отношению к труду на благо ближних и всего нашего общества...»

Эти программные слова вкратце повторяли суть знаменитой речи Святейшего Патриарха Алексия I, произнесенной им в защиту Церкви в Колонном зале Дома союзов в 1960 году (на конференции советской общественности за разоружение), когда достигли кульминации хрущевские гонения²⁴².

26 мая 1988 года в Оружейной палате Московского Кремля состоялся глубоко символический акт – торжественная церемония передачи Русской Православной Церкви священных реликвий, находившихся на хранении в Государственных музеях Московского Кремля. Среди святынь, которые отныне будут почивать в храмах и монастырях Русской Православной Церкви, – частица Древ Честного и Животворящего Креста Господня, камни Гроба Господня, десница апостола Андрея Первозванного, глава святителя Иоанна Златоуста, частицы мощей святого равноапостольного великого князя Владимира, святых благоверных князей Александра Невского и Феодора Черниговского, святителя Московского Петра и многих других угодников Божиих, прославленных Господом в нетлении²⁴³. Из Московского Кремля святыни доставили в Богоявленский Патриарший собор, где был совершен благодарственный молебен. За этим актом последуют другие – и Церковь обретет вскоре святые мощи великого угодника земли Русской – преподобного Серафима Саровского.

Накануне юбилейных торжеств, в начале июня 1988 года Русской Церкви была возвращена ее великая историческая святыня – Киево-Печерская Лавра, сперва наиболее древняя ее часть – Дальние пещеры, где покоятся честные главы святых угодников Божиих. Под намоленными сводами вновь зазвучали молитвы, в пещерном храме во имя преподоб-

²⁴¹ См.: Штриккер Г. Цит. соч.

²⁴² «Журнал Московской Патриархии». 1960. № 3. С. 33–35.

²⁴³ Экономцев Игорь, прот. Передача святынь Русской Православной Церкви // «Журнал Московской Патриархии». 1988. № 9. С. 46.

ного Феодосия Печерского возобновили совершение Божественной литургии – и произошло чудо: святые главы стали вновь мироточить...

В том же году в Ухте, на подворье Михайло-Архангельского монастыря, в храме святителя Николая Чудотворца произошло чудо мироточения частиц мощей нескольких святых, в их числе Пимена Великого, небесного покровителя Патриарха²⁴⁴.

Эти чудесные явления были, несомненно, не только знаком благодатной помощи свыше, но и зовом благовестия: чудеса на Русской земле не прекратились, благодатный Покров Царицы Небесной и всех святых вновь простирается над нею!.. По милости Божией Россия вступила во второе тысячелетие своей священной истории, готовая к новому Крещению, духовно окрепшая и возрождаемая. В ознаменование 1000-летнего юбилея Русская Православная Церковь учредила три новых ордена: святого апостола Андрея Первозванного, преподобного Даниила Московского и святой равноапостольной Ольги²⁴⁵.

6–9 июня 1988 года в Троице-Сергиевой Лавре под председательством Патриарха Пимена состоялся Юбилейный Поместный Собор, посвященный 1000-летию Крещения Руси.

Собор рассмотрел соответствующие материалы и принял решение о канонизации новопрославляемых девяти подвижников благочестия:

благодарного великого князя Московского Димитрия Донского (1350—1389), под водительством которого была одержана всемирно-историческая победа русских над монголо-татарами на Куликовом поле;

преподобного Андрея Рублева, подвижника и аскета, гениального иконописца, автора иконы «Святая Троица» (1360 – 1-я половина XV в.);

преподобного Максима Грека, выдающегося переводчика, богослова и философа (1470—1556);

святителя Макария, митрополита Московского, великого иерарха Русской Церкви, ревностного собирателя и хранителя ее духовных сокровищ [Великие Макариевские Четьи Минеи] (1482—1563);

преподобного Паисия (Величковского; 1722—1794), схииеромонаха, собирателя и переводчика святоотеческих творений, возродившего в России традицию старчества;

блаженной Ксении Петербургской, продолжившей древний подвиг юродства Христа ради, прозорливице и чудотворице (1732 – начало XIX в.);

святителя Игнатия Брянчанинова, епископа-подвижника, выдающегося богослова (1807—1867);

преподобного Амвросия (Гренкова; 1812—1891), иеромонаха Введенской Оптиной пустыни, великого пастыря-старца, за советом к которому приезжали Ф. М. Достоевский и Владимир Соловьев, Л. Н. Толстой и Константин Леонтьев;

святителя Феофана Затворника (Говорова; 1815—1894), бывшего ректора Санкт-Петербургской Духовной академии, продолжателя святоотеческой традиции в богословии.

Деяние Собора явилось знаменательным прологом последующих канонизаций, кульминацией которых станет прославление Исповедников и Новомучеников Российских на Архиерейском Соборе 2000 года.

Поместный Собор обсудил также проект нового Устава об управлении Русской Православной Церкви, разработанный архиепископом Смоленским и Вяземским Кириллом (ныне Патриарх Московский и всея Руси), и принял его. Новый Устав находится в преемственной связи с определениями Поместного Собора 1917—1918 годов, в нем исправлены поправки 1961 года, приведшие к фактическому отстранению духовенства от руководства приходами.

²⁴⁴ Орехов Д. Святые места России. СПб., 1999. С. 9.

²⁴⁵ Никитин В. Новые ордена Русской Церкви // «Московские новости». 1988. № 25 (19 июня). С. 16.

Представляя его, архиепископ Кирилл подчеркнул, что проект Устава составлен с учетом сложившейся в Русской Церкви практики как тщательно продуманная система управления, находящаяся в полном соответствии с православной экклезиологией, каноническим правом и церковным строем, а также нынешним гражданским законодательством о культах. Владыка Кирилл особо отметил, что настоящий Устав может быть изменен и дополнен, если будет принято новое законодательство о культах, которое, как известно, находится в стадии разработки²⁴⁶.

Празднование 1000-летнего юбилея канонического бытия Русской Православной Церкви, прошедшее по благословению и под общим руководством Патриарха Пимена, получило широкий резонанс не только в религиозных, но и в научных, культурных и широких общественных кругах. На всю Россию и на весь Советский Союз прозвучали волнующие слова церковного песнопения «Днесь Земля Русская предстоит Богу». Эти слова из службы Крещению Руси услышали миллионы телезрителей, ставшие соучастниками праздничного концерта в Большом театре. Можно сказать, не преувеличивая, что юбилей стал важным событием в истории всего мирового Христианства. Вот красноречивый статистический показатель: в 1988 году количество общин Русской Православной Церкви возросло более чем на 700.

Финальным аккордом юбилейных торжеств стала закладка храма во Имя Святой Троицы 13 июня 1988 года в московском микрорайоне Орехово-Борисово, на холме близ Царицынских прудов. Закладка была совершена в память 1000-летия Крещения Руси. Патриарх Пимен совершил молебен на месте будущего храма и вместе с митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием освятил закладной камень.

Идея строительства огромного комплекса (храм, залы заседаний, административные помещения, многочисленные подземные парковки и т. п.) разрабатывалась совместно с Советом по делам религий при Совете Министров СССР²⁴⁷.

Председатель Совета К. М. Харчев поддержал инициативу Патриархии и, руководствуясь новым курсом во взаимоотношениях государства и Церкви, включил церемонию закладки храма в официальную программу торжеств и провел решением через ЦК партии. Правительство было готово финансировать эту крупную стройку. Решение о строительстве храма было принято Мосгорисполкомом 10 июня, за 3 дня до его закладки.

Закладка прошла торжественно, при большом стечении представителей разных христианских Церквей, обилии именитых иностранных гостей. Патриарх Пимен произнес остроречивые слова, «объяснявшие» смысл этого события в советских условиях: «Итак, заложен первый камень в основание будущего храма... в память всех наших соотечественников, жизнь своего положивших при защите священных пределов нашей Родины в Отечественных войнах»²⁴⁸.

Прав архиепископ Михаил (Мудьюгин), высказавший мысль, что к этому времени Русская Церковь научилась обороняться, но утратила навыки наступления. Десятилетия следовавших одна за другой попыток удушения Церкви вызвали у части ее высшего руководства синдром какого-то оцепенения. «Когда во второй половине 80-х годов положение изменилось к лучшему и Церковь получила значительно бóльшую свободу действия, она оказалась к новой ситуации неподготовленной... Церковь на всех ступенях своей структуры за семь-

²⁴⁶ См.: «Журнал Московской Патриархии». 1988. № 9. С. 19.

²⁴⁷ В 1989—1990 годах был проведен открытый конкурс на проект храма, в котором победил народный архитектор СССР, лауреат Государственной премии И.А. Покровский.

²⁴⁸ «Журнал Московской Патриархии». 1998. № 9. С. 39.

десять лет притеснений и гонений получила навык пастырской работы только в ограниченной среде пожилых прихожан...»²⁴⁹

Но если посмотреть пристальней и внимательней, то надо по достоинству оценить спокойную мудрость Патриарха Пимена, его вдумчивый и проницательный призыв, каким он окончил свою краткую речь на закладке Храма:

«Мы заложили камень, который символизирует те камни, на которых будет созидаться храм. Это должно напоминать нам слово апостола Петра: *сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный* (1 Пет. 2, 5).

Созидание этого олицетворенного храма Божия, его благоуукрашение и внутреннее благоухождение есть задача всей нашей жизни. Будем же созидать в самих себе веру и благочестие на незыблемом основании».

* * *

Призыв Патриарха Пимена с самого начала имел непреходящий смысл, что подтвердили разразившиеся вскоре события. Ведь политика так называемой перестройки, наряду с позитивными переменами, имела далеко идущие печальные последствия, главным из которых можно считать децентрализацию власти. Ослабление СССР как единой державы вызвало в отдельных республиках, прежде всего в Закавказье, резкое обострение межнациональных отношений, повлекло за собой дальнейшую дестабилизацию страны.

В декабре 1988 году в Азербайджане произошли кровавые столкновения между азербайджанцами и армянами, массовые погромы и резня... Патриарх Пимен с болью в сердце переживал эти события. Он был одним из инициаторов публикации открытого письма: «Опомниться, остановиться», адресованного азербайджанской и армянской интеллигенции – учителям, врачам, инженерам, ученым, деятелям искусства – «всем носителям народного разума, совести, опыта» – с призывом вразумить ослепленную враждой и ненавистью толпу:

«От вас, вашей мудрости, чувства ответственности, мужества в большой степени зависит сейчас будущее ваших народов, всех народов нашей страны. Не дайте позорному пятну лечь на вашу честь и вашу историю. Остановите кровопролитие!»

В Послании, подписанном также писателями Григорием Баклановым и Даниилом Граниным, академиком Владимиром Кудрявцевым, народным артистом СССР Михаилом Ульяновым и членом-корреспондентом АН СССР Святославом Федоровым, было сказано с чувством глубокой нравственной тревоги и христианской ответственности:

«Солдатам, пришедшим сегодня, чтобы остановить братоубийственную резню, приходится слышать и такое: «Мы вас не звали! Убирайтесь, а то...» Эти угрозы не пустые. Мы знаем, что жертвы есть не только среди местного населения, есть они и среди солдат и офицеров. И тут мы, представители русской интеллигенции, должны высказаться со всей определенностью. Мы без охоты посылаем своих детей, одетых в солдатские шинели, в Азербайджан и Армению. Мы сегодня горько плачем у гробов тех, кто погиб в жестоких и бессмысленных схватках. Но нет другого выхода. Мы одна страна, мы в ответе друг за друга. Совесть не позволит нам спокойно смотреть, как убивают невинных детей и насилуют женщин»²⁵⁰.

Весной 1990 года, в связи с обострением ситуации противостояния униатов и православных на Западной Украине (в частности, во Львове и Ивано-Франковске, где были захвачены православные храмы), Патриарх Пимен обратился с письмом к М.С. Горбачеву. В нем он просил «предпринять соответствующие действия, включая побуждение местных властей

²⁴⁹ Михаил (Мудьюгин), архиеп. Цит. соч. С. 115.

²⁵⁰ «Московские новости». 1988. № 49 (439) (4 декабря). С. 1.

к строгому соблюдению закона о защите религиозных прав и человеческого достоинства граждан, исповедующих православную веру»²⁵¹.

Но ответа на это письмо, увы, не последовало.

Страна вступила в полосу острого и затяжного кризиса, вызванного противоборством М.С. Горбачеву со стороны Б.Н. Ельцина и наступившим фактическим «двоевластием».

Жизнь призывала и обязывала священноначалие Русской Церкви к большей активности, самостоятельности и к полной независимости от государства. Был ли готов Патриарх Пимен к этой задаче?

Ответ не может быть отрицательным – ведь Патриарх руководствовался соборным разумом Русской Церкви, опираясь на ее Священный Синод – орган коллегиального управления.

В пользу этого свидетельствуют как новые назначения, осуществленные непосредственно Патриархом, так и решения Синода, состоявшиеся под его председательством в последний период жизни.

30 ноября 1988 года Патриарх Пимен назначил новым наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры молодого и весьма деятельного архимандрита Феоноста (Гузиков; с 2000 года – епископ Сергиево-Посадский). Благодаря энергичным усилиям о. Феоноста уже спустя несколько месяцев, в сентябре 1989 года, состоялось (после ремонтно-реставрационных работ) освящение новых помещений в бывшей монастырской странноприимной больнице (переданной Лавре в юбилейном году)²⁵². В ноябре следующего года Патриарх Пимен поручил умному, опытному и авторитетному иерарху архиепископу Смоленскому Кириллу (нынешнему Патриарху) возглавить Отдел внешних церковных сношений.

В заседании Святейшего Синода 27—28 декабря 1988 года под председательством Патриарха Пимена было одобрено важное решение о возможности религиозным деятелям избираться в народные депутаты от общественных организаций. Получили одобрение инициативы, представленные в докладах нескольких иерархов: митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия – о возможной передаче Церкви Валаамского монастыря; митрополита Минского и Белорусского Филарета – об учреждении в Москве Ассоциации творческой интеллигенции «Мир культуры» и об избрании его вице-президентом этой ассоциации; митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия – о международной конференции «Права человека в истории человечества и в современном мире» и о его избрании вице-президентом общества «СССР – ФРГ» и др.²⁵³

Заслуживают высокой оценки и решения последнего Архиерейского Собора, прошедшего под руководством Патриарха Пимена 9–11 октября 1989 года в Даниловском монастыре. Собор был посвящен историческому юбилею – 400-летию учреждения Московского Патриаршества. К юбилею довольно приличным тиражом (100 000 экз.) Издательский отдел выпустил брошюру, в которой делался следующий вывод: «Около двух последних десятилетий Русская Православная Церковь живет под первосвятительским омофором Святейшего Патриарха Пимена. В отличие от предшествовавших периодов, характеризовавшихся большими изменениями в жизни Церкви, этому времени присущи устойчивость, внутренняя стабильность, характерные для нормального развития церковного организма»²⁵⁴.

Архиерейский Собор 1989 года по существу стал итоговым событием всей жизни Патриарха Пимена. Как бы подводя некую черту, смертельно больной Патриарх (о своей

²⁵¹ «Отечественные архивы». 1995. № 1. С. 65.

²⁵² В бывших больничных помещениях разместились воспитанники Московской Духовной семинарии и воспитанницы Регентской школы. См.: «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 3. С. 35.

²⁵³ См.: «Журнал Московской Патриархии». 1989. № 3. С. 7–10.

²⁵⁴ Под Патриаршим омофором. К 400-летию установления Патриаршества на Руси. М.: изд. Московской Патриархии, 1989. С. 28.

близкой кончине он знал) благословил на Соборе прославить двух своих великих предшественников – первого Патриарха Московского Иова и первого Патриарха после восстановления Патриаршества в 1917 году – Тихона.

Довольно неожиданная канонизация Патриарха Тихона (Белавина)²⁵⁵, в свое время предавшего безбожную власть большевиков анафеме и принявшего за это мученический венец, явилась непосредственным прологом к прославлению Исповедников и Новомучеников Российских, включая невинно убиенных государя императора Николая II и его семью. Одновременно Собор поручил Комиссии Священного Синода по канонизации святых «иметь особое попечение о канонизации приснопамятного протоиерея Иоанна (Сергиева) Кронштадтского и осуществить ее на ближайшем Соборе»²⁵⁶.

Поразительно, что еще совсем недавно имя о. Иоанна Кронштадтского, великого подвижника и чудотворца России, убежденного монархиста, было именно по этой причине под негласным запретом и не могло упоминаться в официальных изданиях Московской Патриархии. Ситуация изменилась, когда по благословению Патриарха Пимена митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей [будущий Патриарх] 1 ноября 1989 года, в день памяти преподобного Иоанна Рыльского, Небесного покровителя Иоанна Кронштадтского и в день рождения о. Иоанна, совершил освящение в Ленинграде женского Иоанновского монастыря на Карповке (основанного Иоанном Кронштадтским в 1902 году), а также отслужил панихиду по о. Иоанну. Надо сказать, что Русская Зарубежная Церковь прославила о. Иоанна еще 19 октября 1964 года, а Новомучеников и Исповедников Российских во главе с императором Николаем II и Патриархом Тихоном – в 1981 году. Таким образом, Патриархом Пименом был сделан важный и ответственный шаг на пути примирения и соединения обеих Церквей²⁵⁷. Пройдет совсем немного времени – и в 1991 году городу на Неве, имеющему роковую репутацию «колыбели революции», будет возвращено его исконное имя – *Санкт-Петербург*. Так бывшая столица Российской империи вновь окажется под зримым духовным покровительством святого апостола Петра.

* * *

В своих «Определениях» Архиерейский Собор 1989 года особое внимание уделил состоянию приходской жизни: «Собор связывает свои надежды на благотворные преобразования церковной жизни с возрождением жизни приходов, включающей в себя богослужение, диаконию, научение в вере, взаимную поддержку его членов»²⁵⁸.

Собор принял решение о реорганизации системы духовного образования, признав целесообразным преобразовать Духовные семинарии в высшие школы. По решению Архиерейского Собора необходимо было возродить печатные органы Духовных академий. Собор рекомендовал епархиальным архиереям возобновить издание «Епархиальных ведомостей». Собор высказал свою точку зрения на содержание подготавливаемого «Закона о свободе совести».

«Мы считаем необходимым, – сказано в «Определениях» Собора, – внесение в него [«Закон о свободе совести»] следующих положений:

²⁵⁵ См.: Никитин В. От анафемы к прославлению // «Патриарх Московский и всея Руси Тихон. Личность, эпоха и наследие». Тверь, 1999. С. 20—32.

²⁵⁶ «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 1. С. 11.

²⁵⁷ Никитин В. Отец Иоанн Кронштадтский – новый угодник Божий в сонме русских святых // «Русская мысль». 1990. № 3838 (27 июля). С. 16.

²⁵⁸ «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 1. С. 11.

- 1) юридическое признание Церкви как единой религиозной организации и уравнивание ее в правах с другими общественными организациями;
- 2) предоставление равных прав для религиозного и атеистического обучения, воспитания и пропаганды;
- 3) предоставление возможности широко и многообразно осуществлять дела милосердия и благотворительности;
- 4) свободное издание и распространение религиозной литературы;
- 5) доступ Церкви к средствам массовой информации;
- 6) отмена дискриминационного налогообложения и уравнивание в этом отношении духовенства и церковных работников со всеми советскими гражданами»²⁵⁹.

Практически были сделаны почти все шаги, к каким призывали Патриарха Пимена в открытых письмах активисты правозащитного движения, в частности, Стефан Красовицкий в обращении от 4 июля 1987 года²⁶⁰. Более того, Русская Церковь стала влиятельной международной силой, можно сказать, не преувеличивая, в масштабах всей планеты. В Послании Святейшего Патриарха Пимена 16 января 1990 года участникам *Глобального форума по проблемам окружающей среды и развития* было справедливо подчеркнуто: «Только все вместе, общими усилиями мы сможем восстановить нарушенную до критического состояния систему природного равновесия. Соборность православного сознания, издревле присущая русскому народу, делает нас открытыми для интеграции и сотрудничества с другими миролюбивыми народами»²⁶¹.

Заявление Священного Синода Русской Православной Церкви от 3 апреля 1990 года явилось историческим документом исключительного значения. Как подчеркнул митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (ныне Патриарх), ничего подобного ранее не заявляли ни Синод, ни Архиерейские Соборы: «Документ свидетельствует о том новом курсе, который приняла Церковь в начале 1990 года. Суть этого курса заключалась в том, чтобы, во-первых, определить свою позицию перед лицом быстро меняющейся политической ситуации, сохранить мир и единство Церкви, сформулировать главные проблемы, которые волнуют Церковь, и наметить пути ее преобразования. В документе, в частности, сообщается о создании Специальной Комиссии Священного Синода по возрождению религиозно-нравственного воспитания и благотворительности. На эту Комиссию была возложена ответственность за разработку плана таких преобразований в Церкви, которые могли бы послужить решению насущных проблем, вставших перед Церковью в области религиозного воспитания и социального служения... Документ наконец содержит в себе ясную и принципиальную оценку внутрицерковного положения, открытую критику в адрес правительства и, в частности, Совета по делам религий, предложения, направленные на коренные, принципиальные изменения церковно-государственных отношений. Вспомним, что документ был написан в далеком уже 1990 году, когда власть, к которой обращала свое слово Церковь, имела еще возможность в очередной раз противопоставить себя Церкви и заглушить ее голос»²⁶².

1988–1989 годы стали для Русской Церкви поистине переломным рубежом.

Именно в эти годы было открыто около 3000 новых приходов, 32 монастыря, 3 духовные семинарии (Киевская, Тобольская и Минская, – в Жировицком монастыре), 6 духовных училищ (в Смоленске, Кишиневе, Чернигове, Ставрополе, Минске, Новосибирске), множе-

²⁵⁹ «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 1. С. 12.

²⁶⁰ См.: «Русское Возрождение». Нью-Йорк – Москва – Париж, 1987 (IV). № 40. С. 141–142.

²⁶¹ «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 6. С. 49–50.

²⁶² Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. От редакции. Предисловие к разделу «Новейшая история Русской Церкви в документах» // «Церковь и время». 1998. № 1(4). С. 36.

ство воскресных школ, значительно увеличился прием абитуриентов в духовные учебные заведения²⁶³, начались внебогослужебные катехизические занятия с верующими, церковные деятели получили доступ к средствам массовой информации, стали участвовать в культурном и общественном диалоге по широкому спектру актуальных проблем и вопросов, свидетельствуя о колоссальном духовном опыте и огромных созидательных возможностях Церкви Христовой.

Глубоко закономерно, что в 1989 году в народные депутаты РСФСР, нескольких автономных республик и областей, а также в окружные, городские, районные и сельские советы по всей стране были избраны десятки православных священнослужителей²⁶⁴. Патриарх Пимен был избран в состав высшего депутатского корпуса – он стал народным депутатом СССР.

В открытом письме к зарубежной общественности «Не допустить раскола», под которым поставили подписи известные русские писатели и общественные деятели (Виктор Астафьев, Василий Белов, Владимир Крупин, Станислав Куняев, Валентин Распутин, Игорь Шафаревич), наряду с призывом к единству Русской Зарубежной Церкви с Московской Патриархией, с удовлетворением отмечалось: «Атеистическое государство прекратило наконец активное преследование верующих. Приостановлено уничтожение христианской культуры. Приняты законы, уравнивающие гражданские права верующих и неверующих. Государство отказалось от политики нетерпимости и конфронтации по отношению к Православной Церкви. «Надолго ли?» – спрашивают наши зарубежные соотечественники. Мы надеемся, что навсегда»²⁶⁵.

Свершилось все это в последние годы жизни Патриарха Пимена, при его ближайшем и непосредственном участии, во многом благодаря его личным усилиям. Теперь, подобно старцу Симеону, Святейший Патриарх мог спокойно сказать: «Ныне отпускаеши...» К этому времени дни его земного поприща уже были сочтены.

Болезнь обострилась 29 августа 1988 года. Святейший Патриарх выехал в санаторий, откуда по настоянию врачей был переведен в Объединенную специальную больницу 4-го Главного Управления Министерства здравоохранения СССР. При обследовании выявили злокачественную опухоль. Консилиум, возглавленный министром здравоохранения СССР Е. И. Чазовым, пришел к выводу: необходимо срочное хирургическое вмешательство, иначе жить не более полугода. Но Патриарх Пимен твердо отказался от операции: «На все воля Божия», – отвечал он.

Временами стали отказывать ноги, наблюдались склеротические явления, нарушался ритм сердца. Святейший слабел, но в меру сил продолжал вести церковные дела, участвовал в заседаниях Священного Синода. Все реже выезжал он в Богоявленский собор, за богослужениями молился и причащался в Крестовом храме Патриархии в Чистом переулке.

В Пасхальные дни 1989 года Патриарх неожиданно окреп, сам стал выходить на воздух и гулять в саду. В эти дни он даже посетил Кремль, где зарегистрировался как народный депутат СССР. 8 октября, в праздник преподобного Сергия, Патриарх в последний раз посетил Лавру и преподал благословение народу с балкона патриарших покоев. Вообще осень 1989 года прошла довольно благоприятно. Патриарх трижды посетил Данилов монастырь, участвуя в ключевых моментах работы Архиерейского Собора. Последней его публичной речью было Рождественское поздравление по Центральному телевидению и по Всесоюз-

²⁶³ См.: Козлов Максим, *свящ.* Духовное образование. XVII—XX вв. // «Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь». М., 2000. С. 423.

²⁶⁴ См.: Журавский А.В. Приход в Русской Православной Церкви. XX век // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 276—294 (см. с. 290—291).

²⁶⁵ «Русское Возрождение». Нью-Йорк – Москва – Париж, 1990 (IV). № 52. С. 59—60.

ному радио в программе «Добрый вечер, Москва!». Слабым голосом, но внятно и твердо призывал он сограждан хранить мир в нашем многонациональном Отечестве.

«Вот и полночь на башне пробило...»²⁶⁶

С началом 1990 года Святейший стал тихо угасать. С наступлением Великого Поста он впервые не смог самостоятельно прочитать Великий канон св. Андрея Критского. 6 апреля 1990 года наступило резкое ухудшение, выразившееся в полном упадке сил и отказе от принятия твердой пищи. «Патриарх живет только молитвой», – констатировали вскоре врачи. В среду Страстной седмицы Патриарха Пимена посетил духовник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Кирилл (Павлов), который принял от Святейшего исповедь. В тот же день Патриарх приступил к Таинству Елеосвящения, а в Великий Четверг приобщился Святых Христовых Таин и освятил малую часть новоприготовленного мира. В Пасхальную ночь он со слезами молился в своей келье. На второй день Светлого Христова Воскресения, 16 апреля, Святейший Патриарх Пимен впервые в жизни принимал пасхальные поздравления не в Богоявленском кафедральном соборе, а в своей резиденции²⁶⁷. 29 апреля у постели болящего было организовано постоянное дежурство. Стало очевидно, что приближается неизбежная кончина.

Утром 3 мая в Крестовом храме Патриархии архиепископ Зарайский Алексей (Кутепов) совершил Божественную литургию и причастил Святейшего. В 15 часов Патриарх позвал своего келейника иеромонаха Дионисия²⁶⁸ и попросил приподнять его на постели. Трижды глубоко вздохнув, он мирно отошел ко Господу. Кончина в дни Святой Пасхи, когда «всем жизнь возсияющая», издревле понималась Церковью как знак праведного жития. Архиепископ Алексей прочитал над новопреставленным разрешительную молитву...

Вечером эта печальная новость стала всеобщим достоянием, о чем было сообщено по Всесоюзному радио и Центральному телевидению. С того момента за каждым богослужением во всех храмах Русской Православной Церкви совершались панихиды по новопреставленному Пимену. Торжественно и величаво звучали песнопения пасхального канона, но трудно было служащим поминать имя Святейшего Отца как усопшего...

4 мая утром у гроба Патриарха в Крестовом храме архиепископ Зарайский Алексей (Кутепов) совершил Божественную литургию и панихиду. В тот же день в 17 часов траурный кортеж прибыл в Богоявленский собор. Гроб, покрытый зеленой мантией с красными источниками и золотыми херувимами, был поставлен на патриаршей кафедре. Пением «Христос воскрес» началась заупокойная лития. Собор был переполнен взволнованным народом, богомольцы держали в руках пасхальные свечи и погребальные цветы...

В 18 часов началось заупокойное богослужение-парастас, по окончании которого был открыт доступ ко гробу Святейшего для прощания. В изголовье был поставлен аналой, перед которым московское духовенство непрерывно, и вечером, и ночью, и следующим утром, днем, вечером и ночью читало Евангелие и совершало заупокойные богослужения. Тысячи и тысячи верующих прошли у гроба за это время.

6 мая, в воскресенье, в последний день прощания с Патриархом, Божественную литургию в Богоявленском соборе совершили все члены Священного Синода, постоянные и временные. Почтить память усопшего прибыли Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов, Председатель Совета Министров РСФСР А. В. Власов, председатель Совета по

²⁶⁶ Из стихотворения Патриарха Пимена.

²⁶⁷ См.: «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 7. С. 28.

²⁶⁸ Родился 5.8.1952 в Москве, в 1977 окончил Московскую Духовную академию со степенью канд. богословия, с 1970 по 1983 – иподиакон, книгодержец Патриарха Пимена; 7.4.1974 рукоположен Патриархом во диакона, 7.4.1989 – во пресвитера с возведением в сан протоиерея, 17.4.1990 пострижен архиеп. Алексием (Кутеповым) в монашество с именем в честь преп. Дионисия Радонежского, 18.4.1990 возведен в сан архимандрита.

делам религий при Совете Министров СССР Ю. Н. Христораднов, председатель Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР Л. Ф. Колесников, представители общественных организаций, народные депутаты, члены дипломатического корпуса.

По окончании заупокойной Божественной литургии те же архиереи совершили чин отпевания почившего Патриарха. Сочетание этого печального чинопоследования с ликующим пасхальным канонам было удивительно. Воистину «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых», – как сказано в Писании. *От смерти бо к жизни и от земли к небеси Христос Бог нас преведе...*

Во время отпевания Святейшего Патриарха Пимена Католикос-Патриарх всей Грузии Илия II произнес прощальное слово, исполненное искренней любви к почившему собрату, сознанием его духовного величия и трудностей пройденного им тернистого пути:

«Мы прибыли из Грузии, из древней Иверии, удела Пресвятой Богородицы, чтобы разделить вашу скорбь по поводу кончины нашего возлюбленного во Христе брата Святейшего Патриарха Пимена. Воистину, как говорит святой Симеон Новый Богослов: «Начало жизни у меня есть конец, конец – начало, я не знаю, откуда прихожу, не знаю, где нахожусь, и не ведаю, куда опять завтра пойду».

Такова судьба каждого человека. На грузинском языке не говорят, что человек умер, а говорят – изменился. И ныне, в час последнего прощания, перед нами встает светлый образ Первосвятителя, который воистину был добрым пастырем всероссийской паствы. Я с любовью вспоминаю годы учебы в Московской Духовной академии, когда Святейший был наместником Троице-Сергиевой Лавры, когда мы, студенты, и наши преподаватели с любовью ходили слушать красноречивые и глубокие по содержанию проповеди тогда еще полного сил молодого наместника. Особенно мы любили присутствовать на совершаемых им монашеских постригах. Потом его епископская хиротония и наконец 19 лет тому назад интронизация на Патриарший Всероссийский престол Первосвятителя. Когда мы со стороны смотрим на жизнь Святейшего Патриарха Пимена, то видим только величие и славу, вспоминаем торжественные богослужения, но не видим тяжелых испытаний, которые он перенес, бессонных молитвенных ночей, слез и страданий, того тяжелого креста, который нес он на своих раменах.

Святейший владыка, прости нас за нашу близорукость!..

Святейший Патриарх Пимен всегда был примером духовности и церковности. Его присутствие в 1977 году на моей интронизации в Грузии я воспринял как знак особого благоволения Божиего. Святейший Патриарх Пимен вышел из Лавры Преподобного Сергия, и сегодня он вновь возвращается туда. И ныне, в час перехода от времени к вечности, мы возносим молитву: «Господи Боже наш, Сам на земли жизнь его прославил еси, Сам же и исход жития его со святыми Твоими праведными учини. Аминь»²⁶⁹.

Под пение *Трисвятаго* гроб с телом почившего обнесли вокруг Богоявленского собора, после чего траурный кортеж машин отбыл в Троице-Сергиеву Лавру. В Сергиевом Посаде (тогда еще Загорске) главная улица и площадь перед обителью уже были запружены народом. Члены Священного Синода в полном облачении встретили у Святых врат гроб с телом почившего Священноархимандрита Лавры. Вдоль пути к Успенскому собору стояли иноки монастыря, учащиеся Духовных школ, духовенство, многочисленные паломники. В храме члены Синода совершили последнюю перед погребением панихиду, во время которой братья Лавры и воспитанники Духовных школ нескончаемым потоком подходили прощаться с почившим. Под пение *Трисвятаго* в исполнении лаврского хора гроб был обнесен вокруг Успенского собора. Погребальная процессия спустилась в крипту – храм во имя Всех свя-

²⁶⁹ «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 8. С. 14.

тых, в земле Российской просиявших. Здесь гроб был опущен в могилу рядом с гробницей Святейшего Патриарха Алексия I:

Ударил колокол большой,
Пробило время роковое,
И море вздрогнуло людское
За монастырскою стеной...
Вокруг собора крестный ход
И – к Патриарху Алексию,
Вниз, в крипту...
Двум сынам России
Хор память вечную поет.
Сюда Святейший приходил,
Когда быть в Лавре доводилось.
Здесь хорошо ему молилось.
И ныне – рядом опочил²⁷⁰.

«На нетленную жизнь прихожду днесь... Святительство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда ныне и присно и во веки веков. Аминь».

* * *

В скорбные дни в адрес Московской Патриархии поступило множество соболезнований от архипастырей, пастырей и верующих Русской Православной Церкви, от зарубежных епархий и приходов Московского Патриархата, от Предстоятелей всех Православных Церквей, от Глав других христианских Церквей и объединений, от церковных обществ и научных учреждений, руководителей ряда стран, государственных деятелей, народных депутатов, деятелей науки и культуры, руководителей Академии наук и начальников детских интернатов, наконец, – от заключенных одного из лагерей. Последнее соболезнование прозвучало как эхо далеких лагерных лет, проведенных почившим в годы своего заключения и ссылки. Но об этом тогда почти никто не знал и мало кто догадывался...

Святейший владыка, прости нас за нашу близорукость!..

* * *

Предстоятель Русской Православной Церкви преставился ко Господу с сознанием честно исполненного долга, с чувством радости о начале великого духовного возрождения России.

По свидетельству архимандрита Псково-Печерского монастыря Иоанна (Крестьянкина), незадолго до своего ухода Святейший Патриарх Пимен оставил следующее завещание из четырех пунктов, которые можно считать критериями его подлинной церковности и незыблемой верности Православию:

«Первое. Русская Православная Церковь неукоснительно должна сохранять старый стиль – Юлианский календарь, по которому преемственно молилась в течение тысячелетия Русская Церковь.

---

²⁷⁰ Соловьев Ю. Памяти Патриарха Пимена // «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 8. С. 79.

Второе. Россия как зеницу ока призвана хранить во всей чистоте Святое Православие, завещанное нам святыми нашими предками.

Третье. Свято хранить церковнославянский язык – святой язык молитвенного обращения к Богу.

Четвертое. Церковь зиждется на семи столпах – семи Вселенских Соборах. Грядущий VIII Собор страшит многих... Да не смущаемся этим, а только спокойно веруем в Бога. Ибо если будет в нем что-либо несогласное с семью предшествующими Вселенскими Соборами, мы вправе его постановления не принять».

Интересно сравнить это лаконичное, в форме тезисов, но чрезвычайно емкое и духовно насыщенное исповедание *православной церковности* уже маститым старцем, с подобным же исповеданием, – стихотворением «Православная Церковь», написанным о. Пименом в молодости:

Родная Церковь, Мать Святая,
Тебя создал Господь Христос.
Он сам за жизнь твою страдая,
Позор Голгофский перенес.
Ты правды Божьей утверждение,
Столп вечный истины святой.
Ты город мира и спасенья,
Оплот твердыни неземной.
Ты овчий двор, Христово стадо,
Удел твой – святость и любовь!
Венец твой – райская награда,
Источник силы – Божья кровь.
Ты – со Христом всех единенье,
К блаженству в небе – путь святой,
В тебе одной для всех спасенье,
Блажен с тобою род людской.
О, Православная Ограда,
Навек пред Богом ты чиста.
Ты всех спасаемых отрада,
Невеста дивная Христа!

В этом безыскусном стихотворении запечатлено православное понимание Церкви, безупречное с точки зрения христианской эkkлeзиологии, отчеканенное в точных богословских и достаточно выразительных поэтических формулах. Так сомкнулись альфа и омега, начало и конец – и в его жизни, и в исповедании, и в служении... Господь наградил его великим и незаменимым даром, лучше всего выражаемым древнерусским и церковнославянским словом «**благостояние**» (не «благосостояние»!), то есть – *стояние во благе*, твердое, хорошее стояние (греч. *eustaueia*, лат. *bona constitucio*). В жизни Патриарха это было твердое стояние в вере и за веру. Он стоял и выстоял – с помощью Божией. «Многие не понимали. И не поймут. Упрекнут в «советизме», в слабости перед властью... Но патриотическое, *державное* служение Православной Церкви, всегда жертвенное – потому и неодолимое! – от века, со времен Византии, завещано ей величайшими ее подвижниками и учителями. Подвиг Русской Церкви в XX веке в том и состоял, что не себя только и не гонимых своих верующих

хранила и спасала она, но и великое наследие Православной державности. Выстояла Церковь – устояла и Русь»²⁷¹.

Во всей биографии Святейшего Патриарха Пимена нашли отражение сокровенные слова великого псалмопевца Давида:

Одного просил я у Господа, того только ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать святой храм Его. И Господь внял молитвам своего избранника – укрыл его в скинии Своей в день бедствия и вознес его на скалу (Пс. 26, 4–5)...

---

²⁷¹ Патриархи Московские. [Сост. Н.Н. Лисовой]. М.: изд. «ОЛМА-ПРЕСС», 2004. С. 478.

«Русь уходящая»?..

Вдохновляясь прославленной картиной Александра Иванова «Явление Христа народу», другой великий русский художник Павел Дмитриевич Корин (1892—1967) решил создать свое грандиозное эпохальное полотно, первоначально названное им «Реквием». *Реквием* должен был прозвучать как духовный гимн гонимой, но не сломленной *православной России*. Замысел композиции картины был построен на интерьере Успенского собора Московского Кремля. В центре мы видим св. Патриарха Тихона, справа – его преемника Патриарха Сергия, слева – Патриарха Алексия I. Поистине поразительно, что в образе молодого инок Пимена художник прозрел (и поставил его на первый план) еще одного Патриарха.

Таким образом, П. Д. Корин написал пророческую картину, которая возвещает неодолимость Церкви, Руси Святой, вратами ада. Святая Русь была, есть и будет. Все ложное и искажающее ее подлинное лицо – лишь затянувшийся, трагический, но преходящий эпизод в истории великого русского народа.

Максим Горький не столько из конъюнктурных соображений, сколько из желания «легализовать» дерзновенный замысел художника, предложил назвать его картину «Русь уходящая». Название было принято. Горький помог Корину получить мастерскую на Девичьем поле, куда он вместе с супругой переехал в марте 1934 года и где прожил всю свою жизнь²⁷².

По расхожему мнению советских искусствоведов, «Русь уходящая» призвана была показать «конец русского православия». В 1936 году для картины был сконструирован специальный подрамник и загрунтован огромный холст, но он остался нетронутым, его и сегодня можно увидеть в мастерской художника. «Русь уходящая», или «Реквием», как завершённое полотно так и не появилась (общий эскиз картины датирован 1935—1959 гг.): «Я не сделал того, что мог сделать, что было в самый разгар работы насильственным образом прервано, – писал П. Д. Корин; – моя рана – моя картина».

Однако замысел этот все же можно считать воплощенным – остались тридцать шесть этюдов к ненаписанному полотну, ставших самостоятельными работами, – тридцать шесть великолепных, вполне законченных портретов в рост («Схимница», «Отец и сын» и др.), то есть практически все персонажи шедевра. *На одном из этих портретов запечатлен иеромонах Пимен (Извеков).*

Владимир Алексеевич Солоухин в своих знаменитых «Письмах из Русского музея» (1966 г.) высказал интересное предположение: по первоначальному замыслу П. Д. Корина все персонажи «Руси уходящей» собраны в интерьере Успенского собора Кремля не потому, что они куда-то «уходят» или собираются уходить, а потому, что они ждут, – это ясно по сугубо статичному положению фигур, по той напряженности, которая заметна у них на лицах и даже в их позах. А ждут они потому, что предстоит изъятие церковных ценностей, и взгляды (все они смотрят по-разному, здесь ключ к разгадке замысла) невольно устремлены к центру храма: там, за чертой обозримого пространства, должна быть вот-вот водружена воображаемая гора изъятых сокровищ – и появится комиссар-надсмотрщик в кожаной куртке, олицетворяющий безбожную власть. Герои картины не уходят, а *стоят и ждут*, в то время как за стенами собора, «на всем Божьем свете», выражаясь словами А. Блока, свищет беспощадный ветер революции, сметающий все на своем пути...

²⁷² Сейчас здесь музей-квартира П. Д. Корина (Москва, ул. Малая Пироговская, дом № 16), филиал Третьяковской галереи, в котором, кроме произведений самого Корина, хранится его собрание икон.

Эта оригинальная трактовка послужила поводом для звонка П. Д. Корина В. А. Солоухину, после чего последовало их знакомство и беседа за чашкой чая в мастерской художника. Павел Дмитриевич возразил Владимиру Алексеевичу: замысел картины возник у него во время похорон Патриарха Тихона и был навеян проникновенным церковным пением, величественной музыкой православной панихиды, – отсюда и первоначальное название картины «Реквием». Естественно, что у художника, склонного к философским обобщениям, каким был Корин, возникло стремление запечатлеть все увиденное. (Известно также, что мысль об этой картине возникла у Корина еще раньше, за последним, как ему казалось, богослужением в Успенском соборе Кремля, совершенном Патриархом Тихоном 5 мая 1918 года, в праздник Пасхи).

Но писатель не согласился с этим, считая, что собственной субъективной трактовкой не столько огрубил, сколько обострил коринский замысел. Если внимательно взглянуть в лица героев картины – иерархов, монахов и прихожан, – считал он, – *нет в них никакой музыки, никакого реквиема, а есть решимость всё претерпеть до конца, есть либо презрение, либо ненависть.*

С такой радикальной трактовкой, конечно, трудно было согласиться. Но впоследствии, незадолго до своей кончины, Солоухин вспоминал, что Корин ему не очень-то возражал, вероятно, такая интерпретация ему прилась все же по душе.

В «Чаше» – своем последнем произведении, опубликованном уже посмертно (в 1998 году), возвращаясь к этой теме, которая продолжала его волновать до конца жизни, Солоухин так раскрыл свое рационально-интуитивное постижение картины «Русь уходящая»²⁷³:

«Вот-вот двери распахнутся, и этот ветер, персонифицированный в бандитов в кожаных куртках с маузерами в руках, ворвется в собор, и останется собор на многие годы – пуст... Теперь-то вот и надо смотреть на эскизы: КТО КАК ждет. В этом все дело. А ждут они все по-разному. Посмотрите теперь на безногого нищего, на митрополита Трифона, на крестьянина с сыном, на молодого монаха, на слепого, на схимницу, на молодую монахиню, на всех на них, посмотрите на всех с точки зрения «кто как ждет», и у вас в руках окажется ключ. Только этим ключом можно открыть сокровищницу коринского искусства. Сразу наступает нечто вроде прозрения, каждый образ, созданный Коринным, становится стократ ярче, выразительнее, богаче, психологичнее, глубже, трагедийнее, обобщеннее, драгоценнее и просто точнее...»²⁷⁴

Посмотрим и мы на эти лица, взглянемся особенно пристально в лицо молодого монаха – это иеромонах Пимен, будущий Предстоятель Русской Православной Церкви. Его портрет был написан Коринным в 1935 году, когда прошло восемь лет после иноческого пострига. Монах Пимен стоит ближе всех к зрителю, как бы выступая из поля картины...

Так и произошло. По прошествии семидесяти лет со дня последней пасхальной литургии 1918 года окончился период «вавилонского пленения» Русской Церкви, царские врата Успенского собора вновь отворились!

В 1989 году в Кремле возобновились богослужения, и первым из них стал торжественный молебен, совершенный Патриархом Пименом в честь четырехсотлетия Патриаршества на Руси. Тем самым монахом, который сошел с полотна «Руси грядущей»! Впервые после

²⁷³ Творчество В.А. Солоухина («Письма из Русского музея», 1966; «Черные доски», 1969) пробудило в обществе серьезный интерес к Церкви и к религиозным проблемам. Ему удалось сочетать яркую публицистику с тонкой и глубокой лирической исповедью, он первым провозгласил: «Время собирать камни!» – призвав в одноименной статье (1980) к восстановлению Оптиной пустыни. Отпевание писателя в храме Христа Спасителя 8 апреля 1997 г. совершил Патриарх Алексий II; это было первое отпевание в новом кафедральном соборе, для восстановления которого В. А. Солоухин сделал так много!..

²⁷⁴ Солоухин В.А. Чаша // «Роман-газета». № 6 (1324). М., 1998.

1918 года Патриарх Московский молился в Успенском соборе у раки с мощами святителя Иова – первого русского Патриарха, своего далекого и небывало близкого предшественника.

Так осуществилась сверхзадача художника, которую он, быть может, и не сознавал – выразить идею духовной преемственности. Святая Русь явила себя миру не уходящей, а продолжающей свое всемирно-историческое шествие, свой путь, устремленный ко Христу грядущему.

Источники и литература (в хронологическом порядке)

1. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М.: изд. Московской Патриархии, 1943.
2. Яковлев Б., Бурцов А. Концентрационные лагеря СССР. Исследования и материалы. Серия 1-я. Вып. 23. Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР, 1955.
3. Декреты советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
4. Наречение и хиротония архимандрита Пимена (Извекова) // «Журнал Московской Патриархии» [далее: «ЖМП»]. 1957. № 12.
5. Русская Православная Церковь. Устройство. Положение. Деятельность. М.: изд. Московской Патриархии, 1958.
6. Вступление Преосвященного митрополита Пимена на Ленинградскую кафедру // «ЖМП». 1962. № 1. С. 23—26.
7. Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения (1957—1963). Т. IV. М.: изд. Московской Патриархии, 1963.
8. Патриарший Местоблюститель Митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен // «ЖМП». 1970. № 6. С. 64—66.
9. На высоком посту Патриаршего Местоблюстителя // «ЖМП». 1971. № 2. С. 6—11.
10. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен (краткая биография) // «ЖМП». 1971. № 6. С. 23.
11. Поместный Собор Русской Православной Церкви (30 мая – 2 июня 1971 года). Документы, материалы, хроника. Издание Московской Патриархии. М., 1972.
12. Константинов Димитрий, протоиерей. Зарницы духовного возрождения. Русская Православная Церковь в СССР в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов. Канада: изд. «Заря», 1973.
13. Желудков С., свящ. Почему и я христианин. Франкфурт-на-Майне: изд. «Посев», 1973.
14. Patriarch Pimen. Union Verlag. Berlin, 1974.
15. Пимен, Патриарх Московский и всея Руси // «Большая советская энциклопедия». Изд. 3-е. Т. 19. М., 1975. С. 538.
16. Иоанн (Снычев), архиепископ. Русские православные иерархи периода с 1966 по 1975 г. (вкл.). Машинопись. Куйбышев, 1976.
17. Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. 1957—1977. Т. I. М.: изд. Московской Патриархии, 1977.
18. Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. 1977—1984. Т. II. М.: изд. Московской Патриархии, 1985.
19. Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. 1985—1990. Т. III. М., 1990 [машинопись, сост. В. Н.].
20. Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Из неопубликованного наследия // Дионисий (Шишигин), архим. «Былое пролетает... Патриарх Пимен и его время». М.: ОАО «ГУП ЭКОНОМИКА», 2010. С. 426—444. [Там же: «Хронологический указатель трудов Патриарха Пимена. 1954—1990». С. 559—587].
21. [Никитин В. А.]. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Биографический очерк // Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. 1957—1977. Т. I. С. 438—448.

22. Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами. Материалы Всемирной конференции. Москва, 6–10 июня 1977 г. Издание Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. М., 1978.
23. Московский Патриархат. 1917—1977. Книга-альбом. Изд. Московской Патриархии. М., 1978.
24. *Никитин Валентин*. Избрание и интронизация Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всей Грузии Илии II // «Журнал Московской Патриархии». 1978. № 3. С. 47—51.
25. *Никитин Валентин*. Под сенью священного Арарата // «Журнал Московской Патриархии», 1979. № 1. С. 51—57; № 2. С. 63—67.
26. 60-летие восстановления Патриаршества. Празднование юбилея 25—29 мая 1978 года. Издание Московской Патриархии, 1979.
27. *Зюзин А. И.* Деятельность Коммунистической партии по атеистическому воспитанию воинов Красной Армии в период борьбы за победу социализма в СССР (1918—1937 гг.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1980.
28. Русская Православная Церковь. Книга-альбом. Изд. Московской Патриархии, 1980.
29. Патриарх Пимен // Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1014.
30. *Шишигин Владимир, диакон*. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен. К 70-летию со дня рождения // «ЖМП». 1980. № 7. С. 4—7.
31. *Никитин В. А.* Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен. К 70-летию со дня рождения // «ЖМП». 1980. № 7. С. 7—24.
32. *Шишигин Владимир, диакон*. К 50-летию пастырского служения Святейшего Патриарха Пимена // «ЖМП». 1982. № 3. С. 28—32.
33. *Никитин Валентин*. Православие в Киевской Руси. К 1000-летию Крещения Руси // «Журнал Московской Патриархии». 1983. № 1. С. 12—18.
34. *Питирим (Нечаев), архиепископ Волоколамский*. Богословие Святейшего Патриарха Пимена. Его общественное и миротворческое служение // «Журнал Московской Патриархии». 1983. № 2. С. 20—25.
35. *Иоанн [Маслов], архимандрит, доцент МДА*. Святейший Патриарх Пимен – поборник церковных традиций // «ЖМП». 1983. № 2. С. 25—29.
36. *Смирнов Николай, протоиерей*. Путь архипастырского служения Святейшего Патриарха Пимена // Там же. С. 30—37.
37. *Скурат К. Е., проф. МДА*. Слова вечной жизни Святейшего Патриарха Пимена // Там же. С. 37—44.
38. *Шишигин Владимир, диакон*. Празднование знаменательной даты // Там же. С. 44—45.
39. *Алексий, иеродиакон, преподаватель МДС*. Торжественное юбилейное собрание в Московских Духовных школах // Там же. С. 45—46.
40. *Александр, епископ Дмитровский, ректор МДАиС*. Святейший Патриарх Пимен – преемник Московских Первосвятителей // «ЖМП». 1985. № 11. С. 11—16.
41. *Жидков Александр, священник, Елисов А., Васнев С.* 15-летие первосвятительского служения Святейшего Патриарха Пимена // «ЖМП». 1986. № 9. С. 59—60.
42. *Никитин В. А.* Рец. на кн.: Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. 1977—1984. Т. II. М.: изд. Московской Патриархии, 1985 // «ЖМП». 1986. № 9. С. 79—80.
43. *Соколов Феодор, диакон*. 76-летие Святейшего Патриарха Пимена и 15-я годовщина его интронизации // «ЖМП». 1986. № 10. С. 9—10.
44. *Василий (Кривошеин), архиепископ*. Из воспоминаний о Соборе 1971 г. // «Вестник Русского Христианского Движения». № 147 (II-1986). С. 210—235.

45. Троице-Сергиева Лавра. Книга-альбом. Сост. архимандрит Иннокентий (Просвирнин). М.: изд. Московской Патриархии, 1987.
46. Никитин В. А. Тысяча лет веры в России. Пимен, Патриарх Московский и всея Руси, дает интервью Альчесте Сантини. Милан. Изд. Паолине, 1987 // «Журнал Московской Патриархии». 1988. № 5. С. 78—80 [Портал-Credo. Ru, 22 августа 2002 г.].
47. Никитин Валентин. Крещение Руси и отечественная культура. К 1000-летию введения христианства на Руси // «Знамя». 1998. № 8. С. 162—170.
48. Тысячелетие Крещения Руси. Международная церковно-историческая конференция. Киев, 21—28 июля 1986 года. Материалы. М.: изд. Московской Патриархии, 1988.
49. Русская Православная Церковь. 988—1988. Очерки истории. Вып. 1; Русская Православная Церковь. Очерки истории 1917—1988 гг. Вып. 2. М.: изд. Московской Патриархии, 1988.
50. Глазков Е. У нас общая история, одно Отечество и одно будущее // «Знамя коммунизма» (газета). Ногинск, 1 июня 1988 г. С. 3.
51. Никитин Валентин. Новые ордена Русской Церкви // «Московские новости». 1988. № 25 (19 июня). С. 16.
52. Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М., 1988.
53. Русское Православие. Вехи истории. Сб. статей. М., 1989.
54. Под Патриаршим омофором. К 400-летию установления Патриаршества на Руси. М.: изд. Московской Патриархии, 1989.
55. Тысячелетие Крещения Руси. Поместный Собор Русской Православной Церкви. Троице-Сергиева Лавра, 6—9 июня 1988 года. Материалы. Изд. Московской Патриархии, 1990.
56. Никитин Валентин. Отец Иоанн Кронштадтский – новый угодник Божий в сонме русских святых // «Русская мысль». 1990. № 3838 (27 июля).
57. [В. Н.]. На нетленную жизнь прихожду днесь... // «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 8. С. 8—15.
58. Сергей (Соколов), архимандрит, инспектор МДА [впоследствии архиепископ Новосибирский и Бердский]. Последние дни земной жизни Святейшего Патриарха Пимена // «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 8. С. 22—25.
59. Нарциссов В. Воспоминание о Святейшем // «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 8. С. 25—26.
60. Соловьев Ю. Памяти Патриарха Пимена // «Журнал Московской Патриархии». 1990. № 8. С. 79.
61. Эллис Джейн. Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие / Пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. Лондон, Overseas Publications Interchange Ltd., 1990.
62. Одинцов М. И. Государство и Церковь (История взаимоотношений. 1917—1938 гг.). М., 1991.
63. Белавенец Сергей [иеромонах Никон]. Памяти Патриарха Пимена // «Журнал Московской Патриархии». 1991. № 9. С. 29—32.
64. Иона (Яшунский), иеромонах. Наши катакомбы // «Вестник русского христианского движения». 1992. № 166 (III – 1992). С. 243—260.
65. Алексеева Людмила. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Гл. 14 («Православные»). Вильнюс–Москва, 1992. С. 176—190.
66. Козаржевский А. Ч. Церковно-приходская жизнь Москвы 1920–1930-х годов // «Журнал Московской Патриархии». 1992. № 11—12. С. 21—28.
67. Из-под глыб. Сб. статей. М.: «Русская книга», 1992.
68. Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские. Ч. 1. Джорданвилль, 1949; Ч. 2. Джорданвилль, 1957 [репринт: М., 1993].

69. Религия и демократия. На пути к свободе совести. Вып. 2. М., 1993.
70. Русак В. (Степанов). История российской церкви. Со времени основания до наших дней. Джорданвилль, 1993.
71. Степанов (Русак) Владимир. Свидетельство обвинения. Т. 1–3. М.: «Русское книгоиздательское товарищество», 1993.
72. Аман Ив. Александр Мень. Свидетель своего времени. М., 1994.
73. Вронская Джин, Чугуев Владимир. Кто есть кто в России и в бывшем СССР. Выдающиеся личности бывшего Советского Союза, России и эмиграции. М.: «Терра», 1994. С. 422.
74. Михаил (Мудьюгин), архиепископ. Русская православная церковность. Вторая половина XX века. М.: Библейско-Богословский институт, 1995.
75. Российская церковь в годы революции (1917—1918 гг.). Сборник / Подготовка текста М. И. Одинцова. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1995.
76. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943—1964 годах. От «перемирия» к новой войне. СПб., 1995.
77. Пархаев Е. А. Художественно-производственному предприятию «Софрино» – 15 лет // «ЖМП». 1995. № 9–10. С. 26—31.
78. Штриккер Герд (составитель). Русская Православная Церковь в советское время. 1917—1991. Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1–2. М., 1995.
79. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: «Республика», 1995.
80. Пимен (Извеков) – последний «советский» патриарх / Публ. подгот. М. И. Одинцов // «Отечественные архивы». 1995. № 1.
81. Флоренский Павел, священник. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Сочинения в четырех томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1996. С. 352—369.
82. Поспеловский Дмитрий. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996.
83. Цыпин Владислав, протоиерей. Русская Православная Церковь (1917—1925). М.: изд. Сретенского монастыря, 1996.
84. Мень Александр, протоиерей. Воспоминания // «Континент». 1996. № 88. С. 242—293.
85. Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев. СПб., 1996.
86. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: изд. «Церковь», 1996.
87. Регельсон Лев. Трагедия Русской Церкви. 1917—1945. 2-е изд. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996.
88. Свенцицкий Анатолий. Они были последними? М.: «Грааль», 1997.
89. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. 1917—1997. М.: изд. Валаамского монастыря, 1997.
90. Шавельский Георгий, протопресвитер. Церковь и революция. 1922 г. // «Церковно-исторический вестник». № 1. М., 1998. С. 111—121.
91. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. От редакции. Предисловие к разделу «Новейшая история Русской Церкви в документах» // «Церковь и время». № 1 (4). 1998. С. 35—37.
92. Солоухин В. А. Чаша // «Роман-газета». № 6 (1324). М., 1998.
93. Шапошников Л. Е. Философия и догматическое богословие в России. СПб., 1998.

94. *Никитин Валентин*. От анафемы к прославлению // «Патриарх Московский и всея Руси Тихон. Личность, эпоха и наследие». Тверь, 1999. С. 20—32.
95. *Цыпин Владислав, протоиерей*. Русская Православная Церковь. 1925—1938. М.: изд. Сретенского монастыря, 1999.
96. *Сергий (Соколов), еп. Новосибирский и Бердский*. Правдой будет сказать... Записки о пережитом. Новосибирск, 1999 (электронная версия на сайте «Бердск православный» <http://berdsk.orthodoxy.ru/literat/pravdoi/index.htm>); там же: О последних днях земной жизни Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена).
97. *Ильин В.И.* Город-концлагерь: социальная стратификация гулаговской Воркуты // «Стратификация в России: история и современность» / Отв. редактор Ю. М. Рапопорт. Сыктывкар: изд. Сыктывкарского университета, 1999. С. 44—70.
98. Российское законодательство о свободе совести в 80–90-х гг. XX века: теоретические споры, реформирование правовых основ, практическая реализация законодательных актов. М., Институт религии и права, 1999.
99. *Дмитрий Орехов*. Святые места России. СПб.: «Невский проспект», 1999.
100. *Тихон (Емельянов), епископ Бронницкий*. Из воспоминаний о Святейшем Патриархе Московском и всея Руси Пимене (Извекове). Рукопись. М., 2000.
101. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000.
102. Московская регентско-певческая семинария. 1998—1999. Сб. статей, воспоминаний, архивных документов. М., 2000.
103. *Цыпин Владислав, протоиерей*. Русская Православная Церковь в новейший период. 1917—1999 гг. // «Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь». М., 2000. С. 134—178.
104. *Дамаскин (Орловский), игумен*. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период // «Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь». М., 2000. С. 179—189.
105. *Журавский А.В.* Приход в Русской Православной Церкви. XX век // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 276—294.
106. *Андроник (Трубачев), игумен*. Канонизация святых в Русской Православной Церкви // «Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь». М., 2000. С. 346—371.
107. *Козлов Максим, священник*. Духовное образование. XVII—XX вв. // «Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь». М., 2000. С. 407—426.
108. *Евлогий (Смирнов), архиепископ*. Это было чудо Божие. История возрождения Данилова монастыря. М., 2000.
109. *Матюшин Сергей, диакон*. Лаврские дома // «Встреча». № 1 (14). Сергиев Посад, 2001.
110. *Никитин В.А.* Памяти Патриарха Московского и всея Руси Пимена. М.: изд. Художественно-производственного предприятия «Софрино», 2002.
111. *Королев Александр*. Пожнѐм, если не ослабеем. Духовенство стремится отвечать на вызовы времени // «Труд» (газета). 3 сентября 2002 г.
112. *Одинцов М. И.* Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002.
113. *Шимон И. Я.*...Плюс атеизация всей страны (государственно-церковные отношения в 1920–1930-е годы). Дубна, 2002.
114. *Извеков И.Н., Извеков А.И., Баранов С.Ю.* 500 лет на службе России. Дворянский род Извековых от Вяземских вотчинников до наших дней / Предисл. акад. С.О. Шмидт. СПб.: «Наука», 2002.

115. *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. С подробным историческим описанием основания Москвы и очерком ее замечательных окрестностей. Изд. 3-е [изд. 1-е – 1893]. М., 2003.
116. Святыни Москвы. Справочник-путеводитель. Ч. I. М., 2002; Ч. II. М., 2003.
117. *Свенцицкий Валентин, протоиерей.* Монастырь в миру. Проповеди и поучения. М.: «Лествица», 2003.
118. *Миллер Т. А.* Святейший Патриарх Пимен // «Альфа и Омега». 2003. № 3 (37).
119. *Василий (Кривошеин), архиепископ.* Поместный Собор Русской Православной Церкви и избрание Патриарха Пимена. СПб., 2004.
120. Патриархи Московские. / Сост. Н. Н. Лисовой. М.: изд. «ОЛМА-ПРЕСС», 2004. С. 461—490.
121. *Любартович В.А., Юхименко Е.М.* Собор Богоявления в Елохове. История храма и прихода. М., 2004.
122. Поэзия узников ГУЛАГа. Антология / Сост. С. С. Виленский. М.: Международный фонд «Демократия»; изд. «Материк», 2005.
123. Вера без дел мертва есть... К 25-летию художественно-производственного предприятия Русской Православной Церкви «Софрино». Софрино, 2005. С. 19—54.
124. Спаси и сохрани. Свидетельства очевидцев. М., 2006.
125. *Сенчуrowa Татьяна.* Муромский период в биографии Святейшего Патриарха Пимена (1945—1946) // Муром Православный. Альманах. Книга третья. Ноябрь. 2006. С. 35—37.
126. *Тихон (Секретарев), архим.* Врата Небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. М.: издательство им. Св. Льва, Папы Римского, 2008.
127. *Мирей Массип.* Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. М.: изд. «Языки славянской культуры», 2010. С. 627—633, 644, 652, 656.
128. *Дионисий (Шишигин), архимандрит.* Старший лейтенант Извеков // «Московский журнал». 2010. № 5 (233).
129. *Дионисий (Шишигин), архим.* «Былое пролетает... Патриарх Пимен и его время». М.: ОАО «ГУП ЭКОНОМИКА», 2010.